Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ
(ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ)

1940

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1940

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ МОЛОТОВ

ПРИВЕТСТВИЯ
товарищу В. М. МОЛОТОВУ
в связи с 50-летием со дня рождения

Верному соратнику Ленина и Сталина— Вячеславу Михайловичу Молотову

Центральный Комитет большевистской партии горячо приветствует тебя, верного соратника Ленина и Сталина, руководителя Советского Правительства — в день твоего пятидесятилетия.

Всю свою сознательную жизнь ты непрерывно служишь делу рабочего класса, делу коммунизма в качестве выдающегося деятеля и вождя большевистской партии. В черные годы реакции после поражения революции 1905—1907 гг., в годы подъема рабочего движения, в эпоху «Звезды» и «Правды», в огне первой мировой империалистической войны — ты всегда высоко держал знамя большевизма, неутомимо борясь за диктатуру пролетариата в нашей стране. Как член Петроградского Военно-Революционного Комитета ты провел большую революционно-большевистскую работу в Октябре 1917 года. Своей работой в качестве руководителя партийных организаций Донбасса, Украины, Москвы, в качестве Секретаря ЦК ВКП(б), своей многолетней славной работой на посту главы Советского Правительства ты заслужил горячую любовь и огромное уважение партии и трудящихся Советского Союза.

Как один из виднейших вождей большевистской партии, как крупнейший организатор социалистической экономики и новой, коммунистической культуры, ты воплотил в себе лучшие качества политического деятеля ленинско-сталинского типа. Ты всегда вел и ведешь последовательную борьбу за идеи марксизма-ленинизма, неуклонно отстаивая линию партии против врагов партии и советского народа, против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других агентов буржуазии.

Твоей энергии, твоей неутомимой работе на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР страна социализма во многом обязана своими успехами и победами. В своих устных и печатных выступлениях перед партией и страной ты обобщаешь гигантский опыт великой работы по созданию коммунистического общества.

Желаем тебе, наш дорогой друг и товарищ, от всей души многих, многих лет здоровья и дальнейшей плодотворной работы на благо нашей партии, на благо нашей родины, на благо коммунизма.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков

Верному соратнику Ленина и Сталина, главе Советского Правительства — Вячеславу Михайловичу Молотову

В день Вашего пятидесятилетия Совет Народных Комиссаров Союза ССР шлет Вам большевистский привет и горячие пожелания доброго здоровья и сил на многие и многие годы.

В Вашем лице Совет Народных Комиссаров Союза ССР приветствует верного соратника Ленина и Сталина, деятеля ленинско-сталинского типа, сочетающего в себе большевистскую непримиримость к врагам с глубочайшей преданностью делу своего народа, своей партии.

Всю свою сознательную жизнь, с молодых лет, посвятили Вы делу освобождения рабочего класса и торжества социализма. Еще при царизме, высоко держа знамя Ленинской партии, Вы неутомимо боролись за свержение царизма, за победу революции. Вы провели выдающуюся работу по строительству нашей партии, как до революции, так и после победы диктатуры пролетариата. Вы в качестве члена Петроградского Военно-Революционного Комитета в дни Октябрьской Революции боролись за торжество советской власти. Все годы Социалистической Революции в качестве партийного и советского руководителя, на всех этапах борьбы за победу ленинизма, за уничтожение врагов коммунизма со всей принципиальной последовательностью несли Вы боевое знамя партии Ленина — Сталина.

Ваше пятидесятилетие совпадает с десятилетием Вашего пребывания на посту Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР, десятилетием, насыщенным замечательными событиями как во внутренней жизни нашей великой родины, так и в международных отношениях.

За эти 10 лет советская страна под руководством нашего великого Сталина одержала блестящие победы на всех участках борьбы за социализм. За эти годы в СССР восторжествовали и воплотились в жизнь великие принципы социализма. В течение всех этих лет Вы были и остаетесь ближайшим помощником товарища **Сталина** в деле построения в СССР социализма, в деле организации советского социалистического хозяйства, нового социалистического общества, нового социалистического государства рабочих и крестьян.

В своей повседневной государственной работе на посту главы Советского Правительства Вы показываете образец осуществления указаний и директив Партии, воспитывая в руководителях и всех работ-

никах государственного аппарата, глубокую преданность делу Ленина — Сталина, чувство ответственности и сознание своего партийного и государственного долга в работе.

В своей работе по организации народного хозяйства, по разработке и осуществлению пятилетних планов, по подъему социалистической культуры Вы всегда и неизменно показываете и учите, как нужно по-большевистски, по-сталински решать эти вопросы.

Как выдающийся партийный и государственный деятель, Вы неустанно работаете над укреплением советского государства, неуклонно разоблачая попытки врагов народа развинтить и подорвать мощь советского государственного аппарата.

Как выдающийся организатор советской экономики и культуры, Вы отдаете все свои силы на укрепление хозяйственной мощи Советского Союза, на дело подъема культурного и материального благосостояния трудящихся нашей родины, на сплочение всех народов нашей родины вокруг советской власти и партии Ленина — Сталина.

В качестве главы Советского Правительства и Народного Комиссара иностранных дел, Вы являетесь верным и последовательным проводником ленинско-сталинской внешней политики советского государства, борясь за торжество дела мира в международных отношениях и неуклонно осуществляя заботу об укреплении обороноспособности нашего государства, могущества и славы нашей непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

В Вашем лице мы приветствуем главу Советского Правительства, друга и помощника нашего великого учителя и вождя товарища **Сталина.**

Да здравствует великая партия **Ленина — Сталина!**

Да здравствует вождь социалистического государства — великий **Сталин!**

Да здравствует глава Советского Правительства Вячеслав Михайлович **Молотов!**

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Вячеслав Михайлович Молотов

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Составил Г. А. Тихомирнов

Молотов (Скрябин), Вячеслав Михайлович, родился 9 марта 1890 г. в слободе Кукарке Вятской губернии (ныне г. Советск, Кировской области) в семье приказчика.

В 1902 г. Молотов поступает в 1-е Казанское реальное училище. Вращаясь в кругу революционно настроенной молодежи, он уже в 1905 г. примыкает к революционному движению, участвуя в революционных кружках, митингах и демонстрациях против царизма. В 1906 г. Молотов вступает в социал-демократическую (большевистскую) организацию Казани, а в летнее время участвует в социал-демократической организации г. Нолинска (теперь — Кировской области), где в те годы было не мало ссыльных революционеров. В Казани он становится одним из главных организаторов революционной части учащихся среднеучебных заведений, которая в период начавшейся царской реакции и повального отхода интеллигенции от революции после 1905 г. сыграла заметную революционную роль среди учащихся молодежи г. Казани и фактически находилась под руководством близкой к большевикам марксистской части молодежи. Эта революционная организация учащихся создает в учебных заведениях Казани целый ряд нелегальных кружков и создает свой общегородской руководящий центр, в который входит Молотов.

Эта революционная организация учащихся средних школ ведет на протяжении 1907—1909 гг. занятия в своих кружках по основным вопросам марксизма и революционного движения, руководит оппозиционными выступлениями учащихся против казарменного школьного режима, организует денежные сборы и материальную помощь заключенным в тюрьме и ссыльным-революционерам, помогает распространению большевистской литературы, начинает пропагандистскую работу среди рабочих.

В апреле 1909 г., перед выпускными экзаменами в реальном училище, Молотов вместе с некоторыми членами революционной организации учащихся арестовывается и в июне того же года высылается на 2 года в Вологодскую губернию.

В ссылке Молотов находится сначала в городах Тотьме и Сольвы-

чегодске, а затем в г. Вологде, где экстерном сдает выпускные экзамены в реальном училище.

В Вологде, находясь в ссылке под надзором полиции, Молотов ведет активную нелегальную партийную работу среди железнодорожных рабочих, составлявших в Вологде главные пролетарские кадры. Большевистская организация г. Вологды, фактически созданная Молотовым, в 1910—1911 гг. значительно усиливает свою деятельность, твердо проводя антиликвидаторскую линию большевиков. Большое внимание в эти годы Молотов уделяет изучению основных трудов марксизма («Капитал» и др.). Вологодское и Вятское жандармские управления в своих агентурных сводках отмечают, что Молотов «отличается знанием с.-д. программы и литературы», «является серьезным организатором».

По окончании срока ссылки, в июне 1911 г. Молотов едет в Петербург и поступает в Петербургский политехнический институт. Здесь он проводит большую работу по сплочению большевистских кадров студенчества. При его активном участии были созданы большевистские группы и в других высших учебных заведениях Петербурга, объединенные в общегородском комитете большевистских студенческих организаций. Эти студенческие большевистские организации Петербурга создают ряд нелегальных студенческих кружков, проводят революционные выступления студенчества против царизма в высших учебных заведениях, распространяют большевистские прокламации и т. д. Большевистские студенческие организации, являвшиеся в то время важным помощником партии в ее деятельности среди рабочих, дают главные силы для большевистской пропаганды среди петербургских рабочих, причем Молотов ведет работу одновременно в нескольких рабочих кружках.

С начала 1912 г. Молотов работает в большевистской газете «Звезда» и принимает самое близкое участие в создании легальной большевистской ежедневной газеты «Правда». Молотов входит в состав редакции «Правды» и активно сотрудничает в ней, помещая статьи без подписи и под псевдонимами: А. Рябин, В. Михайлов, А. Званов. С этого времени Молотов начинает встречаться с товарищем Сталиным, непосредственно руководившим в Петербурге созданием «Правды». Будучи секретарем редакции в 1912 г. и являясь одним из руководителей «Правды», Молотов ведет переписку с заграничным центром большевиков и лично с В. И. Лениным. Несмотря на преследования полиции, вынудившей его перейти в конце 1912 г. на нелегальное положение, Молотов работает как член Петербургского комитета большевиков, ведет пропагандистскую работу в Выборгском районе и среди железнодорожников Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, а также принимает участие в выборной кампании в IV Государственную думу и в руководстве большевистской думской фракцией.

Во всей своей работе Молотов ведет непримиримую борьбу с ликвидаторством (меньшевизмом) и другими антибольшевистскими течениями в Петербурге, продолжая также сотрудничать в «Правде».

В апреле 1913 г., при ликвидации царской охранкой «Объединенного социал-демократического студенческого комитета», Молотов арестовывается и через несколько месяцев высылается из Петербурга с запрещением проживать в целом ряде крупных городов и промышленных губерний (так называемые «64 пункта»).

После выхода из тюрьмы Молотов, поселившись за пределами Петербурга, но недалеко от него, продолжает нелегальную партийную работу в петербургской организации большевиков и в «Правде».

В этот период сотрудничества в «Правде», относящийся ко второй половине 1913 г., Молотов активно участвует в работе петербургских профсоюзов, выступает на профсоюзных собраниях рабочих, освещает их деятельность в «Правде», помогает большевистским деятелям в профсоюзах в их руководящей работе, а также в издании профсоюзных журналов. В конце 1913 г. Молотов снова арестовывается по обвинению в участии в деятельности Петербургского комитета РСДРП(б), но за недостаточностью улик освобождается под надзор полиции. Ввиду запрещения жить в самом Петербурге Молотов снова поселяется под Петербургом и продолжает прерванную арестом большевистскую работу среди рабочих, а также в «Правде» и в большевистском журнале «Просвещение».

В мае 1914 г. Молотов вновь арестовывается и вскоре затем высылается с запрещением проживать в столице и во многих других городах и губерниях (так называемые «45 пунктов»).

В начале империалистической войны Молотов находится в Петербурге. Он занимает последовательную ленинскую позицию в вопросе о войне и революции, ведя непримиримую борьбу с шовинистическими шатаниями в рядах рабочих организаций.

Вскоре он переезжает в Москву, где развертывает работу по воссозданию большевистской московской организации, разгромленной царской охранкой в начале войны. Здесь Молотов ведет упорную, кропотливую работу по собиранию разрозненных сил московских большевиков и по очистке партийных рядов от многочисленных тогда провокаторов-охранников. Ему удается организовать несколько активных большевистских групп в разных районах Москвы. Основную работу Молотов проводит среди рабочих Лефортовского, Симоновского и Пресненского районов, руководя созданием партийных организаций на московских заводах и фабриках, выпуском и распространением большевистской литературы против царизма и империалистической войны.

Весной 1915 г. был подготовлен созыв Московской общегородской конференции большевиков, но по доносу пробравшихся в организацию провокаторов-охранников Молотов в июне арестовывается и в сентябре того же года высылается этапным порядком на 3 года в Иркутскую губернию (село Манзурка).

В мае 1916 г. Молотов бежит из сибирской ссылки, едет в Петроград, где ведет нелегальную работу в качестве партийного профессионала.

Осенью 1916 г. Молотов, по указанию находившегося за границей Центрального комитета большевистской партии, кооптируется в состав Российского бюро ЦК большевиков, организовывавшего под постоянным и активнейшим руководством В. И. Ленина большевистские силы в России во время войны. Молотов ведет руководящую работу в большевистской организации в Петрограде, выезжает в Москву для укрепления московской большевистской организации, поддерживает связи с партийными организациями в воинских частях и в провинции. Ряд боевых прокламаций, изданных Бюро ЦК и Петербургским комитетом большевиков, посвященных войне и насущным задачам рабочего движения, издается при ближайшем участии Молотова. В этот период Молотов сотрудничает также в единственном легальном большевистском журнале «Вопросы страхования». Преодолевая большие трудности нелегальной жизни во время войны, меняя часто паспорта и квартиры, Молотову удается избежать ареста и непосредственно участвовать в большевистском руководстве революционным движением, подготовившим Февральскую революцию 1917 г.

Во время Февральской буржуазно-демократической революции и затем на протяжении всей последующей работы в Петрограде Молотов — член Петроградского комитета РСДРП(б). Как представитель большевистской партии он входит в Исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов со дня его образования, принимает ближайшее участие в создании солдатской секции и в превращении Петроградского совета в совет рабочих и солдатских депутатов, участвует во всей работе большевистской фракции совета. Молотов руководит восстановлением и выпуском «Правды» и до возвращения товарища Сталина из сибирской ссылки является одним из главных редакторов «Правды». Молотов принимает также активное участие в работах Апрельской партийной конференции, VI съезда партии, являясь одним из руководителей петроградской большевистской организации. Наиболее тесно Молотов связан в этот период, как и раньше, с рабочими Выборгского района, где особенно были прочны большевистские позиции в Петрограде.

Во время подготовки и в дни Октябрьской социалистической революции Молотов — один из руководителей большевиков, работающих в Петрограде непосредственно под руководством В. И. Ленина и товарища Сталина. В качестве представителя Петроградского комитета большевиков он — член Военно-революционного комитета, руководившего восстанием в Октябрьские дни, а затем становится одним из основных руководителей Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

В начале 1918 г. Молотов выдвигается председателем Совета народного хозяйства Северного района, в который входило тогда 7 северных губерний, в том числе Петроградская. Под его руководством в Петрограде и во всей Северной области проводится национализация фабрик и заводов, организуется наиболее широко рабочий контроль над промышленным производством. В процессе этой работы рабочие

петроградских заводов осваивают сложную технику управления производством и впервые выдвигают из своей среды руководящие кадры строителей социалистического хозяйства. Первый практический опыт строительства социалистического хозяйства подытоживается под руководством Молотова в брошюре «Как рабочие строят социалистическое хозяйство», вышедшей в конце 1918 г.

Летом 1919 г. Молотов назначается уполномоченным партии и советского правительства в Поволжье, чтобы в освобожденных Красной Армией от чехословацких и колчаковских войск районах в кратчайший срок создать и укрепить советские и партийные организации. На специальном пароходе «Красная звезда» он вместе с руководящими работниками различных наркоматов объезжает в течение нескольких месяцев поволжские и прикамские города (Н.-Новгород, Чебоксары, Казань, Чистополь, Ижевск, Пермь, Симбирск, Самара, Саратов и др.), а также многие села и деревни на Волге и Каме. В Поволжье под его руководством проводится широкий политический и практический инструктаж советского и партийного аппарата в городах и в деревнях, а также большое количество массовых собраний рабочих, крестьян и красноармейцев.

С конца 1919 г. Молотов — председатель Нижегородского губернского исполкома, а в сентябре 1920 г. направляется Центральным комитетом партии в Донбасс и становится секретарем Донецкого губкома. На IX Всероссийском съезде РКП(б) Молотов избирается кандидатом в члены ЦК РКП(б). В ноябре 1920 г. на V конференции коммунистической партии Украины Молотов избирается членом и секретарем ЦК КП(б) Украины. В 1920—1921 гг. Молотов решительно проводит ленинскую линию в профсоюзной дискуссии против всех оппозиционных течений — против троцкистов и бухаринцев, против «рабочей оппозиции» и децистов (группа так называемого «демократического централизма»). На X Всероссийском съезде партии в марте 1921 г., когда партия под руководством Ленина перешла к новой экономической политике, Молотов избирается членом и ответственным секретарем ЦК РКП(б), а также кандидатом в члены Политбюро ЦК. Вся работа Молотова в ЦК РКП(б) протекает в повседневной непосредственной связи с Лениным, под его ближайшим руководством, а также при постоянной руководящей помощи со стороны товарища Сталина.

С этого времени В. М. Молотов работает в Москве, участвуя во всей руководящей работе партии и советского государства, неуклонно отстаивая ленинскую линию в борьбе партии с троцкизмом и другими мелкобуржуазными группами и течениями.

С января 1926 г., после XIV съезда партии, Молотов — член Политбюро ЦК ВКП(б). На протяжении ряда лет Молотов также является членом Исполкома Коминтерна. В 1927 г. Молотов — член Президиума ВЦИК, в 1929 г. — член Президиума ЦИК СССР. В период разгоревшейся в середине 1928 г. борьбы партии с правыми, которые ставили главную ставку на овладение московской организацией, партия вы-

двигает Молотова секретарем МК ВКП(б) по совместительству с работой секретаря ЦК ВКП(б).

С 19 декабря 1930 г. В. М. Молотов — на посту председателя Совнаркома СССР.

Выступая на декабрьском объединенном пленуме ЦК и ЦКК в 1930 г., т. Молотов, в связи с назначением его председателем Совнаркома СССР, сказал:

«Сейчас, ввиду моего нового назначения, я не могу не сказать несколько слов и о себе, о своей работе.

Я рос в большевистской партии и связан с нею многими годами непрерывной работы. У меня, как у коммуниста, нет и не может быть большего желания, чем быть на деле учеником Ленина. Мне недолго пришлось работать под непосредственным руководством Ленина, но для меня, как коммуниста, всегда было и остается главной задачей — усвоение учения Маркса — Ленина и активное участие в деле воплощения в жизнь марксистско-ленинского учения. В течение последних лет мне пришлось, в качестве секретаря Центрального Комитета, проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под непосредственным руководством товарища Сталина. Я горжусь этим.

До сих пор мне приходилось работать, главным образом, в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета» (**Молотов,** В борьбе за социализм, стр. 76, Партиздат, 1934 г.).

Молотов всегда вел и ведет последовательную борьбу за идеи марксизма-ленинизма, неуклонно отстаивая линию партии против врагов партии и советского народа, против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев и других агентов буржуазии и фашизма.

Все выступления, доклады и статьи Молотова проникнуты знанием теории марксизма-ленинизма, направлены против всех и всяких антиленинских уклонов и оппозиций. Нередко партия поручала Молотову выполнять важные задания по борьбе с антибольшевистскими оппозициями в отдельных крупнейших парторганизациях (Ленинград, Москва, Урал), а также по проведению решающих хозяйственно-политических задач, как, например, известная задача механизации угольной промышленности Донбасса, хлебозаготовки и борьба с кулачеством, колхозное строительство и др., с длительными выездами на места: на Украину, Северный Кавказ, в Сибирь и другие районы.

В течение 1921—1930 гг. Молотов в качество секретаря ЦК ВКП(б) ведал вопросами партийного строительства и подбора партийных кадров. На эти темы опубликованы следующие его работы: «Вопросы партийной практики» (брошюра), «Партия и Ленинский Призыв» (брошюра), доклады на XI, XIII и XIV партийных съездах по организационным вопросам и др.

Начиная с 1924 г., когда партия развернула подготовку деревни к переходу на путь коллективизации, Молотову поручалось не раз выступать с руководящими докладами по вопросам деревни и коллективизации сельского хозяйства на пленумах ЦК ВКП(б), на партийных съездах и конференциях. Из статей и докладов В. М. Молотова по этим вопросам нужно указать прежде всего следующие: сборник статей и речей «Политика партии в деревне», доклад на XV партийном съезде «О работе в деревне» и целый ряд других, опубликованных в последние годы.

Вопросы социалистической индустриализации страны, первая и вторая пятилетки, советское строительство и Советская конституция, национальный вопрос и дружба народов СССР и, наконец, вопросы международной политики и международной борьбы за коммунизм — все это темы, которым уделяется большое внимание в статьях и выступлениях Молотова. (См. следующие изданные его работы: «В борьбе за социализм» — сборник статей и докладов, «Великая дружба народов СССР» — сборник речей, «Статьи и речи» (1935—1936 гг.), «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», «К двадцатилетию Октябрьской революции»).

В. М. Молотов известен партии и широким массам трудящихся как верный ученик Ленина и ближайший соратник вождя народов товарища Сталина, как один из крупнейших организаторов и руководителей большевистской партии и советской власти.

Гражданская война в Финляндии (1918 г.)

Революционная борьба пролетариата Финляндии против экономического и национального гнета на протяжении целого ряда десятилетий была тесно связана с революционной борьбой пролетариата России.

Уже в революцию 1905—1907 г.г. пролетариат Финляндии вместе с рабочими, солдатами и матросами выступал в борьбе против самодержавия. Во время свеаборгского восстания в июле 1906 г. Красная гвардия рабочих Гельсингфорса вместе с русскими матросами и солдатами сражалась против общего врага — самодержавия и русской и финляндской буржуазии.

Ни жесточайшие репрессии, ни террор, ни искусственное разжигание национальной вражды не помогли царизму разорвать союз пролетариев русской и финляндской национальностей.

Об этом союзе пролетариата России и Финляндии В. И. Ленин еще в 1909 г. писал:

«...Пролетариат Финляндии знает, что с первых же шагов своей новой борьбы он будет иметь на своей стороне социалистический пролетариат всей России, готовый, каковы бы ни были тяжелые условия современного момента, выполнить свой долг, **весь свой долг**.

...Какие бы горькие минуты новая борьба не несла столь мужественному финляндскому пролетариату, новыми узами солидарности свяжет она рабочий класс Финляндии и России, приготовляя его к тому моменту, когда он будет в силах доделать то, что он начал в октябрьские дни 1905 года и что пытался продолжать в славные дни Кронштадта и Свеаборга» [1].

Февральская революция 1917 г. не освободила пролетариат и беднейшее крестьянство Финляндии ни от капиталистического гнета русской и финляндской буржуазии ни от гнета национального. Временное правительство Милюкова — Керенского в союзе с финляндской буржуазией продолжало контрреволюционную политику самодержавия.

Контрреволюционная политика русской и финляндской буржуазии находила всемерную поддержку у меньшевиков, эсеров и той части финляндской социал-демократии, которая весной 1918 г. помогла Маннергейму и иностранным интервентам потопить революцию в потоках крови пролетариата и крестьянства Финляндии.

Только партия большевиков под руководством Ленина и Сталина до конца последовательно проводила действительно демократическую политику в национальном вопросе.

«Решительная и последовательная позиция партии в национальном вопросе, борьба партии за полное равноправие наций и за уничтожение всех форм национального гнета и национального неравноправия обеспечили ей симпатии и поддержку угнетенных национальностей» [2].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XIV, стр. 184—185.

[2] «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», краткий курс, стр. 182.

И неслучайно поэтому, вопреки всем попыткам финляндской буржуазии изолировать пролетариат и крестьянство Финляндии от русского революционного пролетариата, рабочий класс Финляндии в союзе с рабочим классом, солдатами и матросами России продолжал борьбу против русской и финляндской буржуазии.

Уже с весны 1917 г. всю Финляндию охватила волна стачек. Вместе с рабочими промышленных предприятий в стачках принимали участие и сельскохозяйственные рабочие. Быстро выросло число рабочих организаций. За 1917 г. число членов профсоюзов увеличилось почти в четыре раза. Так же быстро возросло и число членов социал-демократической партии. Уже на июньском (1917 г.) чрезвычайном партийном съезде было представлено 125 тыс. членов партии против 70 тыс. до революции.

Забастовки перерастают в открытые столкновения рабочих с буржуазными охранными отрядами «шюцкоров». Для противодействия контрреволюционным проискам буржуазии рабочие повсеместно создавали дружины «гвардии порядка», которые позже, когда буржуазия подняла мятеж, были реорганизованы в Красную гвардию Финляндии.

Великая октябрьская социалистическая революция в России вызвала новый подъем революционного движения в Финляндии.

13 ноября 1917 г. началась всеобщая забастовка. В большинстве промышленных районов юга власть фактически перешла в руки рабочих. Для руководства революционной борьбой пролетариата был образован Центральный революционный рабочий совет.

Под влиянием забастовки Сейм утвердил закон о 8-часовом рабочем дне и общинных самоуправлениях. Но рабочие потребовали создания социал-демократического Сената (правительства). Были выставлены кандидатуры из числа рабочих социал-демократов.

В ответ на это буржуазный Сейм 26 ноября утвердил реакционное правительство Свинхувуда. Контрреволюционеры втихомолку готовились к разгрому пролетариата.

Под давлением низовых партийных организаций руководство социал-демократической партии было вынуждено 25—27 ноября 1917 г. созвать чрезвычайный партийный съезд с приглашением русских большевиков.

На съезд прибыл товарищ Сталин.

Приветствуя съезд, товарищ Сталин в своей речи дал яркую картину великих побед Октябрьской социалистической революции в России. По вопросу о независимости Финляндии товарищ Сталин сказал: «Я должен заявить самым категорическим образом, что мы не были бы демократами (я не говорю уже о социализме), если бы не признали за народами России права свободного самоопределения. Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права свободного самоопределения восстановить такое доверие немыслимо. И важно здесь не только словесное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом народных комиссаров на деле, что оно будет проведено в жизнь без колебаний. Ибо время слов прошло. Ибо настало время, когда старый лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» должен быть проведен в жизнь.

Полная свобода устроения своей жизни за финляндским, как и за всеми народами России. Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским. Никакой опеки, никакого надзора сверху за финляндским народом. Таковы руководящие начала политики Совета народных комиссаров.

Только в результате такой политики может быть создано взаимное доверие народов России».

Касаясь очередных задач пролетариата Финляндии, товарищ Сталин призвал его взять власть в свои руки — «нет таких опасностей и затруднений, которые могли бы устоять против нашего натиска... Смелость, смелость, еще раз смелость.

И если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку. В этом вы можете быть уверены» [1].

О том, как советское правительство и большевистская партия практически разрешали вопрос о национальном самоопределении народов, свидетельствует их решение о предоставлении независимости Финляндии.

31 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров признал независимость Финляндии.

Признание независимости Финляндии со стороны советского правительства было использовано буржуазией в ее контрреволюционных целях. Началась бешеная подготовка контрреволюционного восстания. Эмиссары Свинхувуда и Маннергейма вербовали заграницей «добровольцев» и закупали оружие.

В самой Финляндии, в Эстерботнии, Маннергейм формировал шюцкоровские отряды. Одновременно белогвардейцы стали нападать на отряды Красной гвардии и гарнизоны русских войск, еще не успевшие оставить территорию Финляндии.

19 января 1918 г. шюцкоры попытались поднять мятеж в Выборге. Но Красная гвардия с помощью русских солдат подавила мятеж в самом начале. Белогвардейцы бежали из Выборга на север в г. Антреа, где и создали т. н. Карельский фронт.

Таким образом финляндская буржуазия начала гражданскую войну против рабочего класса.

Первый раздел публикации посвящен вопросу подготовки и провокации гражданской войны финляндской буржуазией. В архивах отложилось значительное количество исторических документов, связанных с этим вопросом. Преимущественно это материалы различных воинских частей, находившихся в то время в Финляндии.

Во втором разделе публикации помещены документы, относящиеся к вопросу организации Красной гвардии пролетариата Финляндии, ответившего вооруженным выступлением на провокационные действия буржуазии. 26 января 1918 г. Главный штаб рабочей гвардии издал приказ № 1, в котором назначалась экстренная мобилизация рабочих. На следующий день 27 января власть в Гельсингфорсе была взята рабочими. Начало выступления рабочих Гельсингфорса послужило сигналом для пролетариата всей Финляндии.

К Гельсингфорсу стали стягиваться отряды Красной гвардии. Верховная исполнительная власть была вручена Совету народных уполномоченных, в состав которого вошли Куусинен, Сирола и др.

Русские революционные войска и пролетариат Петрограда по мере своих сил и возможностей оказывали помощь героической борьбе пролетариата Финляндии. Рабочие Петрограда послали на помощь выборгскому пролетариату несколько вооруженных отрядов. В Гельсингфорсе, Або, Таммерфорсе и др. городах русские солдаты вместе с красногвардейцами отражали натиски маннергеймовских банд. В третьем разделе публикации и помещены документы, характеризующие братскую дружбу и совместную борьбу русского и финляндского народа против белогвардейщины.

В последнем — четвертом разделе публикации — помещены документы, относящиеся непосредственно к ходу боевых действий отрядов Красной гвардии и отдельных отрядов революционных войск против белофиннов до начала иностранной интервенции в Финляндии.

---

[1] «Правда», № 191 (122) от 16 (29) ноября 1917 г.

Заняв в первых числах февраля район Васа-Улеаборг и Каске-Сейнайоки-Кристинештадт, белогвардейцы повели наступление на Таммерфорс. С помощью солдат добровольцев 422 пехотного Кольинского полка рабочие Таммерфорса организовали героическую оборону своего родного города. В районе станции Люлю, что в 40 км к северу от Таммерфорса, 1 февраля произошло первое крупное сражение Красной гвардии с маннергеймовскими отрядами. В результате боя белогвардейцы были разбиты и отброшены на север к ст. Вильпула.

Это первое сражение показало белым, что захватить Таммерфорс прямым ударом вдоль железной дороги и этим самым открыть путь на Гельсингфорс не удастся, что Красная гвардия финляндского пролетариата в союзе с революционной русской армией представляет собою великую силу, нанести поражение которой можно будет только путем создания большого растянутого фронта и накопления больших резервов.

Одновременно с действиями на северо-западе в районе Вазы начались активные действия белофиннов в районе Выборг — Антреа и Выборг — Райвола. Прежде всего белогвардейцы во многих местах разрушили железнодорожную линию между Выборгом и Петроградом, Выборгом и Гельсингфорсом, а также Гельсингфорсом и Таммерфорсом. Этими действиями им удалось отрезать красные войска не только от Петрограда, но и разъединить между собою.

Таким образом на юге Финляндии образовалось две основных группы красных войск: Таммерфорская группа (Центральный фронт), основным ядром которой явились отряды красной гвардии Таммерфорса и часть 106 пехотной дивизии и Выборгская группа (Восточный фронт) с крепостью Выборгом во главе, со штабом выборгской Красной гвардии и штабом 42 армейского корпуса. Кроме того, существовала еще западная группа красных войск, объединявшая действия небольших частей Абосской (Турку) укрепленной позиции и местных отрядов Красной гвардии. На долю Главного штаба финской Красной гвардии в Гельсингфорсе падало руководство и координация боевыми действиями отрядов Красной гвардии на внутреннем фронте по борьбе со всевозможными контрреволюционными выступлениями белогвардейцев, притаившихся в тылу.

Получив сильный отпор у Таммерфорса и не реализовав попыток прорваться к Гельсингфорсу, белогвардейцы начали с одной стороны накапливать силы на Таммерфорском направлении и распространяться на восток в район Ювяскюля-Миккели (С.-Михель), пытаясь установить контакт с карельским штабом белогвардейцев в Антреа и притаившимися белогвардейскими организациями Выборга и его окрестностей. Одновременно было предпринято обходное движение на запад через Кристинештадт (Кристина) на Бьернеборг (Мянтюлуото) и Раума.

По плану белого командования основной удар должен был быть нанесен по линии Таммерфорс — Тавастгус — Гельсингфорс. Вспомогательные удары наносились из Антреа на Выборг и из С.-Михель на Куовола и имели целью отрезать Красную гвардию от Советской России, лишив ее тем самым возможности получать помощь, а при вынужденном отступлении и надежного укрытия. Лохтари взрывали мосты, разрушали железные дороги, жгли станции и села, стараясь всеми мерами расстроить тыл красных и дезорганизовать оборону.

Но рабочие дружины Красной гвардии всюду оказывали упорное сопротивление.

В конце февраля и начале марта на таммерфорском направлении Красная гвардия дважды переходила в наступление на белогвардейцев. Эти наступления, хотя и не принесли победы, тем не менее причинили белогвардейцам значительные потери в живой силе.

Но происшедшие в середине марта изменения в области международных отношений поставили борющийся пролетариат Финляндии в крайне невыгодное положение.

Несмотря на это, белогвардейские отряды Маннергейма во второй половине марта не одержали ни одной сколько-нибудь значительной победы. На всех фронтах Красная гвардия продолжала успешно сдерживать все натиски противника.

Финляндская буржуазия ожидала помощи извне.

В первых числах апреля в районах Ганге, Гельсингфорса и Ловизы высадился 20-тысячный оккупационный корпус генерала фон-дер-Гольца.

Путем захвата ст. Лампеля 9 апреля 1918 г. белогвардейцы отрезали Таммерфорс от Гельсингфорса. Город потерял возможность получать подкрепление, продовольствие и боеприпасы. Противник подвез к нему тяжелую артиллерию. 17 и 18 апреля город непрерывно обстреливался артиллерийским огнем. 19 апреля белогвардейцам удалось ворваться в город. Накануне красногвардейцам были выданы последние запасы патронов — по 20 штук на человека. Началась ожесточенная рукопашная схватка.

Каждый дом и каждую улицу в городе красногвардейцы сдавали только после долгого и упорного боя. Бои внутри города шли вплоть до 23 апреля. Из десяти тысяч защитников города — две тысячи было убито, пять тысяч захвачено в плен, остальным удалось прорваться через вражеское кольцо. Но ни один из них не прекращал борьбы. Большая часть из них проникли в Тавастгус и Гельсингфорс и здесь приняли участие в дальнейших боях.

После падения Таммерфорса белогвардейские войска с помощью оккупантов приступили к осаде Гельсингфорса.

Уже 24 апреля начались бои в предместьях города. После трехдневного сопротивления 27 апреля город был занят войсками оккупантов и белогвардейцев. Здесь так же, как и в Таммерфорсе, над героическими защитниками были учинены кровавые расправы.

После падения Таммерфорса и Гельсингфорса остатки частей Красной гвардии с упорными боями пробивались на восток.

В руках красных войск оставался еще Выборг. Но здесь 9 мая подняла восстание скрывавшаяся до сих пор в подполье белая гвардия. Захват белыми станций Райвола и Райяоки отрезал путь отступления на Петроград. После двухдневного боя защитники Выборга были вынуждены его оставить. Падение Выборга означало подавление революции. По всей стране началась жестокая расправа с революционным пролетариатом. Только в течение весны и лета 1918 г. белофиннами было повешено и расстреляно около 20 тысяч красногвардейцев. Всего же было убито и замучено около 40 тысяч человек, среди них было много женщин, стариков и детей.

Около 90 тысяч, т. е. почти 3% всего населения Финляндии, было брошено в тюрьмы и концлагери. Белогвардейские банды в своих жестокостях превзошли палачей Парижской коммуны. В Выборге во дворе крепости пленные красногвардейцы расстреливались из пулеметов целыми сотнями. Специальная охота была организована на русское население Финляндии. В том же Выборге маннергеймовские банды рыскали по домам в поисках русских; найденные убивались на месте без суда и без предъявления каких-либо обвинений. Арестованных подвергали таким пыткам, перед которыми бледнеют все ужасы средневековой инквизиции.

Всемерную помощь белогвардейцам в дикой расправе над революционерами оказали иностранные интервенты.

С помощью империалистов Антлии и Франции финские белогвардейцы у самых ворот Ленинграда — колыбели пролетарской революции — воздвигли линию укреплений и сконцентрировали вооруженную до зубов армию иностранных наемников, подготовляя кровавую авантюру.

Начав вторую империалистическую войну в Европе, англо-французские империалисты попытались реализовать свои антисоветские замыслы на заранее созданном финляндском плацдарме.

Но героическая Красная армия сокрушила «линию Маннергейма» и укрепила северо-западные рубежи Советского Союза.

Давая оценку военных действий в Финляндии тов. Молотов сказал на заседании Верховного Совета СССР 22 марта 1940 г., что «война в Финляндии была не просто столкновением с финскими войсками. Нет, здесь дело обстояло посложнее. Здесь произошло столкновение наших войск не просто с финскими войсками, а с соединенными силами империалистов ряда стран, включая английских, французских и других, которые помогали финляндской буржуазии всеми видами оружия и, особенно, артиллерией и самолетами, а также своими людьми под видом «добровольцев», своим золотом и всяким снабжением, своей бешеной агитацией во всем мире за всяческое раздувание войны против Советского Союза».

Красная армия заставила финское правительство понять всю бесплодность тех авантюр, в которые они были втянуты англо-французскими империалистами.

Мирный договор от 12 марта 1940 г. подтвердил миролюбивую политику Советского правительства не только в отношении Финляндии, но и всего мира.

С. Марков.

I. Подготовка и провокация гражданской войны финляндской буржуазией

Из рапорта начальника морского контр-разведывательного отделения Або-Аландской укрепленной позиции начальнику Або-Аландской укрепленной позиции, 6 ноября (24 октября) 1917 г.[1]

Абосская охранная дружина по данным местной печати и агентурным сведениям: в конце июля с. г. в гор. Або образовалась так называемая «Абосская охранная дружина», с целью, как говорит § 2 устава, «защищать личную свободу, жизнь и имущество граждан, посредством обоюдной добровольной помощи членов, и общую свободу труда в границах установленных законами»...

Деятельными организаторами общества являются: штабс-капитан бывших финских войск Евгений Шенберг, инженер Берндт Гренблум, управляющий железнодорожной книжной торговлей Ниоминен, адвокаты Тойво Пиинтиля и Туре Янсен Стурбакка (последний состоит кроме того вице-председателем шведских обществ молодежи западной Финляндии).

Абосская дружина состоит из десяти отделений пехоты, причем для связи положено по два мотоциклета на отделение. Отделение состоит из 200 человек (четыре взвода по 50 человек).

Дружина вооружена револьверами и кожаными батонами. По агентурным сведениям и по сведениям местной печати дружиной уже получено из Торнео 150 браунингов. Ожидавшееся получение партии

---

[1] Ленинградский Центральный Государственный Военно-Исторический архив (ЛЦГВИА), ф. 2293, д. № 3, лл. 26—27.

в 2 000 браунингов не состоялось, в виду чего, по донесению агента, несколько человек командированы за оружием в Петроград. Кроме того, по донесению другого сотрудника, приобретено несколько винтовок в одной из воинских частей, расположенных в гор. Николайштадте. Руководители дружины рассчитывают получить и пулеметы, которые предполагают установить на грузовых автомобилях, каковые им обещают предоставить местные торговые фирмы.

Дружины обучаются строю. Обучение ведется за городом, причем особенное внимание обращено на строжайшую дисциплину. Обучение стрельбе происходит по вечерам в помещениях лицеев.

При дружине имеется кавалерийский отряд пока в 20 человек (сведения печати об отряде якобы в 85 человек не соответствуют действительности), который предполагается по возможности увеличивать... Вооружены кавалеристы револьверами. 3 сентября с. г. состоялось собрание, на котором кавалеристы объединились в клуб под названием «Абосского клуба наездников», в состав правления которого вошли: городской садовод Гаральд Седерберг, фабрикант Эрик Ленандер, барон Густав Вреде, Вильгельм Нурдфорс, Роберт Лундель, Эрик Викстрем и Вольмар Иергенсон. Занятия происходят почти ежедневно за городом, причем место обучения меняется.

На местной железнодорожной станции завербовано в дружину около 50-ти человек различных железнодорожных служащих. В случае эвакуации русских войск предполагается мешать правильному отступлению, портить железнодорожные линии и мосты...

Организация распространяется по деревням и особенно по линиям железных дорог. Так, имеются сведения о подобных организациях в гор. Бьерненборге и приходах Паймио, Мартилло, Вехма и Илене. По сообщению анонима, обучение строю происходит у ст. Лойма.

Доводя до сведения Сената об образовавшихся в ряде городских и сельских местностей, в помощь местным властям при поддержании общественного порядка и безопасности, дружинах, або-бьерненборгский губернатор считает тем не менее образование подобного рода дружин весьма желательным и ходатайствует, во избежание могущих произойти столкновений, об оповещении через генерал-губернатора находящихся в пределах губернии русских войск о возможных упражнениях членов этих обществ.

Такой же, как и в донесении губернатора Сенату, вспомогательный характер носит деятельность дружин по мнению местных шведских газет. Охранные дружины, говорится в них, проявляют свою деятельность только в тех случаях, когда средства, которыми располагает для поддержания порядка местная власть, окажутся недостаточными, или когда власти сами обратятся к дружине за помощью. Что же касается до социалистической печати, то она возмущена самым фактом возникновения «буржуазной» (или «убойной») гвардии, как она называет охранные дружины, задачей которой, по ее мнению, является организованная борьба с рабочим классом, который она путем ряда действий провокационного характера рассчитывает довести до сильнейшего раздражения и даже беспорядков.

В противовес «буржуазной» гвардии в Або возникла так называемая «красная гвардия» из рабочих. 18 октября 400 человек рабочих строем проходили по улицам города...

Начальник морского контр-разведывательного отделения (подпись).

Обязательное постановление президиумов Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих, Центрального комитета Балтийского флота и Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, 8 ноября (26 октября) 1917 г.[1]

До сведения русских революционных организаций в Финляндии дошло, что, в связи с готовящимся германским десантом, некоторые части финляндского буржуазного общества усиленно вооружаются как для поддержки германцев, так и для разгрома своего пролетариата и русской революционной армии. Для проверки этих сведений был послан отряд русских матросов, который встретил вооруженное сопротивление. Участники этого сопротивления понесут должное возмездие. Но во избежание повторения подобных случаев, которые могут вызвать кровопролитную войну, и в связи со стратегическим и политическим положением, революционные организации объявляют: не покушаясь на права финляндского народа, они будут всеми мерами подавлять противодействие, оказываемое их распоряжениям, комиссарам и отрядам. Страна объявляется на военном положении. Всякая попытка вооруженного сопротивления, вмешательства в оперативные или иные действия русских революционных войск, содействие германскому шпионажу будет в корне беспощадно подавляться.

Призываем всех граждан к абсолютному спокойствию и продолжению своих мирных занятий.

Центральный комитет Балтийского флота.
Областной комитет Финляндии.
Гельсингфорский Исполнительный комитет.

Постановление Президиума дивизионного комитета и Военно-революционного отдела 106 пехотной дивизии, 13 ноября (31 октября) 1917 г.[2]

Заслушав заявление представителей 34 пехотной Смоленской дружины об организации финской белой гвардии на станциях Сиуро и Тюрая, Президиум дивизионного комитета и Военно-революционный отдел дивизии постановил: просить полковой комитет 421 пехотного Царскосельского полка сделать распоряжение, чтобы роты, стоящие вблизи частей 34 Смоленской дружины, были в связи и контакте с дружиной и оказали им помощь в случае нападения на охрану железной дороги.

Председатель дивизионного комитета 106 пехотной дивизии (подпись).

Из предписания военно-революционного комитета 42 армейского корпуса дивизионным, бригадным, полковым и дружинным комитетам, 14 (1) ноября 1917 г.[3]

Предлагается комитетам принять меры к немедленному занятию для охраны имеющихся на местах учреждений: почтовых контор, водопроводных станций, электрических и газовых станций, вокзалов, мостов

---

[1] ЛЦГВИА, ф. 1761, д. № 24, л. 26.
[2] ЛЦГВИА, ф. 2638, д. № 10а, л. 70. Штаб и дивизионный комитет 106 пехотной дивизии находились в Таммерфорсе.
[3] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 1, л. 7.

и отделений Русского государственного банка, в связи с ожидающимся вооруженным выступлением финской белой гвардии против бастующих финских же рабочих красногвардейцев.

В городах усилить караулы и разъезды. К событиям борьбы капитала с трудом относиться обдуманно, памятуя, что враг быть может нанесет удар с фронта, в тот момент, когда идет борьба в тылу.

Товарищи! В это тяжелое и грозное время — полное напряжение нашей бдительности и охрана позиций.

Товарищ председателя Армейского комитета (подпись).

Из сводки агентурных сведений отделения военного контроля штаба 42 армейского корпуса, с 1 по 20 января 1918 г.[1]

...После объявления независимости Финляндии стало заметнее возвращение в Финляндию молодых финляндцев, завербованных во время войны в германскую армию и теперь отпущенных домой[2]. Означенные финляндцы идут на пополнение рядов белой гвардии и имеют одной из первых задач своей деятельности добиваться увода русских войск. За последнее время через Тавастгус на Гельсингфорс проехало несколько таких партий молодых финляндцев человек от 18—20 в каждой. Все почти они интеллигентного вида, с маленькими отпущенными бородками, в высоких финских сапогах (пиексах) или гетрах. Весьма значительное количество таких финляндцев, отпущенных из Германии, находится в настоящее время в Швеции — в Стокгольме и Гефле, где ожидают времени, когда возможно будет морским путем возвратиться в Финляндию. Одним из первых пароходов, который отправится в Швецию и, по всей вероятности, примет для доставления в Финляндию финляндцев, отпущенных из Германии, является стоящий теперь в Або пароход «Балтик». Пароход этот отойдет тотчас же, как будет освобожден русскими властями ледокол «Сампо», который и займется проложением пути во льду между Швецией и Финляндией.

По полученным от секретных сотрудников, агентурным и из других источников сведениям, в ближайшем будущем во всей Финляндии произойдет открытая гражданская война между красной и белой гвардиями. Население живет напряженной жизнью. Принятие Сеймом закона о создании сильной власти правительства[3] и об увеличении полиции для восстановления твердого порядка в стране, левым крылом Сейма, т. е. социал-демократией, истолковывается как мера, направленная против них, вследствие чего в их партии все более и более растет движение, настаивающее на переходе к решительным действиям и к захвату высших правительственных учреждений.

В частности в центре, на севере Финляндии и в пограничных районах дело обстоит в вышеуказанном положении и белая и красная гвардия делают усиленные приготовления на случай вооруженного

---

[1] Центральный Архив Красной армии (ЦАКА), ф. 25873, оп. 5, д. № 4, лл. 13—14.

[2] Речь идет о финских егерях-добровольцах, вооруженных отрядах контрреволюционной финляндской буржуазии. Егерское движение было организовано финляндской буржуазно-националистической партией «активного сопротивления» — «активистов», путем направления добровольцев в Германию во время империалистической войны 1914—1918 гг. Накануне январской революции 1918 г. егеря были переброшены в Финляндию, где послужили основным кадром для финляндской буржуазной белой гвардии.

[3] 26 ноября (9 декабря) 1917 г. буржуазный Сейм утвердил контрреволюционное правительство Свинхувуда.

столкновения. Особенно оживлена деятельность белогвардейских организаций в городах Борго, Вазе, Тавастгусе и других. По полученным сведениям в районе Лапиаярви, к востоку от гор. Вазы, сосредоточены главные силы белой гвардии в количестве до 7—8 тысяч человек хорошо вооруженных. Красная гвардия в северной части Финляндии опасается этого отряда и строит план его окружения, но считает, что сил у нее для этого недостаточно. Принимая вообще меры к предстоящим столкновениям с белой гвардией, красная гвардия обращается (неофициально) к стоящим в Финляндии русским войскам об оказании ей помощи на первое время оружием. Особенно их заботит в предстоящем выступлении присутствие в белой гвардии финляндских активистов из германской армии, ввиду дисциплинированности последних и знания ими полевой войны, чего им самим недостает. Что активисты примут участие в столкновении — несомненно и в ближайшем будущем ожидается из Швеции прибытие около 2-х тысяч таких финнов, которые ожидают лишь удобного случая для прибытия в Финляндию. В связи со всем этим за последнее время ходят слухи о подготовке взрыва наших военных сооружений на севере Финляндии, в частности в Торнео. В общем правые партии в Финляндии и центр ведут крайнюю агитацию за уход русских войск из страны...

За последнее время наблюдаются на границе со Швецией случаи неподчинения финнов пограничным властям. При обыкновенном личном и багажном осмотре прибывающих в гор. Торнео пассажиров, финны категорически отказываются подвергаться осмотру, говоря, что они в своей стране могут жить свободно. То же самое происходит и на рогатке, где часто дело доходит чуть ли не до применения оружия...

Финские рабочие в этом отношении проявляют больше зрелости и говорят, что пока точно не установлены взаимные правовые отношения между Россией и Финляндией, все остается по старому.

В Тавастгусе белая гвардия производит систематические занятия в финской смешанной школе. Оружием этой гвардии ведает местный богатый торговец Ф. Скугстер; некоторые из членов местной белой гвардии состоят в то же время в организации белой гвардии в Гельсингфорсе. В конце декабря они были вызваны в Гельсингфорс, где пробыли около двух недель, и после опять возвратились в Тавастгус. Вызов этот, по слухам, находится в связи с какими то приготовлениями, делающимися белой гвардией в Гельсингфорсе.

В Таммерфорсе в газетах было помещено объявление некоего комиссионера Линдгрена о продаже оружия. Рабочие, заподозрив здесь белогвардейскую организацию, устроили ловушку, в которую Линдгрен попался и был арестован. Сам он был освобожден, но оружие, которое у него найдено, было конфисковано. Стоимость конфискованного оружия — револьверов «Кольта», оценивается до 30 тыс. марок...

В приходах Веро и Исокюря, Вазской губ. сосредоточены отряды белой гвардии численностью до 1500 человек, организованные из местных жителей; большинство из них вооружены германскими винтовками, ручными гранатами и револьверами. Белогвардейцы ждут возвращения финских студентов, находящихся в германской армии, которые будут их инструкторами.

В районе ст. Сейняиоки до Гамла-Карлебю белая гвардия открыто вооружена и чинит всевозможные препятствия в действиях военных властей. В этом районе белой гвардией высылается к каждому поезду вооруженный патруль с целью вмешательства в распоряжение военной власти...

Нач. Отделения военного контроля штаба
42 армейского корпуса (подпись).

Телеграмма председателя Сената Свинхувуда представителю финляндского правительства в Стокгольме А. Гриппенбергу, 11 января 1918 г.[1]

Прошу, чтобы вы уполномочили Теслева[2], по постановлению правительства, произвести закупки оружия и припасов. Предложите ему заключить соглашение об отозвании обратно находящихся на германской службе граждан свободной и беспартийной Финляндии[3] и произвести незамедлительное отправление в путь этих людей на судне прямо в Финляндию, причем надо взять с собой ранее закупленное оружие и припасы[4].

Свинхувуд.

Телеграмма начальника обороны Ботнического залива в Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии, 28 (15) января 1918 г.[5]

В Вазе восстание белой гвардии, начатое внезапно в три часа ночи. Численность белой гвардии от 5 до 10 тысяч, прибыла из окружающих деревень. Вооружение — наши пулеметы, винтовки и ручные гранаты. Наши одновременно были окружены превосходными силами. Казармы всех воинских частей, боевая артиллерия, порт захвачены. Служба связи разгромлена, в команде охраны много убитых и раненых ручными бомбами. После сопротивления, длившегося всю ночь и утро, воинские части гарнизона частью захвачены и обезоружены, частью убиты. Большинство офицеров захвачено, много раненых и убитых ручными гранатами. До казармы добраться невозможно. Штаб пока не занят. Жду занятия с минуты на минуту. По сведениям, требования белой гвардии — разоружение и сдача оружия и казенного имущества и высылка наших войск. Повидимому, захвачены белой гвардией: Таммерфорс, Улеаборг и северные города; гарнизон взят в плен[6]. Здесь сил для оказания сопротивления немного. Телефон, телеграф и юз заняты гвардией. Радио пока еще у меня. Если возможна помощь, то нужны порядочные силы и артиллерия. У белой гвардии шесть наших пушек полевого образца. Сообщите срочно по радио обстановку и возможную инструкцию.

Начальник обороны Ботнического залива.

Из отношения штаба Гвардии порядка г. Выборга в штаб Петроградской Красной гвардии, 30 (17) января 1918 г.[7].

Положение дел в Финляндии. Белая гвардия, руководимая бежавшим в Николайштадт Сенатом, ведет наступление не только против местной Красной гвардии, но и против русских войск, ко-

---

[1] «Kommunisti» № 1, 1933, стр. 42.

[2] В. Теслев — «активист», один из организаторов егерского движения. Весной 1918 г. вместе с ген. Маннергеймом принимал активное участие в подавлении финляндской рабочей революции. В 1919 г. получил чин генерала и командование дивизией белофинских войск, принявших участие в походах на Советскую Карелию.

[3] Имеются в виду финские егеря.

[4] 23 января Свинхувуд телеграфирует тем же путем:
«Ускорить отправление купленного в Швеции оружия в Вазу».

[5] ЛЦГВИА, ф. 2306, д. № 11, 1918 г., лл. 4—5.

[6] Белой гвардией были заняты города: Ваза, Улеаборг, Сейнаноки. Попытка белогвардейцев овладеть Таммерфорсом была парализована Красной гвардией и частями 106 пехотной дивизии.

[7] ЦАКА, ф. 25873, оп. 5, д. № 4, л. 3.

торых здесь весьма мало, и они так разбросаны, что не представляют из себя сколько-нибудь внушительной силы, способной оказать должный ответ на дерзкое предательство буржуазных наймитов. В Карелии, на Западе и Севере Финляндии преимущество на стороне белогвардейцев; они достаточно организованы; в их рядах имеется буржуазия, интеллигенция, наши буржуи, беглецы из бывших офицеров, а равно и не без немцев и других буржуазных иностранцев. Местная Красная гвардия организована недостаточно и очень плохо вооружена, даже в таком пункте, как Выборг. Войска, вследствие своей разбросанности и малочисленности, в критическом положении; север от Николайштадта до Белого моря совершенно отрезан и об участии пограничников нет никаких сведений; много гарнизонов обезоружено белогвардейцами, забрано оружие и имущество вплоть до продуктов; Западный район тоже в угрожающем положении в виду наступления белой гвардии по направлению от Николайштадта к Таммерфорсу вдоль железнодорожной линии; Карельская дорога вся в распоряжении белой гвардии.

Некоторые склады взрывчатых веществ тоже заняты белгвардейцами. Необходимо против них действовать энергично и решительно, пока еще цела 106 дивизия в районе Таммерфорса, которая будет поставлена в печальное положение без подхода поддержки, т. к. в Николайштадт прибыли из Германии те финны добровольцы, которые служили в немецкой армии.

Общее положение таково, что войска вынуждены перейти к открытым военным действиям против белой гвардии, но им необходимо подкрепление, о котором штаб корпуса просил народного комиссара по военным делам, но просьба до сих пор не уважена. Если подкрепления не будет прислано и будет сохраняться нейтралитет, то ворота к Петрограду в скором времени окажутся открытыми, а поэтому примите все меры к тому, чтобы немедленно в Выборг было прислано подкрепление из 1000 человек стрелков, 34 пулеметов с прислугой и лентами (системы «Максима»), 2 тысячи винтовок для вооружения местной Красной гвардии, 3—4 батареи легких орудий. Наша задача прежде всего обезвредить Карелию, а затем двинуться на север.

Товарищи. Еще раз обращаемся к...[1]

Телеграмма штаба 42 армейского корпуса Военной коллегии областного комитета Финляндии, 30 (17) января 1918 г.[2]

Обстановка в районе корпуса к вечеру 16 января: в течение 10—13 января белая гвардия, представляющая, по заявлению финляндского Сената, правительственную организацию, в связи с рядом ультимативных требований со стороны Сената о невмешательстве наших войск в политическую борьбу партий Финляндии, перешла к активным действиям против наших войск. Мелкие части и посты наши в Сердоболе, Ионесуу, Савиаипале, Вуоксенниска обезоружены и захвачены наши склады оружия и боевых припасов, в том числе 1 000 пуд. динамита в Вуоксенниска; разоружена Сайминская флотилия, захвачено ее орудие — 12 пулеметов, 6000 снарядов.

В течение 14 и 15 января, по сведениям от Центробалта, наши войска в Николайштадте обезоружены; служба связи разгромлена, казармы захвачены.

---

[1] Конец документа отсутствует. На документе резолюция командующего Петроградским военным округом: «Оперативному отделу организовать: 1) команду лыжников, 2) прожектор, 3) еще 2 броневика, 4) легкую батарею».

[2] ЦГАОР, ф. 3396, д. № 1, лл. 41—42.

Около Выборга, в районе ст. Сяинне, произошло столкновение между белой и Красной гвардией, железнодорожная и телеграфная связь с Петроградом периодически прерывалась, железнодорожные мосты у ст. Кория (около Коувола) и у ст. Карисальми (севернее Выборга) попорчены.

В течение 16 января получены сведения о нападении на наш пост у Химанка (северо-западнее Гамла — Карлебю), убит один солдат. 15 января произошло столкновение у ст. Каннус; 16-го у Гамла-Карлебю, есть убитые и раненые; судьба Якобштадта и Ню-Карлебю неизвестна. Сейнаиоки и часть железной дороги южнее оказались в руках белой гвардии; имелись сведения о появлении белой гвардии у Вильманстранда.

Оберквартирмейстер 42.
Комиссар армкома 42.

Из сводки штаба 42 армейского корпуса за время с 14 января по 2 февраля 1918 г.[1]

20 января (2 февраля) в различных частях Выборга происходила ружейная и пулеметная стрельба. Стрельба производилась, главным образом, из каменного дома Пиетинена, находящегося против вокзала. Стрельба началась с 5 часов утра и Красной гвардии был дан приказ быть готовой к выступлению. Стрельба производилась из винтовки и пулеметов одновременно и была направлена на вокзал. Красная гвардия оцепила этот дом и обстреливала все утро пулеметным и ружейным огнем. Кроме того, утром были слышны выстрелы во многих местах города, между прочим, были произведены выстрелы из дома общества «Арина» на углу Торкельской и Бранеской улиц, из домов обществ «Киммо» и «Отес», из бумажно-прядильной фабрики Линтгенена, из дома № 1 по Айносской улице и из дома Кушакова и др. В виду этих выстрелов красногвардейцы оцепили всю среднюю часть города. Во многих местах были произведены обыски, при чем было найдено принадлежащее белой гвардии оружие с патронами.

Из многих местностей Финляндии сообщаются следующие подробности.

В Тайнионкоски и вокруг южной части озера Сайма стягиваются большие отряды белой гвардии. В этих местах намечаются крупные сражения. В Антреа сосредоточены отряды белогвардейцев со всей Карелии. В Хиитоле белогвардейцы арестовали членов рабочих организаций и держат их под арестом. В Иоенсуу белогвардейцы тщательно обыскали дом рабочего общества, но без результата. В Лахтисе Красной гвардией занята ратуша и банки. Белогвардейцы находятся в окрестностях Лахтиса. На участке Мюрскюля — Ловиза белогвардейцами испорчен путь. Город Ловиза занят белогвардейцами. В Або рабочими заняты банки, из которых деньги переведены в Финляндский банк. Все городские и общественные учреждения продолжают нормально занятия. В городе порядок охраняется совместно милицией и Красной гвардией. Из Бьернеборга белогвардейцы ушли в северном направлении для присоединения к войскам генерала Маннергейма. Гельсингфорс, Таммерфорс, Тавастгус и Котка во власти рабочих. Столкновений во всех этих городах не было.

Начальник отделения Военного штаба 42 арм. корпуса.

---

[1] ЦАКА, ф. 25873, оп. 5, д. № 4, л. 14.
Сводка составлена по сведениям, заимствованным из финляндской и скандинавской печати.

Из телеграммы командования 42 армейского корпуса Военной коллегии областного комитета Финляндии, 4 февраля (22 января) 1918 г.[1]

За 22 января получены следующие сведения: начальник и комиссар 2 группы позиционных батарей Ботнического побережья донесли, что, согласно постановления Военной секции Бьернеборга, они остаются в Бьернеборге; на всех направлениях без перемен; в Тавастгусе и Выборге спокойно. По агентурным сведениям сообщается, что на Карельской жел. дороге близ ст. Тали взорван мост, на следующей за ст. Тали станции Карисальми замечаются конные разъезды белогвардейцев. От Выборга же до ст. Тали включительно все занято Красной гвардией. На одной из мыз, расположенной в 4 верстах от ст. Карисальми, стоит отряд белогвардейцев в 500 человек, далее этой станции пассажиры мужчины не пропускаются; по собранным там сведениям, станция Ковантсаари, Ханнела, Антреа заняты белогвардейцами. По агентурным же сведениям, в Швеции формируются и отправляются в Финляндию для борьбы с Красной гвардией добровольческие отряды; на каких началах и в каком количестве они формируются выяснить не удалось...

Комиссар армкома 42.

Радиограмма Исполнительного комитета Аландского гарнизона Совету народных комиссаров, 17 (4) февраля 1918 г.[2]

Настоящим доводим до сведения правительства о текущих событиях на Аланде. На Аланде восстание белой гвардии, охватившее собою северную часть Финляндии, в настоящее время передвинулось на Аландские острова. Отряд означенной гвардии, перейдя по льду от материка в район Аландских островов, стал нападать на службы связи Балтийского моря, арестовывая команды, расхищая имущество. Аресты команды на одном из постов радиостанции штаб белой гвардии объяснил тем, что нами были арестованы представители белой гвардии. Арестованы означенные представители были потому, что при них оказались карты, планы военных сооружений и местностей, а также оружие. Штаб белой гвардии предложил произвести обыски, для чего в определенном пункте было созвано совещание, в результате которого состоялся обмен. Кроме того, на этом совещании представителями белой гвардии было предъявлено требование установить демаркационную линию; после согласия нашей делегации на это требование со стороны белой гвардии был предъявлен ряд требований под угрозой, в случае неудовлетворения их, начать военные действия против расположенных за означенной линией наших частей.

Среди развития этих событий 2 февраля к Аланду подошли шведские военные суда. Основные требования белой гвардии, а также представителей Швеции, прибывших на вышеупомянутых судах, следующие: немедленная эвакуация островов Аланда с условием перевозить с Аланда воинские части исключительно на судах, предоставленных Швецией, минуя Финляндию и Ревель, 2) оставление всего имущества, за исключением одной винтовки на человека и комплекта патронов, 3) перегруппировка наших войск в районе города Мариенгама и немедленная эвакуация этого района по плану, предположенному представителями Швеции и белой гвардии.

Все требования, явно неприемлемые нами по соображениям технического и другого характера, носят явно ультимативный характер.

[1] ЦГАОР, ф. 929, д. № 17, 1918 г., л. 76.
[2] ЦГАОР, ф. 359, д. № 17, 1918 г., л. 83.

Последний срок выполнения ультимативных требований назначен в 6 часов утра 5 (18) февраля. Донося о вышеизложенном, Исполнительный комитет Аландской укрепленной позиции и весь гарнизон требует немедленного вмешательства в дальнейший ход событий, могущих в сознании одной из сторон перейти в события военного характера. В переговорах принимают участие: 1) русский консул, 2) делегация шведских судов, 3) делегация белой гвардии и представители частей Аландского гарнизона.

Председатель Исполн. комитета Аландского гарнизона.

II. Организация финляндской Красной гвардии и рабочей Гвардии порядка

Устав финляндской Красной гвардии [1]

Назначение гвардии

1. Назначение Красной гвардии состоит в защите свободы союзов, собраний, слова и печати рабочих, а также быть вообще оплотом рабочих прав и революционной исполнительной силой в осуществлении целей, поставленных рабочими.

2. Красная гвардия подчиняется тем распоряжениям, которые дает главный штаб гвардии. Если во время революции образуется в масштабе всей страны или данной местности какой-либо иной революционный орган, политическая распорядительная власть переходит к нему.

Построение гвардии

А. Военное построение

3. Построение гвардии во всех отношениях военное, и вся страна представляет собою общее поле деятельности гвардии.

4. Для выполнения военных и внутренних организационных задач гвардии страна подразделяется на районы (число и границы которых будут установлены на учредительном съезде).

5. Более крупные населенные центры каждого района формируют свои гарнизоны в таком количественном составе, как этого требуют местные условия.

6. В каждой находящейся в границах района и имеющей рабочую организацию местности формируется дружина гвардии.

7. Основной организацией гвардии является дружина, в составе звеньев, т. е. 12 человек. Две дружины составляют взвод, четыре взвода роту, в количестве 96 человек, вместе с командирами и организаторами 110 чел. Команда строится по ранжиру.

Четыре роты составляют батальон, четыре батальона полк, два полка бригаду, две бригады дивизию, четыре дивизии армейский корпус.

8. В частях комплектуются виды оружия, как-то стрелковые, саперные и инженерные отряды, артиллерийские и пулеметные команды, разведочная и санитарная часть, поскольку позволяют условия.

---

[1] Из материалов подготовляемого к печати ГАУ НКВД сборника материалов о Финляндии.

9. Находящиеся в отдельных местностях отряды образуют по приходам роты и батальоны в зависимости от наличного состава отрядов.

10. Находящиеся в отдельных приходах подразделения сводятся в полки и каждый полк обозначается именем той местности, где расположено крупнейшее и главенствующее подразделение.

Б. Рядовой состав

11. Рядовой состав гвардии, так же как и командный, является добровольным, т. е. ходит на военные занятия и выполняет прочие назначенные задания без вознаграждения. Занятия и прочие задания должны распределяться с тем, чтобы они не были в ущерб основному роду занятия.

12. По получении назначения все вступают в исполнение своих функций.

13. В Красную гвардию подбираются лица, известные за сознательных, знающих тактику социал-демократии и пользующихся доверием. Подбор производит соответствующее партийное или профсоюзное местное отделение.

Если принятое в гвардию лицо выходит по личному желанию или исключено из соответствующего местного партийного или профсоюзного отделения, то оно одновременно исключается и из состава гвардии.

14. Личному составу гвардии должны быть точно объяснены поставленные гвардией цели, инструкции и дисциплинарный устав.

Руководство гвардии

А. Главный штаб и главнокомандующий

15. Делами Красной гвардии по всей стране ведает избираемый съездом главнокомандующий и главный штаб. Главный штаб состоит из восьми членов, из которых комитет партии и правление Финляндского объединения профсоюзов избирают по два члена, а съезд гвардии четыре члена и к ним нужное количество кандидатов. Съезд назначает местонахождение главного штаба.

16. На основании отягчающих причин комитет партии и правление объединения профсоюзов, совместно с главным штабом, имеют право устранить главнокомандующего, если большинство членов местной Красной гвардии поддерживает устранение, но отстранить главнокомандующего от исполнения обязанностей может однако и главный штаб с согласия людского состава Красной гвардии.

Местный отряд гвардии может устранить главный штаб и командующего, если они будут замечены совместно преступными, и в таком случае кандидаты в члены главного штаба становятся постоянными.

Если должность главнокомандующего гвардии окажется вакантной, то главный штаб выставляет трех кандидатов, из которых считается избранным получивший поддержку большинства районных штабов. В том случае, если главный штаб в промежуток времени между съездами окажется в таком положении, что в его составе нет избранных гвардией представителей, остающиеся члены главного штаба немедленно созывают съезд.

17. Главный штаб и главнокомандующий являются высшими решающими инстанциями по всем вопросам, которые подробно не определяются данным уставом.

18. Главный штаб и главнокомандующий:
1) дают распоряжение по всей стране о мобилизации;
2) руководят частично или полностью мобилизацией;
3) снабжают, распределяют и организуют вооружение;
4) издают по всей гвардии распоряжения по внутренним делам;
5) ведают общими денежными средствами гвардии, канцелярскими и т. п. делами.

19. Главнокомандующий отдает приказы командующим районами или полковым командирам или же специально по всей гвардии.

20. В расширенный состав штаба входят командующие районами.

Б. Районные центры гвардии

21. Делами районов ведают командующие районами и районные штабы в составе пяти человек.

22. Командующих районами и районные штабы назначают сами районы из числа кандидатов, выставленных ротой местных гвардий. Об избранных сообщается главному штабу.

23. Районные штабы:
1) наблюдают за исполнением распоряжений главного штаба и главнокомандующего;
2) дают свои заключения по всем делам, представляемым в главный штаб или по которым последний потребует заключения;
3) ведают комплектованием, организацией и снабжением полка, ведают канцелярским производством и денежными делами районов, по которым подотчетны перед главным штабом.

24. В расширенный состав входят полковые командиры районов.

25. Районные штабы совещаются с районными социал-демократическими партийными комитетами, где таковые имеются, но последние не имеют решающего права.

В. Полки

26. Полки формируются из находящихся в каждом данном районе отрядов. Полковое руководство составляют полковые командиры и штаб, в который входят батальонные командиры каждого полка. В усиленный штаб входят ротные командиры.

27. Полки, батальоны, роты, взводы и отделения выбирают себе командира. О выборах полковых и батальонных командиров должно быть сообщено главному штабу. О выборах ротных, взводных и отделенных командиров должно быть сообщено районному штабу.

28. Задачу полкового командира и штаба составляет:
а) заботиться о выполнении всех приказов и распоряжений;
б) заботиться о сохранении дисциплины в полку;
в) отдавать распоряжения и руководить занятиями, караулами, дежурствами, канцелярией и остальной внутренней жизнью полка;
г) заботиться об оружии и вооружении;
д) отдавать приказы и распоряжения в пределах правил, инструкций и отдаваемых распоряжений.

29. Задачей ротного командира является ведение дел роты, соответственным образом сообщать о приказах, лично руководить занятиями, назначение караулов и дежурств, назначение командировок, вести журнал рапортов и дежурств, следить за дисциплиной и порядком и вообще распоряжаться всеми ротными делами в пределах данных правил и отдаваемых приказов.

30. Взводные и отделенные командиры приводят в исполнение данные им распоряжения, руководят занятиями своих подразделений, за-

ботятся о посещении их командами занятия, ведут запись о причинах отсутствия, проверяют на занятиях оружие и сообщают о всех ненормальностях ротным командирам.

31. Выбираемый из состава роты организатор является помощником ротного командира во внутренних делах; ротный оружейник заботится о вооружении и продовольственных делах.

Г. Общие правила

32. Каждый командир имеет право давать распоряжения своему подразделению, поскольку это не выходит за пределы данного устава и отданных распоряжений, и командир несет ответственность за свой отряд.

33. В каждом случае, о котором нет особого решения, высший (старший) присутствующий начальник является командующим.

34. Приказания высшего прямого начальника отменяют данные низшим.

35. Приказания, по мере возможности, отдаются в письменном виде и все приказания заносятся в дежурную книгу.

36. Командующие отрядами в мирное время не имеют права давать приказания ни о каком боевом передвижении без разрешения главного или районного штаба, кроме как в крайнем случае.

Дисциплина

37. В дисциплинарном отношении революционный долг применяется ко всем, а товарищеский суд по характеру преступления.

О средствах

38. Для общих расходов гвардии средства изыскиваются путем, установленным съездом.

Об изыскании средств для районов каждый район решает сам.

39. Имуществом и денежными средствами гвардии ведает и несет за них ответственность главный штаб, избирающий из своей среды нужных должностных лиц, и казначей, который должен представить приемлемые гарантии.

40. Денежными средствами районов ведают и несут за них ответственность районные штабы.

Ревизионную комиссию избирает отряд гвардии той местности, где расположен штаб.

41. Каждый отряд в своей местности избирает правление в составе семи человек, которое изыскивает средства для своего отряда, ведает ими и несет за них ответственность.

Прочие комитеты выбираются по мере надобности.

Ревизионную комиссию избирает отряд.

Оружейные склады и невооруженные

42. Оружейным складом в каждой местности ведает оружейник, обязанности которого определяет местный штаб.

43. В каждом полку избираются по мере надобности лица, которые чинят оружие и исполняют прочие распоряжения оружейника.

44. Высшим органом гвардии является съезд, на который от каждого полка выбираются два делегата на основании голосования в его отрядах. Каждая рота вправе выделить одного кандидата.

45. Если три района потребуют созыва съезда, главный штаб должен запросить мнение остальных районов. При требовании большинства съезд созывается.

Ликвидация деятельности гвардии

46. Ликвидация Красной гвардии решается партийным голосованием, которое проводит комитет партии во всех отделениях партии на основании постановления Совета партии.

Окончательным решением считается предложение, за которое высказалось большинство голосующих. Если окажется нужным по сложившимся условиям прервать деятельность гвардии, комитет партии и правление Объединения профсоюзов совместно, при единогласном мнении, могут приостановить деятельность гвардии до тех пор, пока не будет завершено партийное голосование.

47. При роспуске гвардии ее общие средства переходят в пользу комитета социал-демократической партии, районные средства — районных с.-д. организаций.

Воззвание рабочей гвардии порядка, не позже 30(17) октября 1917 г. [1]

Собирайте свои силы!

Всем рабочим дружинам охраны общественного порядка быть на готове!

Мы переживаем период великой революции. Крупные события следуют одно за другим с неимоверною быстротою. Борьба между имущими классами и неимущими все более и более обостряется. Рабочий класс требует себе в первую очередь мира, работы и хлеба, а также гарантий тому, что его политические и общинные права не будут нарушены. Имущие же классы напротив хотят зажать революции рот и сделать эту великую революцию своею покорною прислужницею. Они вооружаются, чтобы вырвать у рабочих уже приобретенные последними плоды революции.

Готовясь к такой серьезной борьбе, от которой может зависеть в будущем все благо рабочего класса, последний должен самым энергичным образом сорганизоваться и вооружиться. Делегация финляндской профессиональной организации и Совет социал-демократической партии в своих резолюциях призывает рабочих Финляндии, в целях самозащиты и для предупреждения возможных случайностей, немедленно приступить к сформированию рабочих дружин общественного порядка и самим в возможно большем числе вступать в состав дружин. Эти дружины должны быть в спешном порядке приучены к исполнению своих обязанностей.

Товарищи рабочие! На этот призыв вы должны немедленно откликнуться, ибо великие события, быть может, позовут нас раньше, чем мы думаем, и тогда рабочим дружинам общественного порядка следует быть готовыми исполнять свой долг, дабы мы могли оставаться на высоте событий. В некоторых местностях такие дружины уже основаны, но в других это дело еще не доведено до конца. Формировку дружин теперь надо ускорить. Должны быть избраны комитеты, имеющие действовать на основании опубликованных правил, а также хозяйственные комиссии. Повсюду следует обращать внимание на то, чтобы для дружин избирались честные и надежные начальники, способные исполнить свои важные обязанности. В среде дружинников следует создать, развивать и укреплять чувство солидарности и взаимного доверия, а также строгую нравственную дисциплину, навык к точному и аккуратному исполнению обязанностей. Следует помнить, что рабочие дружины общественного порядка образуют одно, тесно сплоченное целое, внутри которого нет места для

[1] Газета «Työmies», № 295 от 1 ноября 1917 г. Гельсингфорс.

розни и раздора. Всех могущих возникнуть с буржуазной стороны провокаций, которые бы могли привести к местным, преждевременным мероприятиям, следует благоразумно избегать. При всякого рода столкновениях и выступлениях нужно действовать хладнокровно и осмотрительно. Соблюдая вышеизложенные правила, рабочие дружины общественного порядка превратятся в такую силу, с помощью которой мы сможем разрушить реакционные замыслы буржуазии, двинуть вперед великое дело рабочего класса и хоть сколько нибудь приблизить революцию к победному концу.

Правление Рабочей гвардии общественного порядка.

Объявление Окружного штаба гельсингфорской Красной гвардии, не позже 20 января 1918 г.[1]

В виду обострения политического положения, буржуазная гвардия мясников[2] пришла в движение в различных местностях нашей страны, как на это указывают например события в Выборге и т. п.[3]. Поэтому гвардейцы должны быть наготове. В какой угодно момент могут произойти серьезные события. Буржуазия готовится при помощи мясников захватить власть. Может быть, темные элементы попытаются произвести также погромы. Подобные попытки должны быть сурово пресекаемы. Порядок и дисциплина — первое условие нашей победы. Итак, все силы воедино и пусть каждый будет готов ко всяким случайностям.

Окружной штаб гельсингфорской гвардии.

Приказ № 1 Исполнительного комитета финляндской с.-д. партии Главному штабу рабочей гвардии, 26 (13) января 1918 г. 5 часов 40 мин. вечера[4]

Мобилизация рабочих гвардий назначается на 26 января в 12 час. ночи, и должна быть закончена в течение трех дней.

Лиц, поименованных в особом списке, который будет вам дан, арестовать и препроводить в назначенное вами место, где вы несете ответственность за безопасность и хорошее обращение с арестованными.

Для собственных нужд гвардии, так же и для прочих военных нужд гвардии, вы имеете право дать распоряжение о конфискации отдельных складов, о чем вы должны дать подробное извещение Исполнительному комитету, указав род и количество конфискованных товаров.

По получении приказа, захватить при присутствии назначенных комиссаров — Сейм, университет, губернские управления, высшие власти и банки.

Главный штаб имеет право по своему усмотрению занять необходимые для своих военных нужд здания и места, также транспорт и телефон.

Склады спиртных напитков при нахождении уничтожаются. Грабежи немедленно подавляются вооруженными силами.

---

[1] Газета «Työmies» 1918 г. № 18 от 20 января 1918 г.

[2] Так прозвали революционные рабочие Финляндии финских белогвардейцев.

[3] 19 января 1918 г. белофинские отряды Маннергейма пытались поднять мятеж в Выборге. Усилиями Красной гвардии и русских революционных войск мятеж был подавлен.

[4] Из материалов подготовляемого к печати ГАУ НКВД сборника документов и материалов о Финляндии.

Защищать от всяких насилий жизнь и имущество иностранных подданных и представителей.

Более подробные инструкции и приказания о начале действий дает Исполнительный комитет.

От имени Исполнительного комитета.

Постановление Совета народных уполномоченных Финляндии о Красной гвардии, 2 февраля 1918 г.[1]

Ввиду того, что злые враги народа в разных частях страны продолжают все еще бунтовать против поставленного через революцию демократического строя, и народ поэтому нуждается и будет долгое время нуждаться в сильном защитнике, Совет народных уполномоченных Финляндии сегодня решил, что рабочая Красная гвардия должна быть впредь сохранена как страж народной власти и завоеваний революции и что с этого дня существование членов Красной гвардии и их семейств должно быть обеспечено средствами государства.

Уполномоченный Отдела внутренних дел
Совета народных уполномоченных Финляндии (подпись)

Декрет о содержании Красной гвардии, 16 февраля 1918 г.[2]

Постановлением Главного Рабочего совета устанавливается:

§ 1.

Член гвардии имеет право, находясь на постоянной службе, получать жалованье и продовольствие, а также нижеупомянутую прибавку по случаю дороговизны для содержания находящихся при нем лиц.

§ 2.

Член гвардии получает, находясь на постоянной службе:

а) денежное содержание в размере 450 марок в месяц или, если срок службы менее месяца, 15 марок в день; жалованье уплачивается два раза в месяц;

б) продовольствие, в которое входит также горячая пища, для приготовления которой, поскольку это возможно, основываются особые столовые на месте расквартирования гвардии и на месте сражений; продуктов, распределяемых по продовольственным карточкам, выдается лишь то количество, на которое купон карточки дает право; для лиц, находящихся на фронте, пайки продовольствия могут быть по мере возможности увеличены.

§ 3.

Член гвардии имеет право получать сверх упомянутого в предыдущем пункте следующее:

а) 100 марок в месяц на содержание своей жены и

б) 25 марок в месяц на каждого находящегося при нем неспособного к труду ребенка моложе 16 лет.

§ 4.

Для обмундирования члену гвардии выдаются из интендантских складов имеющиеся там товары за плату по покупным ценам, каковая плата возмещается интендантству таким путем, что при каждом рас-

[1] ЦГАОР, М. П. № 290, д. № 3, л. 193.
[2] Там же, лл. 193—195.

чете удерживается 10% из упомянутого во 2-м параграфе жалованья, до тех пор, пока долг не будет уплачен. Относительно негодных товаров местное управление гвардии может допустить продажу по пониженным ценам.

§ 5.

Содержание находящихся на службе гвардии женщин и прочих безоружных устанавливается особо.

§ 6.

Об обеспечении существования жертв революции и их семейств будет издано особое постановление.

За Рабочий Главный совет (подпись).

Совет народных уполномоченных Финляндии постановил сегодня по представлении Отдела внутренних дел опубликовать вышеприведенный закон, который одобрен и утвержден Рабочим Главным советом по представлении Совета народных уполномоченных. При этом Совет народных уполномоченных постановил, что закон вступает в силу немедленно.

Отдел внутренних дел, уполномоченный (подпись).

Декрет о содержании принадлежащих к Финляндской Красной гвардии женщин и прочих безоружных [1]

Постановлением Рабочего Главного совета Финляндии устанавливается:

§ 1.

Безоружными членами финляндской Красной гвардии являются:
а) врачи, фельдшера и прошедшие курс сестры милосердия;
б) служащие в перевязочном отделе мужчины и женщины;
в) техники и монтеры и
г) принадлежащие к интендантству лица, которые находятся на службе гвардии не менее одной недели.

§ 2.

Безоружный член гвардии имеет право, находясь на постоянной службе, получать жалование и нижеупомянутую прибавку по случаю дороговизны для содержания находящихся при нем лиц.

§ 3.

Безоружные члены гвардии получают, находясь на постоянной службе:
1. а) врачи денежного жалованья от 1200 марок до 2000 марок в месяц;
б) фельдшера от 500 марок до 800 марок в месяц;
в) прошедшие курс сестры милосердия от 350 марок до 500 марок в месяц.
2. Служащие в перевязочном отделе мужчины получают 400 марок и женщины — 350 марок в месяц.
3. Техники и монтеры получают от 450 марок до 700 марок в месяц.
4. Служащие в интендантстве на прочей соответствующей службе в гвардии получают от 150 марок до 800 марок в месяц.

[1] ЦГАОР, М. П. № 290, д. № 3, лл. 195—197.

Если срок службы меньше месяца, то за каждый день уплачивается та часть жалованья, которая получается при делении месячного жалованья на 30. Жалованье уплачивается два раза в месяц.

Штаб финляндской Красной гвардии, местный штаб и интендантство могут в особых случаях совместно решить о содержании нужных на службе гвардии лиц.

Подлежащие лица обязаны по мере надобности соглашаться о среднем размере жалованья с подлежащими лицами, принимая во внимание местные и прочие условия.

Безоружный член гвардии имеет право получать из общей столовой пищу, к которой относится и горячая пища, для приготовления которой, поскольку это возможно, основываются особые столовые в местах расквартирования гвардии и в местах сражений; распределяемых по продовольственным карточкам продуктов выдается лишь то количество, на которое купон карточки дает право.

§ 4.

Безоружный член гвардии имеет право пользоваться всеми теми выгодами, о которых говорится в 3-м и 4-м пунктах, изданного 24 февраля 1918 г. закона о содержании финляндской Красной гвардии.

§ 5.

Этот закон вступает в силу немедленно.

Объявление Главного штаба финляндской Красной гвардии ко всем членам Красной гвардии и рабочим, 2 февраля 1918 г.[1]

Главный штаб финляндской Красной гвардии объявляет:

1) что всякое насилие в отношении безоружных противников наших попавших в плен строго запрещается; и

2) что все, находящиеся в связи с революционным движением дела должны незамедлительно передаваться на рассмотрение революционных рабочих военных судов, и что в отношении попавших в плен нельзя прибегать к угрозам или насилию, но следует обращаться с ними с достоинством революционных рабочих. Учрежденный в настоящее время революционный военный суд рассматривает и судит все преступления, совершаемые контрреволюционерами, а потому отдельные репрессивные меры со стороны красногвардейцев строго запрещаются. Виновные в подобных поступках будут со всею строгостью караться революционным военным судом.

Главный штаб финляндской Красной гвардии.

III. Вооруженная помощь пролетариату Финляндии

Резолюция пленарного заседания Совета депутатов армии, флота и рабочих Финляндии и комитетов частей Абосского гарнизона, 7 ноября (25 октября) 1917 г.[2]

Настоящий момент, вызванный войной и разрухой, характеризуется решительной борьбой, последней схваткой революции с контрреволюцией. Пролетариат, как авангард революции, вступил в бой с буржуазией. Классовая борьба вылилась в самую острую форму — во-

[1] Газета «Työmies» № 31 от 2 февраля 1918 г.

[2] Известия Совета депутатов армии, флота и рабочих Або-Аландской укрепленной позиции, г. Або, № 172 от 27 октября 1917 г.

оруженное восстание. К восставшим примкнули революционные матросы и солдаты, что и обеспечило быстрый успех переворота. Это восстание петроградских рабочих и солдат служит сигналом к тому, чтобы продвинуть революцию вперед и на местах. Пленарное заседание принимает его, как призыв к решительной борьбе с буржуазией; наделяет Революционный комитет Абозиции[1] неограниченными полномочиями и предлагает ему немедленно же организовать все имеющиеся на лицо силы и держать их в боевой готовности; вместе с тем войти в самую тесную связь с финским пролетариатом, его Красной гвардией, дабы в общем дружном натиске сломить упорство местной буржуазии.

Революционный комитет должен будет иметь постоянные сношения с областным комитетом Финляндии, как с бывшей революционной властью, коему следует сообщить о тех силах, которые можно будет двинуть по первому требованию. Революционный комитет, наделенный всей властью в Абозиции, должен действовать решительно и, если надо, беспощадно.

Председатель (подпись).

Предписание Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии командиру 42 армейского корпуса, 21 (8) декабря 1917 г.[2]

Военный отдел Областного комитета Финляндии предлагает вам срочно представить список всех воинских частей, расположенных в вашем районе с указанием количества[3].

Кроме того отметить политически боеспособных лиц каждой части, которые без всякого колебания по затребованию Областного комитета могут быть отправлены для борьбы с возможным контрреволюционным выступлением.

Председатель Военного отдела (подпись).

Приказ Военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, 9 января 1918 г. (27 декабря 1917 г.)[4]

Военный отдел предлагает всем организациям, начиная с ротных и далее, в виду предстоящей демобилизации, немедленно приступить к созданию Красной революционной армии, в рядах которой должны оставаться, из числа увольняемых старших сроков службы, добровольцами все, кто чувствует в себе силу итти на борьбу с контрреволюционной буржуазией, откуда бы она ни повела наступления, изнутри или извне России. О всех желающих составить списки и доставить их в Военный отдел Областного комитета Финляндии.

О сформировании революционной армии будет сообщено дополнительно.

Председатель (подпись).

---

[1] Або-Аландская укрепленная позиция.

[2] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 18, 1917 г., л. 292.

[3] 42 армейский корпус к началу 1918 г. насчитывал в своих рядах не более 10 тысяч бойцов, вместо 60—70 тысяч положенных по штату. Этих сил едва доставало для несения пограничной службы и охраны военного имущества, оставшегося в Финляндии со времени мировой войны. Штаб корпуса находился в Выборге.

[4] ЦГАОР, ф 3521, д. № 1, л. 162.

Письмо Сент-Михельского комитета Финской социал-демократической партии в Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии, 20 января 1918 г.[1]

Товарищи!

Будьте так добры, привезите оружие для Красной гвардии в гарнизон Михельской губернии:

200 винтовок и пули в город Сент-Михель — Народный дом А. Каннисто; 200 винтовок и пули Иоган Иохансов — вокзал Путикко.

Социал-демократическая рабочая партия губернии Сент-Михель.

Секретарь Александр Халонен.

Предписание армейского комитета 42 армейского корпуса штабу корпуса и комиссии по обороне Выборгской крепости, 22 (9) января 1918 г.[2]

Предлагаю обсудить в спешном порядке вопрос о вооружении винтовками финской Красной гвардии, расположенной в казармах 8 Финляндского стрелкового полка, ибо невозможно быть безучастным зрителем возможной гибели на глазах русского пролетариата невооруженного финского пролетариата.

Председатель армкома 42 (подпись).

Предписание армейского комитета 42 армейского корпуса коменданту Выборгской крепости, 26 (13) января 1918 г.[3]

Армейский комитет 42 корпуса просит вас выдать в распоряжение комитета для финской Красной рабочей гвардии 300 штук винтовок и по 60 штук на каждую винтовку патронов.

Председатель армейского комитета (подпись).

Телефонограмма Особого отдела армейского комитета 42 армейского корпуса председателю полкового комитета 509 пехотного Гжатского полка, 27 (14) января 1918 г.[4]

Особый отдел армкома 42 по сформированию народно-социалистической гвардии постановил прикомандировать к 509 пехотному Гжатскому полку 75 финских граждан, вступивших в эту гвардию. Корпусному интенданту предписано снабдить народогвардейцев обмундированием и снаряжением. Особый отдел просит вас безотлагательно назначить 4 опытных инструкторов для обучения народогвардейцев строю и боевым действиям, руководствуясь строевым и полевым уставами. Об исполнении донести. Инструкторам будут даны все указания.

Резолюция пленарного собрания армейского комитета 42 армейского корпуса, Выборгского Совета солдатских и рабочих депутатов с представителями полковых и ротных комитетов гарнизона, 29 (16) января 1918 г.[5]

Обсудив создавшееся положение в связи с нападением финской буржуазной белой гвардии на русские войска и тем самым создавшей своими действиями военную обстановку, пленарное собрание, созна-

[1] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 9, 1918 г., л. 66.
[2] ЦГАОР, ф. 359, д. № 29, л. 12.
[3] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 2, 1917 г., л. 181.
[4] ЦГАОР, ф. 360, д. № 4, 1918 г., л. 2.
[5] Там же, ф. 359, д. № 29, л. 14.

вая всю ответственность и угрожающее положение, находит безотлагательным сделать к неуклонному исполнению без каких бы то ни было обсуждений следующие распоряжения:

1) с 16 сего января войска 42 корпуса считаются в состоянии военных действий по отношению к финской буржуазной белой гвардии.

2) Руководство боевыми и оперативными действиями поручается командиру корпуса под контролем коллегии Военного комиссариата, а в частях — выполнение боевых приказов возлагается на командиров частей под контролем комиссаров или членов президиума комитета.

3) Все распоряжения и приказы от штаба корпуса и командиров частей санкционируются контролем и подлежат немедленному исполнению во что бы то ни стало.

4) Кратковременные отпуска, в виду боевой обстановки, безусловно воспрещаются.

5) Всем начальникам и командирам быть на местах и установить непрерывное дежурство, действуя по правилам полевого устава.

6) Революционная армия обязана стоять на страже завоеванных прав, и все части должны сознательно исполнять боевые задачи.

7) Неисполнение боевых приказаний штаба корпуса и командных лиц будет караться строжайшими наказаниями революционного суда, а командный состав будет немедленно арестовываться и направляться в Петропавловскую крепость.

8) Войсковые организации должны оказывать полное содействие командному составу к проведению в исполнение всех боевых приказов и распоряжений.

Пленарное собрание, отдавая настоящее распоряжение, еще раз указывает, что эти меры вызываются боевой обстановкой создавшегося положения и категорически требует безусловного выполнения их, в целях сохранения воинской силы и спасения народного достояния в виде разного имущества, стоящего колоссальных сумм.

Смело, товарищи, в бой.
Умрем, но победим кровожадную буржуазию.
Да здравствует мировая революция!

Отношение Революционного комитета объединенных президиумов в Революционный оперативный штаб, 29(16) января 1918 г.[1]

Революционный комитет, получив сведения о сосредоточении у ст. Карева банд финской белой гвардии в количестве 600 чел., постановил: совместно с финской Красной гвардией выслать против нападающих наш вооруженный отряд численностью в 300 чел., с соответствующим количеством патронов и двумя пулеметами с лентами.

Кроме того, если возможно, необходимо было бы захватить с собой 150 винтовок для вооружения по дороге красногвардейцев.

За председателя (подпись).

Срочное донесение военной секции Бьернеборгского гарнизона в Военную коллегию областного комитета, 31 (18) января 1918 г.[2]

Военная секция Бьернеборгского гарнизона доносит, что она постановила оружие белой гвардии не сдавать; соединившись с Красной гвардией приготовиться к решительному отражению нападения белой гвардии. Все войсковые части из района Пейхонья присоединены к гарнизону города Бьернеборг.

Председатель военной секции (подпись).

---

[1] ЦГАОР, ф. 3396, д. № 1, 1918 г., л. 80.
[2] ЦАКА, ф. 25873, оп. 5, д. № 4, л. 7.

Предписание штаба Петроградского военного округа революционным комитетам Московского № 60, Гренадерского № 61, I запасного № 62 полков, 1 февраля (19 января) 1918 г.[1]

Прошу комитет довести до сведения солдат...[2] полка о том, что пролетарская армия Финляндии (финская Красная гвардия), а также и наши воинские части, расквартированные там, находятся в крайне тяжелом положении, ввиду выступления финляндской буржуазии (белой гвардии), прекрасно сорганизованной, ведущей кампанию с целью задушить пролетариат и превратить его опять в послушного раба. В Финляндию требуется немедленная помощь. Рабочие Петрограда уже откликнулись на призыв о помощи со стороны финляндских братьев и туда направились отряды красногвардейцев, но этого мало. Финский народ ждет, что и товарищи солдаты откликнутся на призыв борьбы за общее дело и выделят из своей среды всех свободных товарищей на защиту интересов пролетариата.

Главнокомандующий возлагает на комитет... [2] полка обязанность немедленно выделить все что можно из состава полка и направить отряд на Финляндский вокзал для отправки в город Выборг в распоряжение комитета 42 армейского корпуса.

Об отправлении донести в Оперативный отдел при штабе Петроградского военного округа.

Начальник Оперативного отдела (подпись).

Телеграмма комиссара 42 армейского корпуса председателю Вильманстрандтского революционного комитета, 1 февраля (19 января) 1918 г.[3]

Все имеющееся оружие выдать комитету Красной гвардии.

Комиссар 42 армейского корпуса (подпись).

Из сводки Оперативного отдела при штабе Петроградского военного округа за 31 января и 1 февраля (18 и 19 января) 1918 г.[4]

В Финляндии против финского пролетариата и советской власти восстали вооруженной силой разные слои местной буржуазии, сорганизовавшей белую гвардию численностью около 70 тысяч. Белогвардейцы захватили в свои руки некоторые города и железные дороги, избивая находящихся там наших солдат, матросов и рабочих. Финский пролетариат просит советскую власть оказать ему помощь в подавлении контрреволюционного восстания белой гвардии и восстановлении завоеванной свободы.

Из г. Выборга поступила радио-телеграмма следующего содержания: «Командир 42 армейского корпуса требует прислать 1 000 человек пехоты на поддержку гарнизона».

Вследствие ходатайства представителя Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов дана телеграмма командиру и комитету Белгорайского полка приготовить немедленно команду в составе 300 чел. для сопровождения в г. Выборг бронированного поезда.

Послано предписание комитету I самокатного батальона о сборе команды в пешем строю из всех свободных от нарядов людей; собранную команду отправить в распоряжение комитета 42 армейского корпуса (Выборг).

---

[1] ЦАКА, ф. 25888, оп. 5, д. № 22, л. 6.
[2] В тексте пропуск.
[3] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 17, 1917 г., л. 332.
[4] ЦАКА, ф. 25873, оп. 5, д. № 4, л. 63.

Послано предписание комиссару гвардейского Кексгольмского полка о немедленной организации 1-го эшелона в 250 чел. с пулеметами, кухнями и своим довольствием для отправки в Финляндию для борьбы с белой гвардией. Эшелон должен прибыть в полной боевой готовности к отправке в 18 ч. 20 января с. г. 2-й эшелон такой же численности должен быть готовым к отправлению к 6 часам вечера 21 января; 3-й — к 6 часам вечера 22-го числа и 4-й — к 6 часам вечера 23 числа сего месяца.

Послано предписание комиссару 6 Туккумского латышского стр. полка немедленно организовать отряд в 150 человек с пулеметами, кухней и своим продовольствием для отправления в Финляндию на борьбу с белой гвардией. Эшелону прибыть в полной боевой готовности к 6 ч. в. 2 января на Финляндский вокзал. Остальные наличные силы полка привести в полную боевую готовность и комиссару лично дать доклад в Оперативный отдел штаба округа.

Тоже Союзу трудового казачества немедленно организовать отряд — сотню в 100 человек для отправки туда же в целях разведки. Эшелону прибыть на Финляндский вокзал к 6 часам вечера 20 января с. г.... [1]

Отношение начальника Красной гвардии Таммерфорса в штаб 106 пехотной дивизии, 13 февраля (31 января) 1918 г. [2]

Прошу выдать штабу Красной гвардии восемь тысяч (8000) патронов для японских винтовок [3].

Обращение штаба Красной гвардии Гельсингфорса в военный отдел Областного комитета, 15(2) февраля 1918 г. [4]

Обращаемся к вам с вопросом, так как белогвардейцы одеваются в военные формы и стараются переодетыми провоцировать, устраивать грабежи, стрелять из домов и стараются также вникнуть в нашу среду, которое явно доказывает, что их желание посеять раздор и таким образом устроить бой между красногвардейцами и солдатами.

Предлагаем, чтобы солдаты по наступлении сумерек организовали бы несколько сторожевых патрулей, чтобы товарищеская и братская дружба сохранилась в нашей среде.

Местный штаб Красной гвардии.

Приказ Военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, 15 февраля 1918 г. [5]

За последнее время белогвардейцы переодеваются в шинели, а потому имеют везде свободный доступ. Во избежание всяких недоразумений Военный отдел предлагает всем воинским чинам всегда иметь при себе удостоверение личности.

Председатель Военного отдела
Областного комитета Финляндии (подпись).

---

[1] Далее следует перечисление воинских частей, получивших аналогичное предписание.

[2] ЛЦГВИА, ф. 2528, д. № 2, 1918 г., л. 119.

[3] На документе резолюция: «Выдать из 422 пехотного Колпинского полка запас в 100 тыс. патронов».

[4] ЦГАОР, ф. 3996, д. № 1, л. 81.

[5] ЦГАОР, ф. 3996, д. № 1, л. 63.

Предписание армейского комитета 42 армейского корпуса в ликвидационную комиссию при штабе Выборгской крепости, 16 февраля 1918 г.[1]

Армейский комитет 42 армейского корпуса предлагает вам выдать штабу финской Красной гвардии Выборгского округа четыре орудия, к ним передки и оружие, отобранное от группы позиционных батарей Ботнического побережья.

Председатель армейского комитета (подпись).

Предписание армейского комитета 42 армейского корпуса комитету 32 пешей дружины, 22 февраля 1918 г.[2]

Лишние винтовки и патроны можете сдать финской Красной рабочей гвардии под расписку, все же продовольственные продукты и обмундирование должно быть направлено в Выборг.

Секретарь армейского комитета 42 армейского корпуса (подпись).

IV. Боевые действия Красной гвардии и русских войск против белофиннов

Приказ Военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, 1 февраля (19 января) 1918 г.[3]

Вследствие создавшегося серьезного положения и явной угрожающей опасности нашим войскам со стороны белой гвардии, которая предательски напала на наши гарнизоны, разгромила наши казармы и обезоружила солдат[4]. Товарищи, мы не можем допустить, чтобы революция погибла от насильников и холопских прислужников буржуазии, которые хотят задавить революцию, закабалить опять трудящихся в руки эксплоататоров.

Товарищи, не дадим восторжествовать попирателям человеческой личности и не дадим погибнуть Интернационалу, а потому мы все должны без всякого колебания выступить на защиту своих товарищей финских социал-демократов; кроме того мы, русские революционеры, не раз разбивавшие корниловцев, калединцев и керенских, не должны спасовать перед бежавшими из России генералами маннергеймами, которые теперь командуют белой гвардией. Если маннергеймам не удалось подавить революцию в России, то они теперь принимают все усилия для разгрома финских товарищей и русских, находящихся в Финляндии.

Военный отдел, отдавая настоящий приказ, глубоко уверен в том, что русские революционные войска никогда не сдадут позорно своих позиций реакционерам маннергеймам. Товарищи, если победят финские товарищи, то мы будем иметь возможность уволить в запас всех товарищей старших годов, так как опасности тогда нам в Финляндии никакой не будет.

Председатель Военного отдела (подпись).

---

[1] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 2, 1917 г., л. 639.
[2] Там же, 1918 г., л. 742.
[3] ЦГАОР, ф. 3396, д. № 1, л. 81.
[4] Так в подлиннике.

Бой близ Таммерфорса [1]

В запрошлую ночь мясники отправились из Таммерфорса вдоль Нясиярви, в Айтолахти. Здесь они пытались взорвать рабочий дом. Их старания не увенчались успехом. Тогда они отправились в Суйнула (вторая станция от Таммерфорса к северу). Здесь они, в числе около двухсот, расположились в одном здании.

Вчера утром они начали передвижения. Таммерфорская Красная гвардия узнала об этом. Послано было 50 человек на помощь в Суйнула.

Мясники засели в каменный хлев. Красногвардейцы стали его окружать. Началась перестрелка, во время которой мясники обещали сдаться, однако, не сделали этого. Они продолжали только стрелять из хлева. Во время боя к красногвардейцам прибыли вспомогательные отряды из Таммерфорса, между прочим, небольшой отряд из Або.

В сражении красногвардейцы одержали полную победу. Мясники потеряли убитых 60 человек и около 40—50 ранеными. У красногвардейцев ранено 5, из которых один умер.

Днем был бой около села Кангасала. Красногвардейцы очистили Кангасала от мясников. Несколько мясников убито и ранено.

После сражения в Кангасала таммерфорсцы возвратились, приведя с собой 45 пленных.

Приказ Военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии, 2 февраля (20 января) 1918 г. [2]

Войска гарнизона! Выступление белой гвардии Финляндии против Красной финской гвардии, поставило нас в центр революционных событий Финляндии. Наше бездействие может поставить в тяжелое положение, как Красную гвардию, так и самое существование крепости. Товарищи, время не терпит, немедленно выступайте на опорные пункты — приводите их в полную боевую готовность: расчистить места для стрелков, для пулеметов, для минометов и бомбометов; расчистить обстрел. Полковые обозы немедленно должны подвозить к полковым, батальонным и ротным районам дрова для варения пищи и отопления блиндажей и убежищ. Командирам полков разработать способы доставки продовольствия и боевого снаряжения в боевые участки. Подготовить перевязочные пункты.

Оперативная коллегия.

Телеграмма командира 106 пехотной дивизии Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии, 2 февраля (20 января) 1918 г. [3]

Боевые действия в районе Бьернеборга ограничились ночью небольшой перестрелкой с белой гвардией. Станция Тюрвя по полученным сведениям занята белогвардейцами и кроме того значительные отряды появились в районах Савия к северу от Рюрвя, с целью разбить эти отряды и очистить железнодорожное сообщение с Бьернеборгом. Мной из Таммерфорса сегодня ночью отправлены два отряда — один через станцию Сиура на Лавию, а другой вдоль полотна железной дороги на Тюрвя. Новых сведений из гарнизонов не поступало.

(Подпись).

---

[1] Газета «Työmies» № 30 от 1 февраля 1918 г.
[2] ЦГАОР, ф. 3996, д. № 1, л. 33.
[3] Там же, ф. 929, д. № 17, 1918 г., л. 69.

Телеграмма штаба 42 армейского корпуса Военной коллегии Областного комитета Финляндии, 3 февраля (21 января) 1918 г.[1]

20 января на сейняиокском направлении боевой поезд, сбив белогвардейцев на станциях Коркеакоски и Люлю, подошел к станции Вильпула, где произошел бой с белогвардейцами. Силы последних около 500 человек с пулеметами, занявшими сильную позицию; отряд после боя отошел на станцию Коркеакоски, на смену ему высылается завтра другой разведывательный поезд. Из штаба белой гвардии из Сейняиоки вернулся член дивизионного комитета, как член делегации от нашего гарнизона. Он донес следующее: командир бригады Боровский остался в штабе белой гвардии и вернуться в дивизию отказался; 423 полк остается на своих местах; солдаты обезоружены и арестованы; офицеры все на свободе и при оружии; из денежных ящиков выдано содержание офицерам, а остальные деньги и продовольствие взяли под расписку. Полк был захвачен врасплох, при взятии убит один часовой у порохового погреба и ранено 2, которые отказались сдать посты и оружие; прапорщики Юшкевич и Осипов арестованы вместе с солдатами. В Николайштадте убито 2 матроса и несколько ранено, которые отказались сдаться.

Белая гвардия имеет много оружия, причем за эшелонами войск следуют поезда с оружием для снабжения местных белогвардейцев. При гвардии много пулеметов и есть орудия. Организованы отлично, дисциплина николаевских времен, продовольствия много. Силы белой гвардии не удалось определить; на станции Вильпула около 500 человек с пулеметами, также на станцию Хапамяки и дальше все станции к северу заняты человек по сто. Предполагается в ближайшем будущем времени взять Таммерфорс и утвердиться в этом пункте. На бьернеборгском направлении в районе Торая и Хунтинен обнаружены отряды белой гвардии человек по 200, для борьбы с которыми высланы боевые отряды из Таммерфорса. Результаты боев на всем бьернеборгском направлении еще неизвестны; в районе Ристи и Наккила белогвардейцами взорваны железнодорожные мосты. В районе села Тейкко, на восточном берегу озера Немерви к северу от Таммерфорса, сегодня около 20 часов начался бой Красной и белой гвардии, с обоих сторон участвует около 500 человек.

Штаб 42 армейского корпуса.

Сообщение газеты «Työmies» № 32 от 3 февраля 1918 г.

В окрестностях Таммерфорса, в Люлю, произошел в пятницу днем бой между мясниками и отрядом таммерфорских красногвардейцев. Мясников было 2000 человек, тогда как на стороне красногвардейцев было только 400 хорошо вооруженных людей. Находившаяся в руках мясников станция Люлю была быстро захвачена красногвардейцами. Произошел короткий, но горячий бой. Мясники — гвардейцы принуждены были отступить и скрыться в лесу. Есть раненые и убитые, но число их неизвестно.

Оперативная сводка штаба 106 пехотной дивизии, 4 февраля (22 января) 1918 г.[2]

На сейняиокском направлении боевой поезд в ночь на сегодня ночевал в Коркеакоски, а сегодня утром отправился дальше на Вильпула. В 12 часов отряд подошел к станции Вильпула, где был встречен

[1] ЦГАОР, ф. 929, д. № 17, 1918 г., л. 74.
[2] Там же, л. 79.

оружейным и пулеметным огнем из-за каменных закрытий и различных станционных построек. Развернувшись, отряд повел наступление с фронта, открыв огонь из орудия и пулеметов, а на фланге направились лыжники с ручными гранатами, имея задачи выйти в тыл и отрезать белогвардейцев. Орудийным огнем разрушена станция и мост. После чего белогвардейцы получили подкрепление около двух тысяч с батареей; станцию Вильпула не заняли. Потери: ранен один офицер, солдат и два красногвардейца. Предполагаю подкрепить отряд новыми силами и дальнейшей задачей ставлю занятие станции Вильпула и Хапамяки, после чего предполагаю развить активные действия в направлении Сейняиоки и Ювяскюля. На бьернеборгском направлении наш отряд, в составе двух рот с двумя пулеметами, высланный из Лавия, встретил пятьсот белогвардейцев, которые после первых же выстрелов разбежались; вообще наблюдается, что местные белогвардейцы представляют собой очень впечатлительную массу и мало способны к устойчивости. На остальных направлениях полное спокойствие.

Командир 106 пехотной дивизии (подпись).

Телеграмма Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии в Совнарком, 5 февраля (23 января) 1918 г.[1]

Положение у нас устойчивое. Власть пролетариата с каждым днем крепнет. Если можете высылайте на подкрепление сознательных людей, крайне нуждаемся. Оружие вышлите, возможное количество броневиков и пулеметов в распоряжение Военного отдела. Вместе с тем убедительно прошу помочь финансами, так как этот вопрос обстоит в самом незавидном положении.

Председатель Военного отдела Областного комитета (подпись).

Телеграмма командира 106 пехотной дивизии в Военный отдел Областного комитета, 5 февраля (23 января) 1918 г.[2]

Вчера 22 января в Таммерфорс прибыло 500 красногвардейцев из Гельсингфорса с 8 пулеметами и 7 орудиями, что с прибывшими 21 января 500 человек составляет тысячу человек.

(Подпись).

Телеграмма начальника гарнизона г. Бьернеборга командующему войсками западной Финляндии, 6 февраля (24 января) 1918 г.[3]

Вчера около 15 часов красногвардейцы донесли, что в деревне Вехе Раумо, в трех километрах от города Бьернеборга, в дом помещика в предыдущую ночь привезено шесть подвод с винтовками. Решено было произвести обыск и выемку. С этой целью отряд Красной гвардии в количестве 300 человек, при поддержке значительного числа конных от 2 сотни и одного орудия, оцепили этот дом. Спустя некоторое время из окна дома по проезжавшему конному разъезду был открыт частый ружейный огонь, которым и был ранен солдат 2 сотни Алексей Тыщенко. В виду такого враждебного отношения белогвардейцев, засевших в доме, начальником отряда Красной гвардии, совместно с начальником артиллерии, решено было открыть по дому артиллерийский огонь. Результатом последнего дом оказался незначительно поврежденным — сбит угол дома, повреждена крыша и несколько сна-

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. № 114, л. 122.
[2] Там же, ф. 929, д. № 17, 1918 г., л. 78.
[3] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 2, 1918 г., л. 50.

рядов попало в простенки дома. Всего было выпущено 38 снарядов; ввиду наступления темного времени и отказа засевших в доме сдать оружие, решено оставить сильное наблюдение за зданием Красной гвардией и приступить к новым действиям сегодня. О результате будет донесено дополнительно.

(Подпись).

Из телеграммы командира и комиссара 42 армейского корпуса народному комиссару по военным делам, 7 февраля (25 января) 1918 г.[1]

За 24 января получены следующие сведения: начдив 106 доносит подробности боя на сейнянокском направлении у ст. Вильпула. Продвижение отряда затруднялось взорванным во многих местах белогвардейцами полотном железной дороги. Не доходя 8 километров до ст. Вильпула, была выслана разведка, которая оттеснила конные и пешие разведывательные части белогвардейцев. В 14 часов 22 января главные силы нашего отряда повели наступление под прикрытием артиллерийского огня, который заставил противника прекратить пулеметный огонь (пулеметы расположены в каменных домах и даже в кирке). Будучи атакованы с флангов, белогвардейцы стали было отходить, но получив подкрепление до трех тысяч с артиллерией, оказали противодействие, что заставило наш малочисленный отряд отложить штурм. По ст. Вильпула выпущено до 60 снарядов.

Завтра 24 января для взятия ст. Вильпула посылается сильный боевой поезд. На бьернеборгском направлении 22 января отряд в 200 красноармейцев с двумя пулеметами, управляемый матросами, совершил налет из Бьернеборга на Лауткеля (к югу от Коуватса), где был штаб гвардии и до полуторы тысячи белогвардейцев. Белая гвардия была разбита и рассеяна, оставив на месте 8 убитых; со стороны красногвардейцев ранен один.

Главную массу белогвардейцев составляет молодежь,— сыновья землевладельцев и крестьян собственников, ученики семинарии и лицея, вооружены все хорошо винтовками русскими и японскими, револьверами разных систем, и многие имеют ручные бомбы; дисциплина и порядок твердые. На узловых станциях Хийтола и Антреа находятся штабы белогвардейцев, введен подробный контроль проезжающих финнов, солдат к Сердоболю не пропускают, а оттуда дают свободный проезд, предварительно обезоруживая.

(Подписи).

Приказ командования войсками Западной Финляндии, 7 февраля (25 января) 1918 г.[2]

Принимая во внимание постепенную убыль в частях войск, вследствие увольнения старших сроков службы, и считаясь с идеями постепенного формирования новой армии, приказываю:

1. Немедленно же влить в части войск добровольцев финских уроженцев по рекомендации Красной гвардии, по расчету 10 человек на роту и по 5 на орудие и пулемет с тем, чтобы общее число добровольцев финнов в полку не превышало 200 человек, а в батареях 30 человек.

2. Всех добровольцев снабдить соответствующим вооружением, снаряжением и зачислить на все виды довольствия при частях, за исклю-

[1] ЦГАОР, ф. 1, оп. 3, д. № 36, лл. 46—51.
[2] Там же, ф. 929, д. № 17, 1918 г., л. 82.

чением вещевого и денежного, которые они будут получать от своего правительства.

3. Добровольцам помещаться в соответственных батареях, ротах и командах, причем они предназначаются для строевой и боевой службы и на хозяйственные надобности не назначаются.

4. Немедленно приступить к обучению добровольцев.

5. Разрешение всех остальных вопросов, связанных с пополнением частей добровольцами, возлагаю на соответственные гарнизоны и части войск.

Командующий войсками (подпись).

Из телеграммы командира 42 армейского корпуса начальнику 106 пехотной дивизии, 8 февраля (26 января) 1918 г.[1]

За 26 января получены следующие сведения. Западная Финляндия. 25 января наш отряд вел бой у станции Вильпула; деревня Вильпула занята нами, но мост и станция в руках белогвардейцев. Разведкой выяснено: станция Вильпула занята не менее как двумя тысячами белогвардейцев с тремя 3-х дюймовыми орудиями и пулеметами, артиллерия белогвардейцев стреляет довольно метко. Село Руовеси (западнее железнодорожной линии Таммерфорс), Хапамяки, по донесению, занято 1100 белогвардейцами и 200 всадниками. Конница, повидимому, имеется и около станции Вильпула. Нюстад занят белогвардейцами в числе 1000 человек. 25 января вечером предполагалось выслать из Або на Нюстад отряд Красной гвардии, в количестве 600 человек с придачей им артиллерии и 200 человек наших солдат.

Восточная Финляндия без перемен. По агентурным сведениям нападение на наши войска в Вазе было произведено отрядом белогвардейцев, пользовавшихся для этого ручными гранатами, большинство наших солдат выбежало из помещений без винтовок, число убитых, якобы, 8 человек. Общая численность белогвардейцев на севере, якобы, достигает 40 000 человек; из Швеции, Германии прибыло около пяти тысяч добровольцев. Проезд на север от станции Оривеси для пассажиров затруднен.

Командир 42 армейского корпуса (подпись).

Телеграмма председателя Военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии в Совнарком, 10 февраля (28 января) 1918 г.[2]

За 28 января. 20 километров к северу от Руовеси рассеяли отряд белогвардейцев в числе 150 человек. На абосском направлении остров очищен от белых. По частным сведениям Нюстад 28-го очищен от белых. Восточная Финляндия без перемен. Со своей стороны убедительно прошу в срочном порядке выслать в Гельсингфорс Военному отделу винтовок и патронов к немецким винтовкам, чем окажете большую услугу и помощь для скорейшего разгрома белой гвардии, гнездо которой уже обнаружено. Для пользы еще раз прошу о немедленной высылке винтовок сколько можно и патрон как русских, так и немецких.

Председатель Военного отдела (подпись).

---

[1] ЛЦГВИА, ф. 2530, д. № 2, 1918 г., лл. 91—93.

[2] ЦГАОР, ф. 130, д. № 11, 1918 г., л. 5.

Сообщение уполномоченного по внутренним делам Совета народных уполномоченных Финляндии Военному отделу Областного комитета, 18 февраля 1918 г. [1]

От станции Лаптреск и до Ловизы у белогвардейцев сильные укрепления. Расположились цепью.

Из Таммерфорса сообщают 5 февраля: в Вильпула происходили вчера после обеда ожесточенные бои. Полагают, что деревня Вильпула почти до тла разрушена.

При открытии огня против белогвардейцев со стороны последних был поднят белый флаг в знак того, что хотят сдаваться, но при приближении красногвардейцев раздался свисток паровоза, везшего резервы для белой гвардии, в виду чего бой начался снова. Белогвардейцы стреляли из винтовок, пулеметов и пушек. Красная гвардия отвечала шрапнелью. Боевой фронт протяжением в 6 километров.

Раненых: красногвардейцев 11. Число потерь противника неизвестно.

Решительный бой из-за наступившего вечера отложился по всей вероятности до завтра.

За уполномоченного финляндского Совета народных уполномоченных по внутренним делам (подпись).

Сообщение члена Совета народных уполномоченных Финляндии Военному отделу Областного комитета Финляндии, 18 февраля 1918 г. [2]

В Вильпула посланы отряды в пятницу, которые не достигли места назначения, но и белогвардейцы отступили.

Поезда отправлены 1 и 3 февраля. Отряды пошли по направлению к Вильпула. На мосту белогвардейцами поставлены пулеметы. Посланы в воскресение вспомогательные отряды, снабженные пушками и пулеметами.

Бой начался в 12 час. дня в 4 километрах от станции Вильпула и продолжался до 5 часов. В течение всего времени было дано 60 пушечных выстрелов. Станционные постройки и несколько домов уничтожено. Мост не обстреливали.

В Вильпула имеется узкоколейная железная дорога до Мянття, длиной в 8 километров. Там каменное укрепление владельца бумажной фабрики Серлакиуса. Железнодорожный мост и дача укреплены. Отряды состоят из шведов (финляндских). Ранено 2 красногвардейца, убито 4 белогвардейца.

Наши отошли снова назад.

Уполномоченный А. Тайми.

Обращение Полевого оперативного штаба действующих войск Финляндии в Выборгский Совет рабочих и солдатских депутатов, 23 февраля 1918 г. [3]

Полевой штаб просит вас сделать распоряжение броневому отряду быть наготове сегодня, так как по сведениям финской Красной гвардии сегодня ночью белогвардейцы готовят выступление, которое и нужно пресечь.

Надеюсь, что Совет не откажет в этом и поддержит еще раз советскую власть [4].

Член Полевого оперативного штаба (подпись).
Председатель Выборгского Совета
рабочих и солдатских депутатов (подпись).

---

[1] ЦГАОР, ф. 929, д. № 17, 1918 г., л. 92.
[2] Там же, л. 91.
[3] Там же, ф. 359, д. № 17, 1918 г., л. 104.
[4] На документе резолюция: «Было сделано распоряжение».

Отношение члена Совета народных уполномоченных Финляндии главнокомандующему Петроградским военным округом, 23 февраля 1918 г.[1]

Уважаемый товарищ! Наше положение в Таммерфорском округе пока еще выжидательное. Шлем туда для подкрепления, все что только можно.

Операция, которая была принята в секторе Нюландской губ., именно Гельсингфорсе, Керава, Рихмяки, Лахти, Коувола и Котка, закончена нашей победой, белогвардейцы как зайцы, всюду бежали, есть среди них много убитых и раненых. Почему до сих пор не выдают нам тех погребов, о которых с вами говорили? Ссылаются: «что не получили распоряжения». Поторопитесь отдать таковое. По направлению к С.-Михелю идет наступление. Также и у станции Антреа. Более точных сведений нет.

Уполномоченный Финляндского народа А. Тайми.

Сообщение газеты «Työmeis»[2]

На прошлой неделе белогвардейцы разыскивали в Сиунтио некоторых членов общества рабочих. Жене одного из них они сказали: «Когда мы найдем вашего мужа, мы не застрелим его и не сожжем, а будем понемногу поджаривать». Судя по всему, белогвардейцы из Сиунтио страшные варвары.

В Таммерфорсе[3].

Тиммерфорс пал 6 апреля[4] после 12-тидневной осады и отчаянного сопротивления со стороны красногвардейцев. Еще за два дня до взятия города штаб Красной гвардии объявил, что патронов остается всего по 8 штук на человека, а снарядов во всем Таммерфорсе было 30 штук. Ворвавшись в город, белогвардейцы стали прежде всего расстреливать без разбора всех русских, не щадя ни сестер милосердия, ни раненых, которых выносили на носилках. Всех предварительно раздевали до нага и отводили к забору у железнодорожной станции, где расстреливали группами. Также было поступлено и с красногвардейцами — финнами.

На улицах Таммерфорса, этой цитадели финляндской социал-демократии, царил настоящий ад. Из русских оставались в живых лишь часть служащих Красного креста и немногие мирные жители и то лишь благодаря вмешательству американского консула. Все пленные — всего около 9.000 человек,— были помещены в казармах Колпинского полка, где они провели двое суток без всякой пищи; затем они были распределены на партии и отправлены частью на фабрики, частью в тюрьму. В казарме осталась лишь часть пленных. Им в настоящее время выдают самое минимальное количество продуктов, вследствие чего среди пленных свирепствует эпидемия тифа; умирает по 30 человек в день. Бывали случаи, что стоявшие в очереди за получением пищи пленные падали и тотчас же умирали. Обращение с пленными самое зверское. Белогвардейские офицеры — эта краса «культурной» Финляндии ругались самыми площадными словами, били пленных по лицу, стегали их плетками и вообще всячески издевались над плен-

---

[1] ЦАКА, ф. 25888, оп. 5, д. № 3, л. 42.

[2] Газета «Työmeis» № 48 от 4 марта (19 февраля) 1918 г.

[3] «Известия Петроградского Совета раб. и красноарм. деп.» № 61, 1 июня 1918 г.

[4] Ст. стиль.

ными, в особенности над русскими. Эти сведения, сообщенные одним из пленных, пробывших в плену около двух месяцев, лишний раз показывают, чего могут ждать рабочие от «свободной» буржуазии, которой удается подавить революцию.

Против безумия белого террора в Финляндии [1].

Из воззвания Центрального комитета финских рабочих.

Ужасная участь постигла рабочий класс Финляндии после победы объединенных военных сил буржуазии Финляндии... Всюду в стране безудержно свирепствует белый террор, распространяя горе, ужас, кровь, смерть и разрушение. Около 70 тыс. граждан, в большинстве члены социал-демократической партии, из них 30 тыс. штатских, брошены в тюрьмы и терпят все ужасы неслыханно грубого обращения и голода. Из-за недостаточной и совершенно негодной для людей пищи, многие из арестованных больны и неспособны двигаться, часть умерла голодной смертью, а остальных ожидает неминуемая, мучительная голодная смерть. Ежеминутно арестованные с ужасом ждут прихода палачей, ибо каждый день, по приказанию белого правительства Финляндии, арестованных ведут на казнь, причем трупы убитых и казненных не выдаются для погребения родственникам, хотя они знают о казни близких им людей. За все время гражданской войны войска правительства Свинхувуда беспощадно казнили членов социал-демократической партии, и теперь победив, приступили к страшной широко распространившейся бойне пленных. Целые отряды арестованных и сдавшихся в плен штатских и красногвардейцев расстреляны.

Многие сестры Красной армии изуродованы и казнены. И каждый день все еще происходят казни. В Выборге расстреляли 8 членов совета почти без следствия, без суда и одного из них расстреляли настолько плохо, что его пришлось прикончить топором. Все командиры Красной гвардии, начиная со взводного, расстреливаются. Должностные лица социал-демократической партии, редактор и корреспонденты рабочих газет, комиссары и служащие рабочего правительства расстреливаются и их частную собственность предполагают ограбить.

За представителями соц.-дем. партии в Сейме охотятся как за дикими зверями. Все газеты и организации партии закрыты и их имущество разграблено. Та же участь грозит всем рабочим кооперативам и имуществу членов партии. И все еще продолжаются, несмотря на давно уже закончившуюся войну, массовые смертные приговоры полевых судов и командиров отрядов, а белогвардейцы расстреливают безответственно и мирных рабочих. Финский пролетариат лишен всех человеческих и гражданских прав. Рабство, голод, болезни, ужасы заточения и смерть от рук «узаконенных» убийц, вот участь рабочего класса Финляндии, которую для него приготовило кровожадное до безумия правительство белой Финляндии. Результатом ее безумного террора являются массовые самоубийства, вызванные ужасами событий. От имени пролетариата Финляндии мы обращаемся к цивилизованным народам всего мира с призывом, во имя человечности, употребить все свои усилия для окончания безумного белого террора в Финляндии, заставить финское правительство покончить тюремные ужасы и безумные убийства десятков тысяч арестованных и воздействовать на властелинов Финляндии, чтобы они прекратили бесконечное кровопролитие, ибо настоящее положение вещей приведет страну к окончательной гибели, и мира этим путем никогда не достичь.

Центральный комитет финских рабочих.

[1] «Известия Петроградского Совета раб. и красноарм. деп.» № 59, 30(17) мая 1918 г., стр. 1—2.

Восстание русских солдат во Франции в 1917 г.[1]

В 1914 г. началась первая мировая империалистическая война. Два блока империалистических держав взялись за оружие, чтобы добиться нового передела мира, завоевать новые колонии и рынки сбыта. Миллионы рабочих и крестьян были брошены на фронты и обречены на самые тяжелые испытания. Они должны были проливать кровь и жертвовать своей жизнью за захватнические, грабительские интересы империалистической буржуазии.

В этой войне отсталая во всех отношениях царская Россия выступила в союзе с Англией и Францией против блока центральных держав, возглавляемого Германией.

«Царская Россия вступила в войну неподготовленной. Промышленность России сильно отставала от других капиталистических стран. В ней преобладали старые фабрики и заводы с изношенным оборудованием. Сельское хозяйство при наличии полукрепостнического землевладения и массы обнищавшего, разоренного крестьянства не могло служить прочной экономической основой для ведения продолжительной войны»[2].

Царская Россия была страной зависимой от англо-французского капитала. Важнейшие отрасли промышленности — металлургические заводы, нефть, уголь — все это находилось в руках англо-французских капиталистов. Подготовка к войне требовала огромных расходов и, не имея своих средств, царское правительство делало огромные займы у своих союзников — Англии и Франции. Таким образом, царская Россия превратилась в данницу англо-французских империалистов, что и предопределило ее выступление в войне на стороне Антанты. Россия хотя и имела свои захватнические цели в этой войне, но занимая подчиненное положение в блоке Антанты, она должна была делать то, что было выгодно Англии и Франции.

Англия и Франция имели деньги и развитую индустрию, но людские резервы этих стран были ограничены, в то время, как в России промышленность была развита слабо, но не было недостатка в людях. Занимая полуколониальное положение в блоке Антанты русский царизм должен был в угоду Англии и Франции посылать на смерть миллионы людей. Так Россия превратилась в поставщика «пушечного мяса» для англо-французского капитала, и трудящиеся России должны были жертвовать своей жизнью не только в интересах русской буржуазии и помещиков, но еще и в интересах англо-французского капитала.

---

[1] По предложению союзников Англии и Франции Николай II 6 декабря 1915 г. на докладе военного министра (Поливанова) наложил резолюцию о посылке русских войск во Францию. В январе 1916 г. началось формирование 1 Особой пехотной бригады. Управление бригады и 1 Особый пех. полк формировались в Москве, 2-й Особый пех. полк — в Самаре, маршевый батальон — в Иркутске. Формируемые части эшелонами шли по Китайско-восточной ж. д. в порт Дайрен, где производилась посадка на суда. Первые суда из Дайрена были отправлены в середине февраля и прибыли в Марсель 20(7) апреля 1916 г. Вслед за первой бригадой были отправлены еще 4 бригады, в том числе одна артиллерийская во Францию и на Салоникский фронт.

[2] «Краткий курс Истории ВКП(б)», стр. 156.

Когда разгорелась мировая бойня и Франция стала испытывать недостаток в живой силе, царская Россия должна была отправить на территорию Франции своих солдат, которые должны были умирать на полях обширного западного фронта и выполнять самые тяжелые задачи, которые на них возложило французское командование.

Война продолжалась. Царская армия во главе с бездарными и продажными генералами терпела поражения. Экономическое положение России, изолированной от своих союзников, становилось все более и более тяжелым. Промышленность не могла удовлетворять потребностей войны. В армии недоставало патрон и оружия. Транспорт был расшатан. Сельское хозяйство было не в силах удовлетворить растущие потребности. Стране угрожал голод. Снабжение продовольствием шло с большими перебоями. Рабочие были посажены на голодный паек. Благодаря героической работе подпольных большевистских организаций в тылу и армии, рабочие, крестьяне и солдаты стали понимать грабительский захватнический характер войны, которая нужна была только капиталистам и помещикам. Благодаря этим причинам в широких народных массах нарастало недовольство царским правительством, из года в год росло и ширилось стачечное движение, учащались случаи неповиновения солдат офицерам. В начале 1917 года хозяйственная разруха достигла наивысшего предела. Царизм переживал смертельный кризис. Рабочие выходили на улицу с лозунгами: «Долой царя!», «Долой войну!» Царское правительство прибегло к вооруженной силе. Но и это уже не могло спасти самодержавие. Солдаты отказались стрелять в восставших и перешли на сторону революции. Самодержавие было свергнуто. Победила Февральская буржуазно-демократическая революция.

После свержения самодержавия власть захватили помещики и капиталисты, в лице Временного правительства. Но рядом с ним возникли Советы рабочих и солдатских депутатов, как орган власти, выдвинутый революционными массами и отражавший интересы трудящихся.

Временное правительство, с момента своего появления на свет, продолжало проводить политику господствующих классов и намерено было продолжать войну до победного конца. Его полностью поддерживали лакеи буржуазии — меньшевики, эсеры и троцкистско-буржуазные элементы. С помощью этих верных псов капитала, Временное правительство начало наступление на завоевания революции, наступление против рабочего класса, трудового крестьянства и революционных солдат. Только партия большевиков во главе с Лениным и Сталиным вела рабочий класс на борьбу против захвативших власть помещиков и капиталистов, вела рабочий класс на борьбу за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата. Трудящиеся массы шли за своей партией и выступили на борьбу с Временным правительством,— за мир, за землю, за власть советов. Недовольство временным правительством все нарастало и переходило в стихийные вооруженные выступления. На фронте, по предложению большевистской партии, широкие размеры приняло братание, во время которого немецкие и русские солдаты договорились не стрелять друг в друга и не проливать кровь в интересах помещиков и капиталистов. Одновременно с этим, благодаря работе большевиков, солдаты все чаще и чаще выражали протесты против войны, отказывались выполнять приказы и требовали заключения мира. Движение за мир принимало массовый характер и, несмотря на репрессии Временного правительства, вплоть до введения смертной казни, продолжало расти.

Раскаты революции дошли и до русских солдат, находившихся на территории Франции, куда их послало царское правительство драться за империалистические интересы французских и английских капиталистов. Находясь в подчинении французского командования, русские части назначались, главным образом, для самых кровопролитных операций, и когда они посылались на отдых, то размещались в особых лагерях. Правительство «демократической» Франции, желая удержать русские войска в повиновении и боясь того, что революционная зараза проникнет во французскую армию, держало русских солдат, как

в тюрьме. Лагеря были обнесены колючей проволокой и надежно охранялись. О положении русских солдат очень ярко говорит обращение отрядного комитета лагеря Ля Куртин к французскому коменданту: «Мы окружены со всех сторон французскими патрулями и нам не дают никакого выхода из лагеря. Кроме того, нам не дают хлеба и других продуктов и мы остаемся голодные» [1].

Но слова большевистской правды проникали через все преграды, проникали и в лагеря русских войск во Франции. Солдаты не хотели больше проливать кровь за англо-французских капиталистов и среди них развернулось движение за отправку в Россию, которое в ряде мест вылилось в открытые восстания. Одним из таких восстаний было восстание русских солдат в лагере Ля Куртин.

1-я Особая дивизия находилась в резерве в лагере Ля Куртин. Солдаты этой дивизии, не желая драться за Францию, требовали отправки их в Россию. При этом следует отметить, что требования их были весьма ограничены. Они не отказывались подчиняться Временному правительству и соглашались драться с противником на русском фронте. Под воздействием офицерства и шовинистической агитации командованию удалось уговорить и заставить большинство солдат отказаться от своих требований и выйти из лагеря. Только наиболее революционно настроенная первая бригада не поддалась ни на какие уговоры и осталась на месте, продолжая настаивать на своих требованиях.

Временное правительство в лице Керенского, получив сведения о восстании 1-й бригады, потребовало от своего представителя генерала Занкевича принятия самых репрессивных мер, вплоть до военного суда и расстрела, для того, чтобы навести порядок в восставшей бригаде. Одновременно в качестве наказания было решено перевести всю первую дивизию с французского на Салоникский фронт.

Но это решение не так легко было провести в жизнь. Русские генералы боялись того, что другие части не только откажутся выступать против 1-й бригады, но могут перейти на ее сторону. И тогда восстание могло принять еще более широкий размах. Чтобы избежать такого нежелательного явления, царские генералы обратились к французскому командованию за помощью, на что последнее охотно согласилось. Так был заключен договор о расстреле русских революционных солдат. Но и здесь дело не обошлось без осложнений. Французское командование не могло положиться на свои войска, находившиеся в тылу, и вынуждено было для гнусной цели вызывать особо надежные части с фронта.

Наконец, царским генералам удалось сколотить силы и составить для подавления первой бригады сводный отряд, который и обложил со всех сторон лагерь Ля Куртин. При этом в первой линии находились обманутые офицерами русские солдаты, а во второй французские войска, которые предназначались не только для наступления на лагерь, но и для того, чтобы стрелять в находившихся впереди них русских солдат, если они осмелятся отказаться драться против своих братьев, вместе с которыми они проливали кровь на полях Франции.

14 сентября 1917 г. к солдатам 1-й бригады было предъявлено требование — положить оружие и выйти из лагеря не позже 10 часов 16 сентября, в противном случае по лагерю открывался артиллерийский огонь, а затем и наступление. При этом все восставшие солдаты объявлялись изменниками родины и лишались права выбора в Учредительное собрание, а семьи их лишались пайка. С началом блокады к лагерю прекращен был подвоз продовольствия и все находившиеся в нем солдаты обрекались на голодовку. И все это делалось царскими генералами по указке Керенского и с ведома и благословения французского правительства.

Гнусная роль французского правительства ярко разоблачается обращениями отрядного комитета к французскому командованию лагеря. Эти документы в простых, но ярких словах рисуют подлинную картину положения русских

[1] См. документы, стр. 64.

войск во Франции и открывают глаза на роль французского правительства, стрелявшего в русских революционных солдат, которые повинны были только в том, что хотели отправиться к себе на родину и не хотели умирать за интересы англо-французских капиталистов.

16 сентября угроза царских и французских генералов начала приводиться в исполнение. По лагерю Ля Куртин был открыт артиллерийский огонь. Восставшие солдаты понесли первые жертвы, но стойко держались и, прикрываясь каменными постройками, отстреливались ружейно-пулеметным огнем от наступающих цепей. Тем временем в некоторых частях наступавших войск уже начались колебания. Русские и французские генералы, не веря в стойкость обманутых войск, которых они заставили подавлять восстания, решили на следующий день подвергнуть лагерь усиленному обстрелу огнем артиллерии.

После вторичного артиллерийского обстрела 17 сентября большинство восставших солдат первой бригады положили оружие и сдались. Но не сдалась наиболее революционно настроенная группа солдат, которая продолжала упорно обороняться и решила дорого продать свою жизнь. По этой горсточке храбрецов, веривших в правоту своего дела, было выпущено 600 артиллерийских снарядов, а затем перешли в наступление русские и французские войска. Силы были далеко не равные. Но восставшие солдаты упорно обороняли каждый шаг своего лагеря. В результате к вечеру 17 сентября наступавшие русские и французские войска хотя и заняли две трети лагеря, но еще не могли сломить волю революционных солдат и только на следующий день восстание было подавлено, а его руководитель старший унтер-офицер Глоба попал в руки царских генералов.

Временное правительство жестоко расправилось с восставшими, 110 солдат были преданы суду, 600 солдат, считавшихся наиболее беспокойными, отправлены в лагеря Виль-д-экс и Бурластик, а остальные на Салоникский фронт.

Царские генералы и французское правительство упорно скрывают действительные потери сторон этого кровавого дела и сводки с такими мизерными потерями замазывают действительное положение вещей.

Также ложью является и донесение от 20(7) сентября, подписанное Занкевичем, в котором говорится, что «Куртинский бунт был ликвидирован нашими (русскими.— Г. З.) войсками без какого-либо активного участия французов»[1]. Эту ложь раскрывает документ от 25 августа — 8 сентября, в котором ясно сказано, что французские кавалерийские части находились в резерве и предназначались для отражения возможных контратак восставших русских солдат[2]. То же самое говорит и документ от 30 августа — 8 сентября: «В тылу сектора стали французские войска, с которыми роты вошли в связь посыльными»[3]. О назначении французских войск четко говорит и приказ по сводному отряду от 13 сентября: «За нами во второй линии стоят французские войска, назначенные для оказания поддержки в крайнем случае». Таким образом, французские войска входили в боевой порядок войск, подавлявших восстание и замазать их участие в этом кровавом и позорном деле не удастся.

Так, на территории Франции, с ведома ее правительства и при участии французских войск, Временным правительством была совершена кровавая расправа с революционными русскими солдатами, которые были брошены еще царским правительством на помощь своему союзнику — англо-французским капиталистам. Кровью, пролитой русскими солдатами, восставшими в лагере Ля Куртин, вымачканы руки не только царских генералов, но и правительства Франции, которое хотело того, чтобы русские солдаты и впредь сражались и умирали в интересах французского капитала.

---

[1] См. документы, стр. 69.
[2] См. стр. 62—63.
[3] См. стр. 62.

Ниже приводимые документы, подобранные в центральном Военно-историческом архиве, с достаточной полнотой рисуют восстание русских солдат в лагере Ля Куртин и разоблачают гнусную роль французского правительства. Документы подготовлены к печати Ф. К. Лимоновым и Е. Д. Ефимовой.

Майор Г. Захаров.

Телеграмма русского посла во Франции Извольского министру иностранных дел Терещенко, 17 (4) мая 1917 г.[1]

Считаю своей обязанностью обратить серьезнейшее внимание Временного правительства на положение наших войск, сражающихся на здешнем фронте. В свое время я высказывался против присылки сюда этих войск, ибо предвидел, что разница в быте, формах дисциплины и пр. между русскими и французскими войсками неизбежно приведет к трениям и недоразумениям. При нынешних обстоятельствах положение весьма быстро обостряется. Не будучи компетентным в военных вопросах, я не берусь подробно разобрать причины этого обострения, которое несомненно известно правительству из донесений нашего здешнего военного начальства, и ограничусь указанием на следующие непосредственные поводы: естественное брожение умов между солдатами, вследствие последних событий, и разногласие, особенно опасное при количественном и качественном недостатке офицерского состава, отсутствие прямых и подробных сведений о том, что происходит в России, внушающее солдатам подозрение, что начальство их обманывает, тяжелые условия наших раненых во французских госпиталях, вследствие неудовлетворительных и непривычных материальных условий, и непонимание языка, контраст между только что введенными у нас новыми формами воинской дисциплины и соответствующими формами дисциплины во французских войсках и т. д. Все это приводит не только к трениям и недоразумениям, но быстро развивает взаимное раздражение и даже озлобление между русскими и французами и может привести к опасным столкновениям. Настоящий вопрос грозит еще бо́льшими осложнениями, если осуществится предположенная присылка сюда около 15 тыс. наших солдат для пополнения убыли в бригадах и формирования специальных частей. Мне кажется настоятельно необходимым разрешить вопрос о наших войсках на здешнем фронте во всей его совокупности и принять эвентуально не только паллиативные, но и радикальные меры, во избежание дальнейшего его обострения, могущего вызвать серьезные осложнения между нами и Францией[2].

Телеграмма Керенского комиссару Временного правительства во Франции Рапп, 28 (15) мая 1917 г.[3]

Прошу вас посетить русские войска на французском фронте. В этих войсках происходит брожение, в связи с событиями в России, и разногласия, повидимому, между офицерами и солдатами, отсутствие точных и подробных сведений о том, что происходит в России и подозрения солдат, что офицеры их обманывают. Происходят нежелательные недоразумения, вследствие тяжелых условий, неудовлетворительных материальных условий и контраста между формами дисциплины нашей и французской. Все это вызывает взаимное раздражение, которое может повести к опасным столкновениям. Необходимо авторитетное

---

[1] ЦВИА, ф. 415, оп. 8, д. № 103,, л. 7.

[2] Этот документ, как и другие этой публикации, печатаемые без подписи, хранятся в архиве в копиях.

[3] Там же, д. № 92, л. 112.

слово; я прошу вас лично от себя и от моего имени разъяснить войскам современное положение в России, выяснить их нужды, разобрать причины недоразумений и сказать солдатам, что я стою на страже их интересов, что никто из них, не взирая на временное из России отсутствие, обижен и обделен не будет, что вопрос о земле будет решен Учредительным собранием и что в настоящее время от них требуется лишь выполнить до конца свой долг перед родиной, свергнуть иго империализма Германии и тем отстоять свободу и достоинство России и обеспечить за собой право на землю, волю и свободный труд. Только в согласии и рука об руку с союзниками мы можем сделать это. О результате вашего посещения прошу мне телеграфировать.

Керенский.

Телеграмма ген. Занкевича[1] Керенскому, 9 июля (26 июня) 1917 г.[2].

Наша дивизия находится в настоящее время в резерве в лагере Ля Куртин. Брожение в дивизии на почве ярко выраженного желания немедленного возврата в Россию в последние дни приобрело особо резкий характер. При этом часть солдат заявила, что они безусловно подчиняются Временному правительству и готовы продолжать сражаться во Франции, если будет отказано в возврате в Россию. Другая часть солдат заявила, что при полной готовности драться на русском фронте, они больше не желают сражаться во Франции. Отношения между обеими группами настолько обострились, что грозили вооруженным столкновением. Приехав в лагерь, я приказал всех солдат, безусловно подчиняющихся Временному правительству, вывести из лагеря к 10 часам 25 июня, что и было исполнено. Из лагеря ушла вторая бригада почти в полном составе, которая, таким образом, высказалась за полное подчинение Временному правительству. В лагере осталась первая бригада за исключением 200—300 человек, главным образом, второго полка, присоединившихся к третьей бригаде. Я объяснил неповинующимся солдатам всю недопустимость их поведения, ведущего к анархии и заявил, что донесу об этом Временному правительству с ходатайством установить точку зрения на солдат принципиально отказавшихся от выполнения возложенных на них правительством задач и указать мне, должен ли я прежде удовлетворять денежным содержанием этих солдат. Мое впечатление [таково], что мои слова заставили призадуматься неповинующихся солдат. Но этого совершенно недостаточно. Мне необходимо ваше скорое определение и высокоавторитетное слово по вопросам: 1) оставления или ухода из Франции русских войск, 2) квалификации поступка солдат, заявивших о согласии сражаться только на русском фронте, 3) удовлетворения их денежным довольствием и других возможных репрессивных мерах. В первом полку ясно оказываются анархические тенденции; второй полк игрушка в руках первого. Все солдаты продолжают держаться со мной безукоризненно корректно. Положение усложняется неизбежными трениями с французскими властями, которые мне удается пока улаживать. Я полон веры, что нам удастся привести в порядок нашу дивизию, но мне необходима ваша скорая и непосредственная поддержка. Не откажите в скором ответе по телеграфу.

Занкевич.

---

[1] Ген. Занкевич — представитель Временного правительства при французских армиях.

[2] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 83, л. 53.

Из телеграммы министра иностранных дел Терещенко поверенному в делах во Франции Севаступоло, 27 (14) июля 1917 г.[1]

В виду брожения и нарушения дисциплины в первой русской бригаде во Франции военный министр находит необходимым восстановить в этой части порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы и руководствуясь только что введенным положением о военно-революционных судах с правом применения смертной казни[2].

По вопросу о возвращении нашей дивизии в Россию военный министр находит, что если французское правительство, после водворения в наших войсках строгого порядка и устранения вредных элементов, все же будет настаивать на их отозвании, то части эти надлежало бы перевести в Салоники, где усиление наших войск является крайне желательным. Перевозка эта могла бы производиться эшелонами, что позволит выяснить в пути и устранить остальных нарушителей порядка и, таким образом, окончательно оздоровить войска. Эвакуация их в Россию чрезвычайно нежелательна как с общей точки зрения, так и, в частности, ввиду недостатка тоннажа, ибо перевозка войск пойдет в ущерб доставке в Россию, в Англию и Францию военных материалов.

Из телеграммы Керенского ген. Занкевичу, 29 (16) июля 1917 г.[3]

По последним сведениям, под влиянием петроградских событий и применения вышеуказанных мер, оздоровление в армии началось. Соответствующими мерами приказываю привести к повиновению первую русскую бригаду на французском фронте и ввести в нее железную дисциплину. В частях, пользующихся свободой собрания для неповиновения распоряжениям командного состава,— собраний не допускать. Преступные, вносящие разложение элементы немедленно изъять и предавать суду; ввести военно-революционные суды и не останавливаться перед применением, в крайности, расстреляния по приговору суда. Учитывая всю совокупность международного и военного положения, Временное правительство постановило: первую особую дивизию перевести с французского фронта на Салоникский фронт, на котором действует вторая особая дивизия, что и приказываю выполнить по восстановлению порядка в первой бригаде. Подобные указания будут даны главковерхом.

Керенский.

Телеграмма ген. Занкевича Керенскому, 10 августа (28 июля) 1917 г.[4]

Согласно указаниям телеграмм от 27 и 29 июля[5], мною был отдан приказ, в котором объявляю решение Временного правительства не только не отзывать особой дивизии в Россию, но возможно ее отправление на Салоникский фронт, и был назначен краткий срок для проявления полного безусловного подчинения распоряжениям Временного правительства. Из 9 тыс. человек только менее 1 тыс. человек сложило оружие и явилось с частью своих вожаков, среди последних арестовано[6]... Остальные не подчинились моим требованиям. Для приведения

---

[1] ЦВИА, ф. № 416, оп. 1, д. № 83, л. 48.

[2] Имеется в виду решение Временного правительства (25/12 июля) о введении смертной казни, военно-полевых судов на фронте для расправы с революционными солдатами а также и запрещение революционной пропаганды среди рабочего класса.

[3] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 83, л. 38.

[4] Там же, лл. 155—156.

[5] См. выше.

[6] В подлиннике пропуск.

в порядок этой части представляется необходимым изъять из ее среды около 100 вожаков для предания суду и отделения около 1500 человек, представляющих самый беспокойный и нежелательный элемент, что по обстоятельствам дела требует предварительного сложения оружия. Отданное в этом смысле категорическое приказание выполнено не было. Что касается вопроса о применении второй бригады, как вооруженной силы, для усмирения непокорных солдат, я вместе с комиссаром убедился, что, благодаря долго длившемуся неопределенному положению, состояние умов солдат второй бригады таково, что приказ о действии оружием был бы ими или не исполнен, или же на почве сильного озлобления вызвал бы огромное бесполезное кровопролитие. Об этом мне было также доложено начальником дивизии ген. Лехвицким. В виду сего я и комиссар пришли к твердому убеждению, что употребление оружия для усмирения второй бригады не только не достигло бы цели, но и грозило бы полным ее разложением. При таких условиях, вполне понимая безусловную нежелательность по причинам международного характера вооруженного столкновения между русскими и французскими войсками, я все же вынужден был обратиться за помощью к французскому правительству. Поэтому французам заблокировать лагерь и демонстрировать дисциплинированную вооруженную силу [1]. Непокорные солдаты лишены мною всякого денежного довольствия и переведены на уменьшенное продовольствие при безусловном прекращении доступа спиртных напитков. Есть основание думать, что ввиду наблюдаемого некоторого упадка духа среди непокорных, указанные меры приведут к сдаче ими оружия, а затем и к ликвидации этого дела. Докладываю, что отправка наших войск в Салоники встретит большие затруднения на почве брожения среди солдат, ввиду распространенных среди них слухов о крайней трудности службы на Салоникском фронте.

Занкевич.

Из телеграммы ген. Занкевича Керенскому [2]

...Французские военные власти, соглашаясь дать в мое распоряжение необходимое число своих войск, официально уведомили меня, что применение их для действия оружием может последовать лишь после констатированного неуспеха действия наших войск. Вполне разделяю точку зрения французов и сделаю все возможное, дабы избежать вооруженного столкновения между французами и мятежными солдатами. 23 августа части 2-й особой артиллерийской бригады, предназначенные для усмирения Ля Куртин, переводятся в район лагеря, после чего даю им несколько дней для ознакомления с французским орудием и винтовкой и приступаю к тесному окружению лагеря, голодовке и действию оружием, если то понадобится.

Занкевич.

Из телеграммы министра иностранных дел Терещенко поверенному в делах во Франции Севаступоло, 25 (12) августа 1917 г. [3]

Ввиду донесений ген. Занкевича о продолжающемся отказе первой бригады подчиниться требованиям правительства, верховный главнокомандующий находит необходимым приказать ген. Занкевичу, в случае

[1] Так в подлиннике.

[2] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 81.
Документ не датирован. Судя по содержанию, он написан до 23 августа 1917 г.

[3] Там же, л. 3.

дальнейшего неповиновения бригады, объявить ее расформированной; предупредить, что в случае отказа положить оружие с ними будет поступлено уже как с бунтовщиками и французами будет применена вооруженная сила...

Благоволите передать это приказание ген. Занкевичу и войти в соответственные сношения с французским правительством. Одновременно я прошу предложить ген. Занкевичу оповестить наши войска о последствиях, которые повлечет за собою расформирование, а именно лишение семей пайка, лишение права участия в выборах в Учредительное собрание, лишение участия в могущих быть принятыми сим соображением благодетельных для народа мер и наконец объявить виновных изменниками родине и революции и привлечение их к судебной ответственности.

Для сведения вашего и ген. Занкевича добавляю, что по поводу заявления ген. Занкевича и Раппа о затруднениях в посылке дивизии на Салоникский фронт какие-либо изменения в принятом решении по этому вопросу верховн. главноком. считает невозможным.

Из телеграммы поверенного в делах во Франции Севаступоло министру иностранных дел Терещенко, 28 (15) августа 1917 г.[1]

Получил вашу телеграмму[2].

Передал ее содержание, как ген. Занкевичу, так и министерству иностранных дел, об ответе коего не премину донести. Еще до получения означенной телеграммы ген. Занкевич, всемерно стремясь избегнуть столкновения между нашими и французскими войсками, решил попытаться использовать для восстановления порядка в наших войсках прибывшую сюда на пути в Салоники артиллерийскую бригаду, настроение коей представляется вполне прочным. Солдаты Лякуртинского лагеря оцеплены в настоящее время французскими войсками...

Телеграмма министра иностранных дел Терещенко поверенному в делах во Франции Севаступоло, 28 (15) августа 1917 г.[3]

Верховный главнокомандующий находит необходимым: 1) принять все меры к отправке обоих особых бригад из Франции на Салоникский фронт, отделив предварительно те[4]... ряды, на которые можно расчитывать, что ими можно будет воспользоваться для усмирения неповинующихся; 2) если же это не удастся, то объявить обе бригады расформированными, обезоружить их при содействии французских войск, судить военно-революционным судом и затем отправить осужденных в Россию, а остальных на Салоникский фронт.

Благоволите передать эти указания ген. Занкевичу и войти в соответственные сношения с французским правительством.

Телеграмма поверенного в делах во Франции Севаступоло министру иностранных дел Терещенко, 6 сентября (24) августа 1917 г.[5]

Ген. Занкевич наметил следующий план действий по отношению к мятежным солдатам лагеря Ля Куртин. К вечеру 9 сентября русская

---

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 5.
[2] См. предыдущий документ.
[3] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, лл. 16.
[4] В подлиннике пропуск.
[5] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, лл. 1—2.

депутация из лагеря Курно[1] возвращается из лагеря Ля Куртин для сообщения ген. Занкевичу окончательных результатов своих переговоров с нашими бригадами. В тот же день имеет осуществиться занятие нашими артиллеристами заранее намеченных пунктов, а также занятие французскими войсками исходного положения для тесной блокады. 10 сентября, к 10 час. утра, назначается передача приказания о безусловном подчинении Временному правительству. С этого же часа начинается действие ультиматума, тесная блокада и прекращение всякого подвоза пищи впредь до изъявления покорности. На 11 сентября, в 10 час. утра, назначено действие войск оружием. Условия, которые ставятся солдатам лагеря Ля Куртин, следующие: 1) сдать оружие французским властям, которые ставят к ним караулы; 2) немедленно изъявить полную покорность и безусловно подчиниться всем распоряжениям военных властей. При этом объявляется, что 1) никакие виды денежного и прочего довольствия выданы не будут за все время беспорядков и неподчинения законным требованиям правительства солдат лагеря Ля Куртин; 2) находящиеся в нем воинские чины, привлеченные следственной комиссией в качестве обвиняемых и добровольно подчинившиеся указанным выше требованиям, будут судиться отрядным судом. Принужденные же к повиновению оружием, а также все, оказавшие какое бы то ни было активное сопротивление исполнению перечисленных распоряжений, будут переданы военно-революционному суду; 3) все неподчинившиеся к 10 час. утра, 10 сентября, согласно приказанию Временного правительства, считаются изменниками родине и революции и лишаются: а) права участия в выборах в учредительное собрание, б) семейные — пайка и в) всех улучшений и преимуществ, которые могут быть дарованными Учредительным собранием.

Телеграмма поверенного в делах во Франции Севастополо министру иностранных дел Терещенко, 10 сентября (28 августа) 1917 г.[2]

Ген. Занкевич сообщает из Куртин, что выполнение намеченной программы откладывается на три-четыре дня, согласно желанию французов, которые, ввиду возможного столкновения, решили выписать с фронта хорошие боевые войска в количестве: одного пехотного полка, одного кавалерийского и одной батареи. Войска эти должны заменить те, которыми ныне оцеплен Куртинский лагерь и которые состоят из людей не бывших в деле, старых территориалов и 19-тилетних людей последнего призыва.

Предписание ген. Занкевича начальнику 2 Особой артиллерийской бригады ген. Беляеву, 12 сентября (30 августа) 1917 г.[3]

На основании приказаний, полученных мною как от Временного правительства, в лице его председателя и военного министра, так и от Верховного главнокомандующего, для приведения к повиновению мятежных солдат лагеря Ля Куртин, предписываю вам:

1) Сформировать сводный отряд в составе:

а) 4-х батальонов, выделенных из 1-й и 3-й особых пехотных бригад по назначению начальника 2-й Особой пехотной дивизии;

б) 4-х пулеметных команд тех же бригад;

---

[1] В связи с отказом солдат лагеря Ля Куртин сражаться в боях на территории Франции и их желанием немедленно отправиться на родину, по инициативе военных чинов 2 Особой артиллерийской бригады, из лагеря Курно была послана делегация для переговоров с солдатами о сдаче ими оружия.

[2] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 6.

[3] Там же, д. № 80, л. 11.

в) 2-х рот, сформированных из личного состава 2-й Особой артиллерийской бригады, и

г) одной 6-тиорудийной батареи той же бригады, а всего: 4½ батальона, 32 пулемета и 6 орудий.

2) Отряду занять позиции к вечеру 14 сентября для тесной блокады лагеря Ля Куртин.

3) Начальником такового отряда назначаю вас.

Французские войска под общим командованием генерала Комби[1] занимают линию непосредственно за линией расположения частей русского отряда.

Занкевич.

Из приказа ген. Беляева сводному отряду г. Обюссон, 13 сентября (31 августа) 1917 г.[2]

1. Предписанием представителя Временного правительства при французских армиях от 30 августа (12 сентября) с. г. я назначен начальником сводного отряда. Вверенный мне отряд получил приказание занять позиции для тесной блокады лагеря Ля Куртин к вечеру 1/14 сентября и быть готовым к действию оружием, с целью привести к повиновению мятежных солдат лагеря.

Для сего предписываю:

...Всем начальникам секторов при расположении на позиции обратить особое внимание на возможность хорошего обстрела всех дорог, лощин, оврагов и тропинок из лагеря Ля Куртин. Начальнику восточного сектора обратить особое внимание на подготовку обороны дер. Ля Куртин с тем, чтобы совершенно не допустить проникновения в нее мятежных солдат из лагеря Ля Куртин.

Внушить всем чинам, что открытие ружейного и пулеметного огня обязательно по всем вооруженным солдатам, выходящим из лагеря Ля Куртин.

Стрельба по безоружным солдатам в секторах западном и северном ни в коем случае не допустима, а в восточном секторе на всем протяжении кроме дер. Ля Куртин, где следует отдельных людей и небольшие группы задерживать, а по большим массам, хотя бы и безоруженным, открывать огонь.

За нами во второй линии стоят французские войска, назначенные для оказания поддержки в крайнем случае.

...Задержанных на пропускных постах передавать в тыл французским войскам для дальнейшего направления.

При расположении на позиции соблюдать полную боевую готовность, имея при всех пулеметах дежурные номера. Ночью вдоль расположения установить сеть непрерывных дозоров.

Для отличия чинов отряда от солдат лагеря Ля Куртин всем частям иметь на левом рукаве отличие, в виде желтой или синей повязки. Для проверки дозорной службы будет назначаться пароль.

Генерал-майор Беляев.

Из описания военных действий 1 батальона 5 Особого пехотного полка,— 21 сентября (8 сентября) — 12 сентября (30 августа) 1917 г.[3]

...1 сентября (ст. ст.)

Приказание по отряду — обложить лагерь Ля Куртин, а моему батальону занять северный сектор блокады на высотах к северу лагеря

---

[1] Командующий 12 военным округом. Лагерь Ля Куртин находился на территории 12-го военного округа во Франции.

[2] ЦВИА, ф. 416, оп 1, д. 80, л. 12.

[3] Там же, д. № 82, л. 159.

Ля Куртин. К 15 час. роты заняли указанный участок заставами, выставив полевые караулы; пулеметами заняли места с хорошим обстрелом дорог, тропинок и подступов к заставам. Пропускными постами заняты шоссе в Фельтен и шоссе в Бейсад.

В тылу сектора стали французские войска, с которыми роты вошли в связь посыльными. Ротные участки связались со мной телефоном и вестовыми. Связь с начальником отряда ген. Беляевым была за недостатком проводов установлена конными ординарцами (полтора часа езды в один конец). По выходящим из лагеря Ля Куртин без оружия было воспрещено стрелять. Желающих сдаться приказано передавать в тыл французским постам. С наступлением темноты высылались дозоры и роты приводились в полную готовность к бою. По занятии ротами участков, стали сразу подходить отдельные лица из куртинцев, уговаривая людей перейти к ним и не стрелять по ним, последнее сильно развращающе действовало на солдата, а потому я приказал и невооруженных, без желания сдаться, забирать и передавать в тыл французам. Сдано было за день около 9-ти человек.

Полковник Рытов.

Телеграмма поверенного в делах во Франции Севаступоло министру иностранных дел Терещенко, 14 (1) сентября 1917 г.[1]

Как телеграфирует ген. Занкевич, выполнение намеченной программы отложено всего на пять дней, так что завтра утром начнется тесная блокада и прекращение подвоза продовольствия, а после завтра в 10 час. утра начнется артиллерийское действие.

Приказ по русским войскам во Франции, г. Обюссон, 14 (1) сентября 1917 г.[2]

Распоряжениями, полученными мной как от Временного правительства, в лице его председателя и военного министра, так и от верховного главнокомандующего, мне приказано привести к повиновению мятежных солдат лагеря Ля Куртин.

Приказываю солдатам лагеря Ля Куртин изъявить полную покорность, беспрекословно подчиниться всем своим распоряжениям и с момента получения сего приказа складывать оружие в лагере на плацу, против офицерского собрания; оружие это по освобождении лагеря будет принято французскими солдатами. Сложившим оружие надлежит выходить из лагеря, захватив с собой палатки.

Выход из лагеря разрешен по любому направлению, за исключением деревни Ля Куртин, куда вход безусловно воспрещен.

Для приема из лагеря солдат назначаются 4 приемных поста:

1. На запад от лагеря в деревне St. Denis (Сен-Дени).
2. На северо-запад по шоссе в Felletin (Фельтен) и в 1½ верстах от окраины лагеря.
3. На север по дороге в Beissat (Бейсад) у деревни La Deigne (Ля-День).
4. На восток, по дороге, севернее озера, которая выходит на шоссе из Куртин в St. Oradoux (Сен-Ораду).

Явившиеся на приемные посты будут направляемы в пункты, отведенные французскими властями, где для них обеспечено расположение и продовольствие.

Каждый солдат, выходящий из лагеря с оружием, будет подвергнут обстрелу. Точно также будут обстреляны все как вооруженные, так

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 17.
[2] Там же, д. № 80, лл. 16—17.

и безоружные, пытающиеся, вопреки указанному выше запрещению, проникнуть в деревню Ля Куртин.

На выполнение указанных выше требований — сложения оружия и выхода из лагеря — предоставляю время с момента получения сего приказа до 10-ти час. утра 3/16 сентября, когда по оставшимся в лагере Ля Куртин будет открыт артиллерийский огонь. Начиная с 2/15 сентября отпуск продовольствия прекращается.

Все солдаты, не подчинившиеся указанным выше требованиям к 10-ти час. утра 3/16 сентября, будут, согласно приказаниям Временного правительства, считаться изменниками родины и революции и лишаются:

а) права участия в выборах в Учредительное собрание;

б) семейные — пайка;

в) всех улучшений и преимуществ, которые будут дарованы Учредительным собранием.

Кроме того, все принужденные к повиновению силою орудия, а также оказавшие какое-либо активное сопротивление исполнению выше перечисленных распоряжений, будут преданы военно-революционному суду.

Солдаты добровольно подчинившиеся вышеуказанным требованиям, но привлеченные следственной комиссией в качестве обвиняемых, будут судиться отрядным судом.

Ген. Занкевич.

Из приказания ген. Беляева солдатам лагеря Ля Куртин, 14 (1) сентября 1917 г.[1]

Я получил приказание представителя Временного правительства привести вас к повиновению силой оружия.

Объявляю: 1) вы должны сложить все ваше оружие в лагере для дальнейшего приема его французскими войсками.

2) Выйти из лагеря обезоруженными на пропускные посты по дорогам.

3) Всякий, выходящий из лагеря вооруженным, будет мною встречен огнем.

4) Точно также будет встречена огнем всякая попытка, хотя бы и невооруженных людей, проникнуть в деревню Ля Куртин.

5) По тем, кто не положит оружия и не выйдет из лагеря до 10 час. 16/3 сентября, будет открыт артиллерийский огонь.

Беляев.

Из обращения отрядного комитета лагеря Ля Куртин к французскому коменданту лагеря Ля Куртин, 14 (1) сентября 1917 г.[2]

Находясь на земле Франции более 16-ти месяцев и не мало пролив своей русской крови на полях Шампани, а также и под Курси, мы солдаты 1-й Особой пехотной бригады доведены нашим русским начальством до такого положения, что мы не знаем, кто мы, пленные или арестованные? Мы окружены со всех сторон французскими патрулями и нам не дают никакого выхода из лагеря. Кроме того, нам не дают хлеба и других продуктов, и мы остаемся голодные. От кого это зависит? Нам говорят, что здесь французские власти не при чем, а это все распоряжения от ген. Занкевича. Кто же тогда хозяином во Франции над войсками? Главнокомандующий всеми французскими

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 80, л. 25.

[2] Там же, д. № 82, л. 46.

армиями, или же ген. Занкевич? У нас в России, как известно более 3-х миллионов пленных: немцев, австрийцев и турок и они все там сыты, а мы вольные граждане свободной России, находясь в союзной нам стране, остаемся голодные! Нас здесь морят голодом и никто не хочет слышать наши крики! Этого мало, что герои 1-й Особой пехотной бригады голодают в Куртине по милости ген. Занкевича за то, что они не послушались приказа и не сдали своих винтовок, но при чем же здесь лошади, которым тоже не дают сена и овса и они остаются голодными. Для них такого приказа не было и у них нет винтовок, а потому им нет расчета нести голодовку!

Да, теперь солдаты 1-й бригады голодают, тогда как вчера по всем газетам их восхваляли за храбрость, а сегодня по всем войскам громят нас, как бунтовщиков. Но что мы плохого сделали для Франции? Если нас хотят уморить голодом и мы умрем здесь голодной смертью, то пусть знает весь свет, что русские герои 1-й Особой пехотной бригады умерли голодной смертью во Франции, по милости ген. Занкевича, так как во Франции не хватило хлеба и других продуктов для 9-ти тысяч русских войск!

Если вы не хотите дать нам хлеба, то что вы хотите над нами сделать? Если не давать, так и ничего не давайте! Мы будем знать, что нам не дает Франция, и мы все умрем спокойно в лагере Ля Куртин. Но для того, чтобы победить 1-ю Куртинскую бригаду для Занкевича и подчиниться его ложным распоряжениям, то этого не будет, так как мы уже потеряли всякую веру в его приказания, а если мы виноваты перед родиной, то мы смело предстанем пред лицом всей России! Пусть судят там нас за наши проступки наши же братья, если мы виноваты!...

Обращение солдат лагеря Ля Куртин к солдатам 3 Особой пехотной бригады, 15 (2) сентября 1917 г. [1]

Товарищи и братья 3 бригады, настал желанный день для наших буржуев и кровопийцев офицеров; они хотят напиться кровью славных защитников родины и свободы.

Товарищи! Вспомните, как мы клали на алтарь свои жертвы, много оставили своих дорогих братьев на бранном поле под Курси, Шампани. Мы знаем, что клали жизнь за свободу родины. Товарищи, а теперь за что будем убивать брат брата? Неужели за то, чтобы помочь проклятым буржуям вернуть старую династию? Нет, товарищи, этого никогда не будет! Мы еще не забыли прошлого их тиранства, их розог и кулаков! Товарищи, наши братья, обдумайте этот шаг, идите к нам и заживем чистой братской любовью. Мы примем вас с открытым сердцем братской любви. Подумайте, ведь они все силы кладут, чтобы стравить нас, чтобы потекла невинная благородная кровь обоих сторон сынов свободной России и храбрых защитников родины! Поверьте они только этого и добиваются, чтобы выйти им из этого положения, которое им грозит карательной экспедицией.

Товарищи, не верьте их приказам! Все ложь! Они послали в Россию телеграмму, что русские войска сложили оружие, не хотят воевать и вот теперь все время требуют, чтобы сложить оружие. Но товарищи, пусть сдохнем с голоду, а оружие не сдадим. Пусть они ответят, как они тиранят 1 и 3 бригады. Товарищи, не бойтесь, мы не дадим ни одного выстрела по вас до тех пор, если вы пойдете на нас, тогда уже польется с обоих сторон невинная кровь братьев! Товарищи, теперь подумайте хорошенько, как мы скажем своим родителям, когда они

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, лл. 62—64.

спросят нас про то все случившееся, что мы должны ответить им? Не заклокочит ли в нас совесть, ведь мы братоубийцы, и что нам скажут родители в ответ; вернее скажут нам, проклятый сын слышал ли ты наш вопль и стоны и голод, который довели буржуазы?[1] Мы, твои родители, отец и мать, братья и сестры боремся за свободу, а ты, проклятый каин, убивал своего брата и давал помощь проклятым буржуазам. Уйди от нас, ты не сын нам, на которого возлагали с твоего детства все надежды, а ты оказался убийца братьев и отца — матери! Так вот, друзья, нам не дают хлеба, пищи для того, чтобы мы сделались врагами вам, но нет это им не поможет! А вас поят до пьяна, чтобы вы упились до безумия и как разъяренные львы бросились на нас! Но друзья, держитесь, не поддавайтесь ихней ловушке, а старайтесь тихо передать это письмо многим, чтобы его поняли! Это письмо написано от всей бригады, и одно не забывайте — братство, пойдемте рука об руку! Привет вам! У нас уже два ранено и один убит!

Из обращения солдат лагеря Де Куртин к французскому коменданту лагеря Ля Куртин, 15 (2) сентября 1917 г.[2]

Согласно полученного нами ответа из французской главной квартиры на нашу телеграмму, в которой французское правительство категорически ответило, что оно не вмешивается в наши дела. Хорошо! Но что же французское правительство смотрит, когда на глазах, в ее стране, идет насилие и траншейная война? Лагерь Ля Куртин окружен войсками ген. Занкевича, где много попадается солдат во французской форме. Это не допустимо! Неужели французское правительство не знает, что в стране происходит такое гнусное преступление? Это позор для страны! Неужели ваше правительство думает, что все пройдет тайно? Это узнает весь свет, и позор для Франции, что она допустила у себя в стране делать гнусное преступление ген. Занкевичу! Что для него нужно? Крови? Уже есть, и вам отправлены уже раненые нашего лагеря, так дайте же ему! Пусть он пьет из ран больного, если для него мало вина, которым он поит до безумия наших русских солдат, позорящих свое имя русского гражданина, которые ведут стрельбу по нашему лагерю, не прекращая с 1 сентября 1917 г. с 3 часов вечера и сейчас не прекращается.

Просим довести вашему правительству до сведения, что если не будет прекращена и убрана эта пьяная шайка русских хулиганов и если не вмешаются французские власти для разбора нашего дела, а русские не прекратят своей стрельбы, то мы завтра с 4-х часов вечера решим судьбу своего отряда! Знайте, что человек не железо, чтобы он подыхал с голода, а на него с злорадством смотрели бы хищные птицы! А потому терпение должно лопнуть, и если они пойдут на нас в наступление, то от 3 бригады не останется и основания. Мы пустим в ход около 300 пулеметов и ружей-пулеметов и 7 траншейных орудий, а за всю эту пролитую кровь придется отвечать французскому правительству. Дабы избежать этой кровопролитной схватки, мы, солдаты, просим и умоляем вас, г. комендант, предотвратить это кровопролитие. Что вам нужно от нас, говорите! Пусть ваше правительство делает свои распоряжения, мы охотно будем говорить с вашим правительством, но не с Занкевичем, т. к. он на каждом шагу обманывает нас! И теперь что же выходит? Вместо соединения, они начинают по нас стрелять! Но теперь, если французское правительство считается только с ген. Занкевичем, который только ведет смуту

[1] Так в подлиннике.
[2] ЦВИА, ф. 46, оп. 1, д. № 82, лл. 55—56.

и возмущение, то знайте, что нас в Куртине около 9 тысяч, и если нас они выведут из терпения, мы с голоду не подохнем, у нас на 20 дней хватит лошадей и мы подымем свое красное знамя и пойдем на дорогу или же ляжем костьми на Куртинских ущельях, но не подчинимся ген. Занкевичу, который пьет нашу кровь вот уже 3 месяца.

Телеграмма ген. Занкевича Керенскому, 16 (3) сентября 1917 г.[1]

1 сентября сосредоточение войск для усмирения мятежных солдат закончилось. В первой линии русские, в составе 5-ти батальонов, из них один артиллерийский, и батареи, за ними французы до 5 тысяч. Сверх того у французов резерв — два полка и батарея. Настроение батальонов 5 и 6 полков несколько колеблющееся. 1 сентября в 15 час. мною и комиссаром передан мятежникам ультиматум, в котором мы приказываем им сложить оружие и подчиниться не позже 10 час. 3 сентября, в противном случае открываем по ним артиллерийский огонь. С утра 2 сентября мятежникам прекращено продовольствие, однако в их распоряжении имеются огороды с картофелем, лошади и кое-какие сбережения от продовольствия последних дней. До настоящего времени мятежники, за исключением около сотни бежавших из лагеря, упорно не желают подчиниться. По всем данным, употребление оружия неизбежно. Приказание правительства об отправке русских войск во Франции в Россию сообщено мятежникам еще 27 августа. Я и комиссар находимся при войсках, призванных для усмирения бунтовщиков.

Занкевич.

Телеграмма ген. Занкевича военному министру Верховскому, 16 (3) сентября 1917 г.[2]

В течение 3 сентября по бунтующим лагеря Ля Куртин нашей батареей было выпущено 18 снарядов; по непроверенным сведениям, 1 убит и 11 ранено; тем не менее мятежники упорно не желают положить оружие, укрываясь в каменных зданиях лагеря, и ведут ружейную и пулеметную перестрелку с нашими цепями. Расчитывать взять мятежников голодом нельзя: помимо 900 лошадей, картофеля на огородах от 30—100 тысяч килограмм, в их распоряжении, повидимому, имеется довольно значительный запас консервов. Между тем длительная операция может расшатать дух наших, только что приведенных в порядок, войск. Эти соображения заставили меня и комиссара придти к решению — завтра 4 сентября обстрелять бунтовщиков сильным артиллерийским огнем. До вечера 3 сентября к нам перебежало только около 160 солдат. Такое малое число объясняется тем, что мятежники закрыли выход из лагеря своими заставами и стреляют по перебежчикам. Применению вооруженной силы предшествовали продолжительные переговоры делегации артиллерийской бригады с бунтовщиками, уговаривали их сдаться. 1 сентября я и комиссар разрешили делегациям от частей нашей дивизии, прибывших под Ля Куртин, попытаться в последний раз склонить бунтовщиков к повиновению, но все эти старания успеха не имели. В первый день прибытия под Ля Куртин в батальонах 5 и 6 полков замечались большие колебания. Теперь дух поднялся и настроение наших войск пока вполне удовлетворительно.

Занкевич.

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 8.
[2] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 82.

Обращение председателя отрядного комитета лагеря Ля Куртин к генералам Занкевичу, Лоховицкому, Беляеву и комиссару Временного правительства Рапп, 17 (4) сентября 1917 г.[1]

Ваши жертвы уже слишком большие. Раненые истекают кровью. Помощи никакой нет. Умирают от отсутствия медицинской помощи. Сколько вы еще хотите? Прекратите стрельбу! Винтовки приходите заберите, или укажите где их сложить. Просим оставить нас в лагере, не выступать никуда. Давайте ответ. Вышлите для переговоров делегатов, или приезжайте кто из вас. Бросьте стрельбу и жертвы!

Глоба.

Из телеграммы ген. Занкевича военному министру Верховскому, 18 (5) сентября 1917 г.[2]

Утром 4 сентября по мятежникам было выпущено нашей батареей тридцать снарядов. Около 11 час. мятежники выкинули белый флаг. Начали группами выходить из лагеря без оружия. К вечеру, по предварительному подсчету, сдавшихся дошло до 7½—8 тысяч. В лагере осталось несколько сот мятежников среди них много главарей. Люди эти с наступлением темноты открыли ружейный и пулеметный огонь по нашим цепям... Завтра утром, в случае дальнейшего упорства, несдавшихся мятежников будут обстреливать сильным артиллерийским и пулеметным огнем. По собранным к вечеру 4 сентября сведениям, среди мятежников 3 убитых и 36 раненых. Потери наших войск 4 раненых.

Занкевич.

Из телеграммы ген. Занкевича военному министру Верховскому, 19 (6) сентября 1917 г.[3]

Сегодня наши артиллеристы выпустили по мятежникам 600 снарядов. К вечеру наши войска постепенно оттесняли мятежников, заняли примерно ⅔ лагеря. Местами доходило до рукопашных боев. Констатированные потери мятежников до вечера 5 сентября — 10 убитых и 44 раненых. Действительно потери должны быть значительно больше. По слухам, в роще у лагеря много трупов мятежников, пытавшихся бежать из лагеря во второй день блокады и расстрелянных собственными пулеметчиками. Потери частей дивизии до вечера 5 сентября — 1 убитый и 3 раненых. За день 5 сентября сдались 49 мятежников. В случае дальнейшего упорства 6 сентября с утра сильный артиллерийский обстрел мятежников будет продолжен. Я и комиссар Рапп по прежнему находимся при войсках.

Занкевич.

Из приказа сводному отряду Ля Куртин 19 (6) сентября 1917 г.[4]

1. Сегодня части вверенного мне отряда заняли лагерь Ля Куртин и очистили его от мятежников. На ночь войскам оставаться в лагерях, занимая возможно меньшее число помещений, дабы не мешать французским властям осматривать лагерь и собирать брошенное мятежниками оружие и имущество. Так как есть возможность предполагать, что некоторое число мятежников укрылось в прилегающих к лагерю рощах, полкам на ночь оцепить: 2 полку — рощи к северу от казарм

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 7, д. № 82, л. 58.
[2] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 83.
[3] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 84.
[4] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 80, л. 26.

1 бригады и штаба дивизии; 5 полку — рощи к северу от казарм 5 и 6 полков и лазарета; 6 полку — рощи к западу от лагеря по обе стороны железной дороги. Выставленному оцеплению войти в связь с соседями.

2. Завтра, 20 сентября, предположено отправление частей по местам прежних стоянок.

3. С 20 час. сегодня сводный отряд считать расформированным.

Генерал-майор Беляев.

Телеграмма ген. Занкевича военному министру Верховскому 20 (7) сентября 1917 г.[1]

С 15 час. 5 сентября до утра 6 сентября сдалось 53 мятежника, в том числе один из главарей солдат Глоба[2]. С утра 6 сентября наши войска были введены в оставшуюся еще незанятой часть лагеря и прилегающую к ней рощу, где было арестовано всего лишь 6 человек. Повидимому, сопротивление вечером 5-го велось лишь несколькими десятками людей, вооруженных пулеметами. Раненых мятежников в лагере не найдено. Точное число убитых будет выяснено по подробном осмотре лагеря и рощи. Число зарегистрированных нами мятежников 8515. Общие потери частей дивизии — 1 убитый и 4 раненых. Таким образом Куртинский бунт ликвидирован нашими войсками без какого-либо активного участия французов.

Занкевич.

Телеграмма ген. Занкевича военному министру Верховскому, 28 (15) сентября 1917 г.[3]

110 солдат Куртинского лагеря, как подлежащие суду, уже приступившему к выполнению своих функций, арестованы. Возможно, что по ходу производящегося дознания будут произведены новые аресты. Из 600 наиболее беспокойных солдат сформированы 2 особые безоружные маршевые роты. Из остальных солдат сформированы особые безоружные маршевые, роты, оставленные в лагере Ла Куртин. Ввиду того, что люди особых маршевых рот признаются состоящими под следствием, по распоряжению комиссара действие правил приказа № 213[4] относительно их временно приостановлено.

Занкевич.

Из описания военных действий отряда восточного сектора, 21—7 сентября (8 сентября — 25 августа) 1917 г.[5]

Ввиду брожения и систематического нарушения дисциплины солдатами 1 Особой пехотной дивизии, оставшимися в лагере Ля Куртин после разделения дивизии 24 июля с. г. на солдат безусловно и условно подчиняющихся всем требованиям Временного правительства, военный министр приказал восстановить порядок самыми решительными мерами, не останавливаясь перед применением вооруженной силы среди солдат, условно подчиняющихся Вр. правительству, т. е. среди солдат, оставшихся после разделения в лагере Ля Куртин. В названном лагере осталось около 9 тыс. солдат.

---

[1] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 86.

[2] Глоба был захвачен силой.

[3] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, л. 89.

[4] По приказу № 213 от 29 (16) апреля 1917 г. в воинских частях разрешалось создавать ротные, полковые, армейские комитеты и дисциплинарные суды.

[5] ЦВИА, ф. 416, оп. 1, д. № 82, лл. 155—157.

Для приведения к повиновению мятежников был назначен сводный полк. Командование сводным полком было возложено на командира 2 Особого пехотного полка, полковника Гатуа. Начальником отряда был назначен нач. 2 Особой артиллерийской бригады ген.-майор Беляев. Кроме того были призваны, в качестве резерва, французские и кавалерийские части на случай возможной атаки со стороны мятежников.

25 августа в распоряжение ген.-майора Беляева были отправлены 2 пулеметных роты 5 и 6 Особых пех. полков. В ночь на 30 августа из лагеря Курно отправились 4 эшелона сводного полка с 2 пулеметными ротами.

...1/14 сентября в 15 час. 20 минут мятежникам был послан приказ о сдаче оружия на указанных местах и о выходе мятежников из лагеря без оружия по указанным направлениям. В случае неисполнения этого приказа применена будет вооруженная сила.

Приказ этот был отвезен в многочисленных экземплярах мятежникам лично подполковником Болбашевским и комендантом лагеря Ля Куртин.

На выполнение изложенных в приказе требований был дан срок до 10 час. утра 3/16 сентября. На приказ этот мятежники ответили прокламациями разнообразного содержания, смысл которых сводился к возбуждению среди массы мятежников дальнейшего неповиновения. Прокламации заключали в себе также ряд инсинуаций по отношению к начальству.

...Ввиду дальнейшего неповиновения мятежников, невзирая на врученный им приказ, 3\(16) сентября был дан залп шрапнелью из 4 орудий по северной части лагеря Ля Куртин. После чего был сделан перерыв до 15 часов. В течение этого перерыва подходившие к отряду в разных местах и пытавшиеся вести свою пропаганду, в целях склонения на свою сторону солдат, мятежники задерживались и отправлялись в тыл. Замечались также попытки и со стороны нестроевых солдат отряда, т. е. фельдшеров, санитаров и т. д., вести пропаганду среди отряда, возбуждая его к отказу применить против мятежников оружие.

По рассказам задержанных мятежников, в лагере во время первого обстрела было ранено около 30 человек. Несмотря на это, мятежники не только не изъявили покорности, но наоборот открыли пулеметный и ружейный огонь по отряду. Также ими была выпущена прокламация, в которой говорилось, что обстрела больше не будет, а первый обстрел только запугивание со стороны начальства. После перерыва артиллерия снова открыла редкий огонь одиночными выстрелами по лагерю, продолжавшийся до вечера.

Начиная с 10 час. утра (4/17 сентября) положено было открыть сильный артиллерийский огонь как шрапнелью, так и гранатами, что произвело сильное впечатление на мятежников, среди которых произошел раскол. Одна часть настаивала на сдаче и сложении оружия и выходе из лагеря, другая же часть, состоявшая преимущественно из пулеметчиков, решила продолжать сопротивление и выставила в оцепление лагеря 5 рот с пулеметами, которые расстреливали перебежчиков. В 12 час. дня был сделан перерыв и было решено в 3 часа дня открыть сильный обстрел лагеря как артиллерией, так и ружейным и пулеметным огнем, о чем было доведено до сведения мятежников.

В 14 час. 4/17 сентября от мятежников явился уполномоченный и просил отсрочить обстрел ввиду того, что у них будет собрание по поводу сдачи, а также просил указать место для сдачи оружия и пункты, куда направляться сдавшимся. Такая просьба была категорически отклонена и уполномоченный уехал. Вскоре после этого нача-

лась массовая сдача мятежников. Через восточный сектор до 6 час. вечера прошло до 3 500 сдавшихся мятежников.

В лагере остались преимущественно пулеметчики, а также главари мятежников, которые выставили пулеметы в окнах казарм и в кустарниках; открыли интенсивный огонь по отряду в ночь на 5 сентября, который продолжался и весь день 5 того же сентября. Был также открыт и сильный ружейный огонь. Предполагалось, что в лагере находится до 500 мятежников-солдат при 48 пулеметах. Ими был занят весь лагерь Ля Куртин.

Ввиду незначительного действия артиллерийского огня, возобновленного после массовой сдачи, вследствие громадной площади лагеря и рассеянности оставшейся части мятежников, было решено произвести атаку пехотными частями восточного сектора. 5 сентября вечером были очищены и заняты кавалерийские казармы, причем мятежники бросали даже ручные гранаты. Утром же 6 сентября были очищены и заняты казармы 1 Особой пех. бригады, после чего мятежники сосредоточились, главным образом, в офицерском собрании, а также в казармах 3 Особой пех. бригады и офицерских квартирах, продолжая сильный ружейный и пулеметный огонь по отряду.

В 10 час. утра того же 6 сентября артиллерией был открыт сильнейший гранатный огонь по помещениям, занятым мятежниками, сосредоточившийся по преимуществу на офицерском собрании, где, судя по рассказам сдавшихся, находились главари восстания с наиболее преданными им людьми. После чего огонь был перенесен на казармы 3 Особой пех. бригады и на Крестовоздвиженский госпиталь, а собрание было атаковано 2 Особым пех. полком. Мятежники оказали отчаянное сопротивление, открыв стрельбу из револьверов и, бросая гранаты, бежали сначала в офицерские квартиры, а оттуда в казармы 3 Особой пех. бригады. Мятежников было убито 8 человек, 2 Особый пех. полк потерял одного солдата, убитым из револьвера каким то подпрапорщиком 1 Особого пех. полка. К вечеру 6 сентября были заняты: офицерское собрание, офицерские квартиры и помещения штаба дивизии.

Утром 7 сентября 6 Особый пех. полк занял помещения у железной дороги, а 5 Особый пех. полк спустился с горы и занял опушки лесов, окружавших лагерь с северной стороны. Мятежники укрылись в подвалах помещений 3 Особой пех. бригады, а также рассеялись в окружных лесах. После этого мятежники были взяты небольшими кучками и к 11 часам дня была закончена очистка лагеря Ля Куртин от мятежников...

Полковник Гатуа.

Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 г.

Новороссийское вооруженное восстание в декабре 1905 г., подготовленное упорной работой большевиков, вошло в историю первой революции, как большое историческое событие. Большевики Новороссийска, руководствуясь указаниями Ленина и Сталина, изо дня в день готовили рабочих к вооруженной борьбе и этим прежде всего объясняется тот факт, что выступление рабочих Новороссийска совпало с декабрьским вооруженным восстанием московского пролетариата.

Новороссийский пролетариат под руководством большевиков с самого начала революции 1905 г. вел активную революционную борьбу против царизма. Эта борьба приобрела особую остроту в октябре 1905 г. 18 октября т. е. на другой день после опубликования пресловутого царского манифеста о «свободах», новороссийские рабочие по призыву большевиков выступили с внушительным протестом против этой царской «милости». 18 октября в знак протеста состоялся многолюдный митинг новороссийских рабочих под лозунгом «Долой самодержавие, да здравствует демократическая республика, да здравствует 8-часовой рабочий день». На этом митинге рабочие приняли единодушное решение бороться до полной победы. Кроме того было решено создать Совет рабочих депутатов.

20 ноября забастовали портовые рабочие гор. Новороссийска и потребовали уничтожения артелей и введения 8-ми часового рабочего дня. К ним примкнули все артельные рабочие, которые в свою очередь предъявили предпринимателям требование об уплате им 140 тысяч рублей за нарушение условий — допущение поденных рабочих.

Ноябрьские события в Петрограде, Севастополе и др. городах вызвали новую революционную волну среди рабочих Новороссийска.

22 ноября под руководством большевиков была устроена грандиозная демонстрация рабочих. Впереди демонстрации шла вооруженная рабочая дружина с ружьями и револьверами; демонстранты несли красные флаги и транспаранты с надписями: «Смерть тиранам», «8-мичасовой рабочий день», «Долой самодержавие» и, в виде трофея, отобранные у городовых шашки.

7 декабря 1905 г. по получении из Москвы сообщения о всеобщей политической стачке немедленно была прекращена работа в железнодорожных мастерских, в порту и на цементных заводах.

8 декабря объявлена была по призыву Новороссийского комитета большевиков всеобщая политическая стачка, рабочие железнодорожных мастерских, порта, цементных заводов приступили к выборам членов в Совет рабочих депутатов. В состав Новороссийского Совета было избрано 72 члена из них 58 с.-д. большевиков.

Совет рабочих депутатов на своем первом пленарном заседании 9 декабря избрал президиум Исполнительного комитета, куда вошли почти все большевики. На цементных заводах были созданы подрайонные большевистские комитеты.

Совет рабочих депутатов взял власть в свои руки. Учреждены были отделы Совета, конфискованы все типографии, запрещен выпуск буржуазных газет и т. д.

Совет рабочих депутатов постановил запретить уплату податей и в своих воззваниях призывал население к вооруженной борьбе с царскими войсками и казаками, присланными на подавление восставших.

В состав организованной Советом боевой дружины входило до 3 000 человек рабочих и солдат. Дружинники были вооружены револьверами, винтовками и бомбами, разбиты на сотни, десятки и пятки, были выделены свои красные командиры.

Большое внимание Совет уделял вопросу приобретения оружия. С этой целью были организованы тройки по разоружению полиции.

12 декабря местные власти во главе с губернатором бежали из города под охраной 2-й сотни Урупского казачьего полка. В городе развернулась упорная вооруженная борьба. Вооруженные рабочие разбили Урупский полк и жандармерию. Новороссийским комитетом большевиков и Советом был сформирован лазарет, созданы санитарные дружины для оказания помощи раненым.

Несмотря на боевую обстановку Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов вел кипучую работу, принимал заявления, жалобы. Для борьбы с контрреволюцией была создана чрезвычайная тройка, которая подвергала аресту всех лиц, замеченных в контрреволюционной агитации.

12 декабря 1905 г. Совет рабочих депутатов вынес постановление о прекращении деятельности царских учреждений — суда, казенной палаты и о передаче всех дел Совету. Все типографии Новороссийска получили письменное распоряжение от исполкома Совета рабочих депутатов о том, что типографские работы должны производиться только по разрешению Исполкома, распоряжения же губернатора аннулировались. Таким образом, Новороссийский Совет рабочих депутатов в течение нескольких дней был полным хозяином города. Им была проделана громадная работа по воспитанию масс в духе непримиримой борьбы с контрреволюцией.

25 декабря царское правительство начинает стягивать в Новороссийск воинские силы для подавления революционного движения. В Новороссийск был послан броненосец «Ростислав» и четыре кавалерийских казачьих полка.

Новороссийское вооруженное восстание так же, как и московское, в силу ряда причин было жестоко подавлено, однако, несмотря на поражение, революция 1905 г. дала величайшее революционное воспитание рабочему классу.

«Действительное воспитание масс,— писал В. И. Ленин,— никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» [1].

Меньшевистские предатели, эти проповедники «тактики скрещенных рук», охарактеризовали вооруженную борьбу пролетариата, как «бунт одичалых масс». (Аксельрод).

Только большевики, смело критикуя слабости и ошибки декабрьских дней, вели пролетариат к полной победе.

«Пролетариат не побежден,— писал тов. Сталин в 1906 г. в брошюре «Две схватки»,— а отступил на время и теперь он готовится для новой славной схватки».

Героизм новороссийских рабочих и особенно московских рабочих Красной Пресни в декабре 1905 г. показал трудящимся всех стран образцы революционной борьбы.

В. И. Ленин 26 декабря 1918 г. писал рабочим Красной Пресни:

«Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок... До вооруженного восстания в декабре 1905 года, народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплоататорами. После декабря

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XIX, стр. 347.

это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...[1]

Публикуемые документы о вооруженном восстании в Новороссийске иллюстрируют борьбу русских рабочих в период первой революции и являются дополнением к материалам, опубликованным уже по данному вопросу.

Документы подготовлены к печати т.т. Е. Л. Каменской и М. А. Сыромятниковой.

И. Мартынов.

Письмо и. д. черноморского губернатора наказному атаману Кубанско-казачьего войска, 12 декабря 1905 г.[2]

Положение безвыходное, 4-я сотня Урупского полка деморализована. В виду таких обстоятельств настроение других двух сотен неопределенное. В городе учреждается временное правительство[3]. В таких обстоятельствах я с другими служащими, предназначенными к аресту, сдался под охрану казаков. Прошу подкреплений под начальством генерала, которому я мог бы передать всю власть и восстановление порядка. Это единственный исход.

Березников.

Рапорт начальника Новороссийского гарнизона и. д. черноморского губернатора, 12 декабря 1905 г.[4]

Для охранения казначейства, Государственного банка и почтово-телеграфной конторы у меня нет людей, почему ходатайствую о возможно скорейшем вызове сотни пластунов, так как усиленные наряды, делаемые согласно требования вашего превосходительства, уже вызывают ропот у людей, и, если в дальнейшем будем итти этим путем, то, не охранив ничего, сыграем лишь в руку революционеров, дав им тот материал, который при других условиях остался бы верен правительству.

Начальник гарнизона подполковник Григорович.

Отношение и. д. черноморского губернатора наказному атаману Кубанского казачьего войска, 15 декабря 1905 г.[5]

В данное время положение следующее: город находится во власти революционеров, числом около 6 тысяч, собирающихся под предводительством своих главарей в Народном доме и 2-м Общественном собрании; на вооружении у них состоит около 250 винтовок, 700 револьверов и 20 бомб. Наличных трех сотен недостаточно, как по малому составу сотен, так и потому, что возможно, что на предложение сдать оружие они ответят отказом и тогда придется выбивать революционеров штурмом из каменных зданий, что повлечет за собою излишние

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 451.
[2] Государственный Архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), ф. 83, д. № 2, л. 1.
[3] Речь идет о Новороссийске, где с 8 декабря началась всеобщая политическая забастовка и происходили выборы в Совет рабочих депутатов. Воззвания Совета рабочих депутатов гор. Новороссийска опубликованы в «Пролетарской Революции» № 11 (23) за 1923 г., стр. 171—180.
[4] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 3 об.
[5] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 4.

потери в казаках. Во избежание этих затруднений, я прошу вашего распоряжения об экстренном командировании в г. Новороссийск двух орудий и двух сотен пластунов из числа повинующихся, так как 15 пластунский батальон, видимо, находится в волнении, ибо он отказался итти на Батум, как об этом мне донес командир батальона от 14 сего декабря.

Помещение для просимого войска будет отведено в здании гимназии.

Необходимо было бы введение военного положения, что невозможно без приезда генерал-майора Бабича[1]. Не признаете ли возможным прислать просимую помощь железной дорогой, принудив ее силой, взяв на поезд заложников.

Положение Новороссийска крайне серьезное. Горожане обложены поборами и производится реквизиция. Выезд из Новороссийска может быть только случайный, ибо железная дорога в руках революционеров. При неприсылке подкреплений возможно, что придется урупцам с администрациею отступать.

Все сказанное установлено совещанием с г. г. военными и жандармскою властью при ближайшем участии моем и войскового старшины Котрохова.

А. Березников.
Котрохов.

Отношение и. д. черноморского губернатора главному командиру Черноморского флота и портов Черного моря, 15 декабря 1905 г.[2]

Город Новороссийск во власти революционной партии. Прошу ваше превосходительство немедля прислать военное судно для подавления революционного движения.

Управляющий губернией вице-губернатор Березников.

Отношение и. д. черноморского губернатора командующему войсками Кубанской области, 16 декабря 1905 г.[3]

Считаю, что отбытие из Новороссийска войскового старшины Котрохова, на ком только и держится военная организация,— это начало окончательного торжества революционной партии, которая собирается объявить свое военное положение, и, несомненно, будет вешать всех, которые преданы царю и законному порядку. Словом отъезд из Новороссийска войскового старшины Котрохова мыслим лишь в случае замены его другим присланным вами высшим лицом. Повторяю, что Новороссийску необходимо военное положение, а ввести его без вашего содействия нельзя.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Думаю, что торжество революционной партии в Новороссийске несомненно отразится подобным же торжеством и в других соседних местностях.

Положение во всех отношениях крайне опасное.

Березников.

Войсковой старшина Котрохов подтвердит, что военное положение — единственный исход.

А. Березников.

---

[1] Бабич М. П.— старший помощник командующего войсками Кубанской обл. и наказного атамана Кубанского казачьего войска.

[2] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 1 об.

[3] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 2 об.

Отношение исполняющего должность черноморского губернатора наказному атаману Кубанского казачьего войска, 19 декабря 1905 г.[1]

Уведомляю ваше превосходительство, что с самовольным уходом из Новороссийска 6-й сотни и более половины 4-й сотни Урупского полка положение дел, само собой разумеется, крайне ухудшилось.

Нам пришлось стянуться в одно из вокзальных зданий, куда я, для безопасности, вынужден был перевести из Государственного банка государственные ценности. Наличных сил нехватает, тем более, что Комитет рабочих депутатов, фактически овладевший властью в городе, печатно объявил, что в случае репрессии он начнет партизанскую войну и этому можно поверить, ибо партизанская война для нападающих (многочисленная революционная боевая дружина) очень легка, а для нас и обывателей опасна, в частности же для войск утомительна, и борьба с ней при наличных силах положительно невозможна.

В таких крайних обстоятельствах я вновь обращаюсь к вашему превосходительству за помощью, о которой я вас просил в письме за общим подписом войскового старшины Котрохова и моим, и вновь прошу о присылке, под начальством генерала, 2 орудий и 2 сотен надежных пластунов, без чего невозможно водворить в Новороссийске законный порядок. Означенное мнение мое в полной мере разделяется всеми представителями как военной, так и гражданской власти, находящимися в полном смысле в действительно осадном положении.

Если вы нас не поддержите, то мы вынуждены будем отступить в пределы Кубанской области, бросив город на произвол революционеров.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Рапорт новороссийского уездного воинского начальника вр. и. д. черноморского губернатора, 19 декабря 1905 г.[2]

Рапортом секретным от 12 декабря сего года я донес вашему превосходительству, что сил у меня для охранения казначейства, банка и почтово-телеграфной конторы нет. В виду больших ценностей в Государственном банке, благоволите сделать распоряжение, чтобы они были снесены под охрану во вверенное мне Управление или же сданы во 2-ю сотню, при которой находитесь и вы. Доношу в то же время, что у здания старого адмиралтейства находится человек 300 вооруженных людей, цель которых едва ли будет, чтобы только постоять у адмиралтейства.

Воинский начальник подполковник Григорович.

Отношение и. д. черноморского губернатора начальнику Новороссийского гарнизона, 20 декабря 1905 г.[3]

Государственные ценности мной из Государственного банка взяты, в банке остались ценности, принадлежащие частным лицам, и небольшая сумма, принадлежащая государству. Поэтому и в виду появления вчера в банке агитаторов, приглашавших выдать оружие, предлагаю вам усилить караул в Государственном банке, за счет имеющихся у вас, по моим сведениям, воинских чинов, в общей сложности, до 200 человек. Затем считаю, что всякая ответственность за целость кассы лежит и будет лежать всецело на вашем высокоблагородии.

---

[1] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 7.
[2] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 4.
[3] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 4 об.

Независимо от сего, предполагая писать на высочайшее имя всеподданнейший рапорт, в коем мне придется коснуться численности войсковых частей гарнизона, прошу представить мне подробный расчет вверенным вам частям с столь же подробным указанием необходимого ежегодного расхода.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Рапорт начальника Новороссийского гарнизона и. д. черноморского губернатора, 20 декабря 1905 г.[1]

Как в ряде рапортов вашему превосходительству, так и в личных докладах вашему превосходительству, я доносил и доношу, что у меня нет людей для одновременного охранения казначейства, почтово-телеграфной конторы и Государственного банка. О крайне слабом составе вверенного мне гарнизона известно его сиятельству главнокомандующему войсками Кавказского военного округа, и мне предписано охранять только казначейство, и то не выставляя суточных караулов и постов. Теперь же как я выпустил запасных из местной команды 45 человек и из роты около 40 человек, обессилив себя на 85 человек, вы, ваше превосходительство, настойчиво грозя мне ответственностью, требуете усиленные караулы. Конечно, бумага все терпит, но я не могу вести команды к разложению и невозможное останется невозможным. Лично, чтобы сохранить силы солдата, я могу и хожу сам ночью в патруль, но из одного солдата сделать двух я не в состоянии как бы ни были грозны наказы и приказы.

Начальник гарнизона подполковник Григорович.

Телеграмма и. д. черноморского губернатора командующему войсками Одесского военного округа, 21 декабря 1905 г.[2]

Новороссийск во власти революционеров. Помощи ни откуда нет. Прошу прислать батальон и взвод артиллерии.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Объявление Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов г. Новороссийска, 21 декабря 1905 г.[3]

К сведению г.г. управляющих типографиями. Сообщаем вам постановление Совета рабочих депутатов по поводу работы в типографиях: «В виду настоящего революционного времени, для предупреждения печатания правительственных объявлений и черносотенных воззваний и статей, типографии обязуются печатать только заказы, разрешенные Исполнительным комитетом СРД. Согласно постановлению СРД Исполнительный комитет предлагает г.г. управляющим доставлять на просмотр Исполнительному комитету все поступившие в печать статьи, объявления и воззвания».

Письмо Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов гор. Новороссийска Гурийскому социал-демократическому комитету, [декабрь 1905 г.][4]

Новороссийский с.-д. комитет боевой дружины обращается с предложением к Гурийскому с.-д. комитету. В виду того, что в Новорос-

---

[1] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, лл. 5—6 об.
[2] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 8.
[3] ЦАР, ф. 393, оп. 1, д. № 19, л. 135.
[4] ЦАР, ф. 393, оп. 1, д. № 19, л. 403/б.
Воспроизведено с рукописного подлинника с оттисками печати трех организаций: «Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов г. Новороссийска», «Новороссийский комитет боевой дружины», «Черноморский комитет Северо-Кавказского союза РСДРП».

сийске предвидится схватка с реакционным правительством, для борьбы с которым требуется вооруженная сила, мы посылаем одного товарища Илью Кирилловича Калантадзе с просьбой выдать ему сколько возможно бомб.

Отношение и. д. черноморского губернатора главному командиру Черноморского флота, 22 декабря 1905 г.[1]

Революционеры под прикрытием боевой дружины, силою около 300 человек, вооруженных ружьями, и около 700 человек, вооруженных револьверами, захватили город Новороссийск в свои руки, обложив жителей разного рода принудительными поборами, и принудили чинов местной администрации прекратить свою деятельность, выбрали свое правительство, действуют по-диктаторски. Я принужден был укрыться в месте расположения казачьей сотни. В начале в городе было три сотни казаков, но из них две, под влиянием агитации, самовольно покинули город. Приходится сидеть в осадном положении; помощь возможна была только из Екатеринодара, но вследствие беспорядков в казачьих полках, а также беспорядка в г. Екатеринодаре, на таковую рассчитывать нельзя. Положение в полном смысле отчаянное, которое вызовет позорное отступление и полную сдачу города революционерам. Не откажите в оказании немедленной помощи присылкой одного батальона пехоты со взводом артиллерии. Не обращаюсь к командующему войсками, ибо время не терпит, время хуже военного. Необходима присылка вами с войсками энергичного лица, который объединил бы действия казаков, пехоты и артиллерии. Желательно, чтобы это лицо имело старшинство с 1903 г., ибо местный начальник гарнизона подполковник с 1904 года.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Отношение и. д. черноморского губернатора начальнику Кубанской области, 29 декабря 1905 г.[2]

Начальник Сочинского округа штабс-капитан Розалион Сошальский, через Туапсе, ибо правительственный и индоевропейский телеграфы в Сочинском районе испорчены, телеграфирует следующее: «Сочи во власти революционеров. Идет перестрелка остатков стражи. Есть раненые и убитые. Необходима экстренная помощь». Затем начальник Туапсинского округа подполковник Циклауров телеграфирует: «Получаю частные слухи о безнадежном положении в Сочи. Прошу экстренно выслать в Сочи войска. В Туапсе крайне неблагополучно. Необходимо подкреплений, хотя бы пятьдесят казаков».

Уделить для Сочи и Туапсе часть войск, находящихся в Новороссийске, вр. генерал-губернатор признает совершенно невозможным.

Посему обращаюсь к вашему превосходительству с просьбой прислать войска, а если это невозможно, то от себя срочно телеграфировать наместнику о необходимости присылки воинских частей из какого бы то ни было военного округа.

В заключение считаю нужным заметить, что по мнению генерал-майора Пржевальского[3] и моему, Туапсинский и Сочинский округа, вследствие трудности сообщения с Новороссийском, придется объявить на военном положении с назначением самостоятельного начальника.

Войска из Кубанской области, казалось бы, ближе направлять на

---

[1] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 8 об.

[2] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 9.

[3] Пржевальский В. А.— командир конно-артиллерийской бригады Кубано-казачьего войска в Екатеринодаре.

Сочи и Туапсе чрез г. Майкоп, по шоссе, ведущему на Туапсе тем более, что пароходное сообщение прекращено и высадка в зимнее время затруднительна и не всегда возможна. По недостатку фуража и крайне пересеченной местности полагал бы более удобным послать не казаков, а человек 400 пехоты при достаточном числе офицеров и, если возможно, взвод артиллерии.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Отношение и. д. черноморского губернатора начальнику Кубанской области, 29 декабря 1905 г.[1]

В дополнение к отношению за № 788, которое взял на себя труд доставить вашему превосходительству г. прокурор Екатеринодарского окружного суда, уведомляю, что положение дела в Туапсе крайне неблагополучное, а в Сочи и в Сочинском округе отчаянное.

В виду сего прошу дополнительного распоряжения об объявлении на военном положении всей губернии. При этом, вследствие трудности сообщения и дальности расстояния, его превосходительство генерал-майор Пржевальский считает целесообразным, подобно тому, как это сделано и в других местностях, напр. в Тифлисской губернии, разбить Черноморскую губернию на два генерал-губернаторства, назначив туапсинским и сочинским генерал-губернатором старшего начальника воинской части, которая по сейчас мною полученной телеграмме, идет сюда из Одесского военного округа и прибудет, можно ожидать, сегодня или завтра.

Чтобы не задерживать выручки юга губернии, прошу срочного, срочной телеграммой, распоряжения вашего превосходительства.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Отношение и. д. черноморского губернатора начальнику десантного отряда Одесского военного округа, 30 декабря 1905 г.[2]

На основании п. 5 приложения к ст. 316 (примеч. 2) обращаюсь к вашему высокоблагородию с просьбой о посылке в Туапсе и Сочи воинских частей, ибо посаду Туапсе грозит мятеж, а в Сочи идет вооруженное восстание; войск там нет, положение крайнее, необходимы самые экстренные меры.

И. д. черноморского губернатора вице-губернатор Березников.

Из записки заведующего полицией на Кавказе министру внутренних дел, 30 января 1906 г.[3]

...Революционное движение в Черноморской губернии характеризуется, главным образом, необычным в других, помимо городов Новороссийска и Екатеринодара, местностях бездействием полиции и войсковых казачьих частей в деле подавления мятежа. В Новороссийске 8 декабря была объявлена «мертвая» забастовка. С этого же дня в распоряжении местных революционных организаций находился отряд в 80 человек, вооруженных берданками, и 400 человек, вооруженных револьверами; были также вооруженные копьями, изготовленными на цементном заводе. Оружие добывалось грабежом и, кроме того, на заграничном пароходе для Новороссийска было доставлено около 1000 ружей. Городским самоуправлением также была сформирована особая охранная стража из 120 человек, присоединившихся впоследствии к мятежникам. Из войсковых частей гарнизона — 17 пластунский батальон и 2-я сотня 2 Урупского полка были настолько рас-

[1] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 9 об.
[2] ГАФКЭ, ф. 83, д. № 2, л. 10.
[3] ЦАР, ф. № 102, оп. 5, д. № 2080, лл. 56—59.

пропагандированы, что пластуны отказались итти в Батум, куда им назначено было выступить в самом начале декабря и уже 12 декабря отправились вместо Батума в Екатеринодар, а казаки 4-ой и 6-ой сотен Урупского полка отказывались, даже после объявления в городе чрезвычайной охраны, разгонять митинги и задерживать виновных. Полиция без войск совершенно бездействовала. 10 декабря в Новороссийск прибыли 30 делегатов, на совещании которых было решено арестовать в ночь на 13 число и. д. губернатора, вице-губернатора Березникова, полицеймейстера, жандармского ротмистра Давыдова, захватить кассу Государственного банка и объявить временное правительство. 12 декабря караул из 12-ти казаков от 4-й сотни, охранявший и. д. губернатора, отказался нести свои обязанности по охране. Положение становилось безвыходным. Однако, ротмистр Давыдов не растерялся. Вытребовав взвод казаков от недавно пришедшей из станиц и пока надежной 2-й сотни Урупского полка, ротмистр Давыдов лично довез и. д. губернатора до стоянки этой сотни, куда была доставлена также и касса Государственного банка с двумя миллионами рублей. 15 декабря город был объявлен на положении чрезвычайной охраны, а на рассвете 18 декабря 4-я и 6-я сотни Урупского полка самовольно покинули город. Осталась одна 2-я сотня.

Между тем, в городе сформировался Совет рабочих депутатов, из 70 человек, выделивший Исполнительный комитет... Совет рабочих заседал ежедневно и, при помощи своей боевой дружины, захватил всю жизнь города в свои руки. Всем правительственным учреждениям было приказано прекратить занятия. Даже канцелярия губернатора закрылась, так как не было охраны. По предложению Совета рабочих, городская дума учредила особую комиссию, при участии членов Исполнительного комитета. Комиссия эта обложила налогом каждого обывателя и распределила собранные деньги между забастовавшими рабочими. Исполнительный же комитет учредил народный суд, издавал обязательные постановления, таксировал продукты, подчинил себе типографии и закрыл газету «Черноморское побережье» за статью против забастовки. Словом, город был совершенно в руках Совета рабочих и Исполнительного комитета, личный состав коих властям известен. 24 декабря прибыл броненосец «Ростислав», а 25 декабря временный генерал-губернатор генерал-майор Пржевальский, и порядок в городе был восстановлен. В течение января производились в городе усиленные аресты и обыски; крупных революционных явлений за этот промежуток не наблюдалось.

Мятеж в Новороссийске отразился в губернии и более всего в мест. Сочи, где 28—31 декабря мятежники обстреливали гарнизон, пока 1 января не прибыла военная помощь из Батума. В начале наместником его императорского величества на Кавказе был командирован для расследования в мест. Сочи чиновник для особых при наместнике поручений действительный статский советник Осецкий, согласно донесению которого, мятежные действия населения были вызваны агитацией пришлого элемента, бежавшего с юга России на побережье после разгрома войсками в Ростове и на минеральных группах революционеров.

Так же как и в Новороссийске, в городе Екатеринодаре и других городах Кубанской области революционное движение разрослось и окрепло почти исключительно по причине бездействия полиции и войск. Дело в том, что с 8 декабря, для объявления всеобщей политической забастовки, митинги, устраивавшиеся после 17 октября, обратились в грандиозные народные сборища, на которых население открыто призывалось к борьбе и восстанию. Такое положение вещей продолжалось и после 10 декабря, когда, в целях изъять железную

дорогу из рук забастовщиков, станции Кавказская, Тихорецкая и Екатеринодар, а также и город Майкоп, были объявлены на положении усиленной охраны. Последняя не достигла цели, вследствие начавшегося сильного брожения в частях, преимущественно казачьего войска. 17 пластунский батальон, предназначенный к отправке в Батум, отказался итти туда, выругал и выгнал командира батальона и не внял убеждениям самого наказного атамана. 14 батальон пластунов, предназначенный на станцию Евлах, Елисаветпольской губернии, самовольно ушел в Майкоп, место постоянной стоянки. В Екатеринодаре забастовал 252 резервный Анапский батальон, в Армавире забастовали запасный кадровый дивизион и Лабинская местная команда. Наконец, 17 декабря пять сотен 2 Урупского полка самовольно ушли в Моздок, несмотря на долгие внушения генерал-лейтенанта Одинцова.

При таких условиях, когда в городе верным присяге остался лишь 13 пластунский батальон, положение вещей было критическое; власти обречены были на бездействие, уличные скопища не рассеивались и обязательные постановления обращались в фикцию. 21 декабря громадная толпа демонстрантов направилась к казармам Анапского батальона, с целью убедить солдат примкнуть к ним. Однако, Анапский батальон, когда дело, таким образом, осложнилось, взял ружья на перевес и потребовал, чтобы демонстранты к ним не приближались. Толпа повернула и разошлась. В этот день прибыли в Екатеринодар набранные войсковым начальством из окружающих город станиц 4 сотни казаков приготовительного разряда. Революционеры, не подозревая об этом, снова собрались устроить шествие 22 декабря, но были неожиданно встречены залпами молодых казаков и моментально рассеялись, оставив 8 раненых. Скопища и митинги прекратились, но 27 декабря в патруль на Соборной площади полетели камни; офицер велел дать залп, в результате которого оказалось четверо раненых, один смертельно. С этого дня в городе начало восстанавливаться спокойствие, которое в течение января уже не было нарушено какими-либо выдающимися революционными фактами. В январе произведены усиленные аресты и обыски в Екатеринодаре и других крупных центрах Кубанской области...

Генерал-лейтенант Ширинкин.

Из обвинительного акта по делу о восстании в Новороссийске в 1905 году (составлен 14 декабря 1907 г.).[1]

Утром 18 октября 1905 г. в г. Новороссийске стало известно о высочайшем манифесте 17 октября. Весть об этом быстро облетела город и в тот же день громадная толпа людей, главным образом, учащейся молодежи, которыми руководили учителя местной гимназии, с красными флагами, на которых виднелись надписи «Долой самодержавие», «Да здравствует восьмичасовой рабочий труд» и пением марсельезы двинулись из города по Серебряковской улице на «Стандарт» — к мастерским Владикавказской жел. дор. Здесь, на улице, возле товарной конторы состоялся под открытым небом первый митинг, на котором социал-демократы выступили с речами противоправительственного содержания. Оратор в своей речи, цитируя высочайший манифест, умышленно искажал смысл последнего, убеждая вместе с тем толпу продолжать борьбу с правительством, которое обманывает народ, так

[1] ЦАР, ф. 393, оп. 1, д. № 1, лл. 2—48. Дело разбиралось военным судом три раза, т. к. с нарастанием реакции приговоры не удовлетворяли правительство, и только последний суд, состоявшийся 11 марта 1910 г., оказался приемлемым, т. к. он приговорил ряд активных участников восстания к смертной казни и каторге (Приговор см. «Пролетарская революция» № 11 (29) за 1923 г.).

как только упорной борьбой возможно будет добиться прав, дарованных манифестом. Речь свою [оратор] закончил возгласом: «Долой самодержавие», после чего публика стала расходиться.

Часов в семь вечера, того же дня, на Серебряковской улице снова собралась толпа, которая направилась к Народному дому, где состоялся митинг. Первую речь произнес городской голова Никулин[1]. С этого момента почти ежедневно происходили митинги, то в Народном доме, то в городской управе, на которых ораторами выступали, большею частью, представители крайних партий. Все речи сводились к тому, что не следует признавать властей и что необходимо добиться полной свободы.

В двадцатых числах октября на митингах в разных частях города представителями крайних партий было сделано предложение об организации народной милиции, а вскоре на митинге в городской управе было предложено желающим записываться в вольную городскую милицию, а равно начался сбор на вооружение ее. В то же самое время городская управа решила организовать свою городскую охрану. На основании частного совещания гласных Новороссийской думы, избранная гласными комиссия по организации городской охраны постановила: оружие и патроны для стражников приобрести в городе Екатеринодаре, с этой целью немедленно командировать членов комиссии, выдав им для уплаты задатка из городских сумм 150 рублей; кроме револьверов решено купить также кобуры, шнуры и пояса. Городская управа уже с 27 октября начинает покупать у местных торговцев Бабицкого, Смовленева, Анастасьевой револьверы с патронами, а 4 ноября 1905 года даже состоялось постановление, подписанное городским головой о том, чтобы немедленно приобрести сто револьверов с патронами для вооружения стражников городской охраны; пригласить теперь же на службу в охрану как добровольцев, так и платных стражников; поручить заведывающему охраной ознакомить стражников с их обязанностями, а также правилами стрельбы из револьверов, и заказать стражникам на фуражки 120 белых лент с надписью «Городская № охрана»...

Первое время городская охрана доходила до 80 человек и действовала согласно с полицией, а потом стала относиться к ней враждебно и действовала совершенно самостоятельно. Бывали даже случаи, когда охранники выселяли из города лиц, которых они считали черносотенцами. После учреждения милиции и городской охраны полиция стала фактически бездействовать и охрана города всецело перешла в руки милиционеров и охранной стражи, которые слились настолько, что в конце ноября, во время шествия по улицам демонстрантов с красными флагами, на которых были надписи «Долой самодержавие», городская стража и милиция охраняли демонстрантов, снимали с постов городовых, отнимали у них револьверы, которые сдавали в городскую управу и принуждали городовых примкнуть к этой демонстрации, обещая прибавить им содержание и говоря: «теперь полиция и войска наши».

Помимо города, митинги, вскоре после объявления высочайшего манифеста, стали происходить на старом и новом цементных заводах, где ораторами выступали представители революционных партий, ко-

[1] Нарастание революционного настроения широких народных масс в Новороссийске осенью 1905 г. вылилось в вооруженное восстание и захват власти Советом рабочих депутатов. Преобладающее влияние в Совете принадлежало рабочим социал-демократам, которые шли под лозунгами большевизма. Руководство Совета охватывало широкие слои демократии и подчиняло революционной власти некоторые элементы либеральной интеллигенции, которые вынуждены были принимать революционные лозунги под натиском революционно-настроенных масс.

торые, произнося противоправительственные речи, убеждали слушателей в необходимости свергнуть самодержавие и созвать учредительное собрание. Такого рода речи повели к тому, что в первых числах декабря 1905 года на старом цементном заводе открыто появилась боевая дружина, состоявшая из рабочих завода и вооруженная револьверами и ружьями, отобранными у населения, и пиками, сделанными там же на заводе. В то же время в городе ежедневно происходили митинги и собрания, где открыто проповедывалась ораторами борьба с правительством, свержение монархии и введение вместо нее демократической республики.

С половины ноября комитеты крайних партий стали функционировать почти совершенно открыто и вести энергичную организацию рабочих союзов. В этот же промежуток времени ими было выпущено несколько тысяч прокламаций, призывавших население к свержению монархии и к вооруженной борьбе с правительственной властью, а казаков и солдат к соединению для этой борьбы с народом. 15 ноября началась почтово-телеграфная забастовка.

В том же месяце забастовали гимназии, а 20 ноября забастовали портовые рабочие, выставившие требование об уничтожении артелей. К ним примкнули артельные рабочие, которые, в свою очередь, предъявили требование к коммерческому агентству об уплате им 140 000 руб. за нарушение условия — допущением поденных рабочих препятствовать их работе. Забастовки эти были вызваны деятельностью агитаторов крайних партий, дабы иметь в своих руках массу свободных рук для вооруженной борьбы с правительством.

Ноябрьские события в Севастополе вызвали грандиозную демонстрацию в Новороссийске.

22 ноября стараниями крайних партий была устроена процессия. Впереди шла вооруженная дружина с ружьями и револьверами, среди которых виднелись черные и красные флаги с надписями: «смерть тиранам», «да здравствует свобода», позади шел оркестр музыки, а затем несли, в виде трофея, шашки, отобранные у городовых, которых толпа, в 300—400 человек, насильно повела из полицейского участка к старым цементным заводам, где, отобрав у них оружие, заставила примкнуть к демонстрации. Под звуки марсельезы десятитысячная толпа двинулась по портовой набережной в город. На площади процессия остановилась и ораторы говорили речи, призывая к вооруженной борьбе с правительством, которое, по словам ораторов, находится при последнем издыхании, так что достаточно сплотиться и сделать последний натиск, чтобы раздавить узурпаторское правительство, находящееся в конвульсиях, но не желающее выпустить из своих рук «сладкого пирога». Дорогою остановились у таможни, где по требованию манифестантов приспущен в знак траура национальный флаг. Всю дорогу гремела марсельеза, чередовавшаяся с похоронным маршем. У городской управы снова остановились и там с балкона ораторами были произнесены речи на ту же тему. Затем толпа двинулась дальше на Соборную площадь и, подойдя к казармам местного гарнизона, пытались путем речей и раздачи прокламаций склонить солдат перейти на их сторону. Когда же им это не удалось, то подошли к церковной ограде, где была отслужена панихида по мятежным севастопольским морякам.

В конце ноября или в начале декабря казаки 17 пластунского батальона, подлежащие отправлению в Батум для усиления гарнизона, благодаря распространению между ними всякого рода революционной пропаганды, посещения митингов и влияния на них пред-

[1] Речь идет о восстании на судах Черноморского флота, начавшегося 8 ноября 1905 г.

ставителей крайних партий, не пожелали сесть на пароход «Ксения», который уже был готов к отходу в Батум, говоря: «что же нам идти — чтобы нас там взорвали». Когда же начальству удалось убедить казаков сесть на пароход, то пароходная команда, в виду пущенных слухов, что пароход с казаками будет взорван, отказалась ехать с казаками. Такое же брожение стало замечаться среди казаков Урупского полка, которых агитаторы всячески старались привлечь на сторону революционеров или же убедить покинуть Новороссийск. И нужно сказать, что агитация шла довольно успешно, так как 4-ая сотня названного полка, расположенная в городе, отказалась посылать охрану губернатору и разъезды по городу. С этого времени администрация города, проявляя полное бездействие, потеряла всякое влияние на жизнь города и управление городом и Новороссийским округом стало переходить в руки крайних партий с организованным ими комитетом. Последний действовал совершенно открыто, производил сборы на вооружение, на поддержание бастовавших рабочих, указывал время закрытия и открытия лавок и обращался к населению с разного рода революционными воззваниями. Этим же комитетом были исполнены все подготовительные работы к выборам нового революционного органа для управления городом и округом совета рабочих депутатов...

После описанной выше демонстрации в память севастопольских событий, поденные рабочие пристаней, амбаров и элеватора сами к работам не приступали и не позволяли также работать артельным рабочим...

7 декабря по телеграфу сообщено из Москвы о призыве ко всеобщей железнодорожной забастовке и на следующий день работы в железнодорожных мастерских были прекращены и уже не возобновлялись.

Железнодорожная забастовка имела целью поддержать путем насилия не только экономические, но, главным образом, и политические требования, направленные к ниспровержению существующего строя, и явилась результатом агитации представителей социал-демократов и социал-революционеров. Сперва агитация эта велась скрытно, путем распространения противоправительственных прокламаций и брошюр, а после 21 октября, когда в силу высочайшего указа из тюрьмы были освобождены главные виновники июльских событий в Новороссийске — служащие в железнодорожном депо..., агитация приняла совершенно открытый характер. Вскоре на заводах и мастерских появились ранее никому неизвестные, так называемые ораторы..., которые сначала, чтобы заинтересовать рабочих, произносили речи на чисто экономической почве, сводившиеся в общем к тому, чтобы поменьше работать и побольше получать, а затем рабочим постепенно прививались такого рода учения, что всякие материальные выгоды могут быть достигнуты только путем насильственного свержения существующего в нашем государстве строя и учреждения демократической республики.

С 8 декабря началась всеобщая политическая забастовка и комитет, ободренный забастовкой рабочих в железнодорожных мастерских, в порту, на новом и старом цементных заводах, приступил к выборам членов в совет рабочих депутатов. Спустя день — два, от всех рабочих было избрано 70—72 члена в Совет рабочих депутатов, которые из своей среды избрали исполнительный комитет, куда вошли представители крайних партий.

В округе же на цементных заводах были учреждены отделения Совета рабочих депутатов, так называемые, «порайонные комитеты», получившие приказания от городского центрального Совета. Совет рабочих депутатов и его комитет с этого момента фактически захватили в

свои руки власть, стали управлять городом и округом, прекратили торговлю спиртными напитками, закрывали казенные винные лавки, запретили торговать на вокзале винными напитками, диктовали время открытия и закрытия магазинов и условия работы типографий, запретили выезжать на биржу извозчикам, которых заставляли под угрозой лишения жизни возвращаться домой ввиду всеобщей забастовки, требовали прекращения деятельности правительственных учреждений, за исключением банка, откуда в это время началась усиленная выборка вкладов по сберегательным книжкам с требованием выдачи денег золотом. Агитация в этом направлении шла настолько успешно, что, несмотря на то, что вкладчиками были большею частью рабочий класс, за две недели было выбрано до пятисот тысяч рублей.

Далее Совет рабочих депутатов, как в своих печатных воззваниях, расклеенных по городу и даже на дверях городской управы, так и лично требовал, чтобы население не платило податей, не выбирало торговых документов и вело вооруженную борьбу с правительством с целью ниспровержения монархии и учреждения демократической республики.

К этому времени окончательно сформировалась революционная боевая дружина, которая появилась еще в первых числах декабря и, будучи вооружена ружьями и револьверами, открыто производила свои учения как в городе, так и на цементных заводах. Учение в городе происходило большею частью возле мельницы Асланиди, на базарной площади, причем численность дружины доходила до 300 человек и в общем она производила впечатление стройной военной команды. В это же время на цементные заводы приезжали из города представители исполнительного комитета, которые устраивали собрания рабочих и в своих речах открыто призывали к вооруженной борьбе с правительством и свержению монархии, убеждали учредить среди рабочих кассу для сбора денег по оказанию помощи во время забастовки, для печатания революционных брошюр и для покупки оружия на случай столкновения с казаками...

С целью мобилизации ружей и вообще вооружения боевых дружинников на случай столкновения с войсками, Советом рабочих депутатов было приказано предпринять несколько экскурсий по соседним деревням. 13 декабря, часов в восемь вечера в селение Глебовку явилась толпа людей, вооруженных ружьями и револьверами, из которых некоторые имели на рукавах верхнего платья ленты с надписями «городская охрана». Лица эти, именуя себя боевой дружиной революционного комитета, заявили, что они прибыли отбирать у поселян оружие для защиты себя на случай столкновения с войсками. Отобрав насильно берданку и патроны у полицейского урядника Болтромеюка, выдали ему расписку, что ружье взято по распоряжению боевой дружины. Затем они потребовали список лиц, у коих имеются ружья и, заставив старосту указать им квартиры этих лиц, отняли у них насильственным образом одиннадцать казенных ружей системы Бердана и Крынки...

Образовавшаяся таким образом боевая дружина содействовала возникшему революционному правительству в достижении намеченной им цели, направленной к ниспровержению существующего строя и учреждению демократической республики.

Дружина эта, доходившая до 300 человек, была вооружена пиками, револьверами, ружьями и бомбами, участвовала во всех антиправительственных демонстрациях, обучалась воинским приемам на случай столкновения с ожидавшимися в Новороссийске, для подавления восстания, войсками.

12 декабря 1905 г. и. д. губернатора, в виду полученных им агентур-

ных сведений о предстоящих арестах революционными партиями старших правительственных агентов, переехал на вокзал и поселился в товарной конторе под охраной 2-й сотни Урупского полка. Переезд этот отозвался крайне деморализующим образом как на население, так и на оставшихся в городе властях. Революционные же партии стали действовать еще решительнее и вскоре достигли полного господства в городе и округе, городская же охранная стража в это время совершенно сливается с боевой дружиной: одни и те же лица заполняют кадры городской охраны и революционной дружины, которые одинаково относятся враждебно к полицейским и административным властям.

Совет же рабочих депутатов продолжал заседать ежедневно; с конца ноября по конец декабря печатаются разнообразные антиправительственные воззвания и постановления Совета рабочих депутатов, его исполнительного комитета и от комиссии по организации помощи безработным о взносе раскладочного сбора. Этими воззваниями и другими своими действиями крайние партии положительно терроризировали население. Так, в ночь на 3 декабря 20 вооруженных человек ворвались в типографию «Труд» и принудили напечатать антиправительственные воззвания, под заглавием «К казакам и солдатам» [1]. Вечером 8 декабря в типографию Преображенского вошло несколько вооруженных дружинников, которые в присутствии служащих типографии отвинтили печатную машину «бостонку», но вследствие поднявшегося в это время на улице крика и стрельбы убежали, оставив уже отвинченную машину и револьвер.

13 декабря командированные Советом рабочих депутатов учитель местной гимназии и не обнаруженная следствием женщина предъявляют временному отделению Екатеринодарского Окружного суда письменное требование следующего содержания: «Черноморский с.-д. комитет РСДРП предлагает суду немедленно прекратить занятия в виду всеобщей политической забастовки, присовокупляя, что это делается, как протест против действий правительства». Такого же рода требования предъявляются местному мировому судье. В декабре Совет рабочих депутатов и исполнительный комитет выпускают объявления о закрытии всех правительственных учреждений, а в ответ на объявление губернатором чрезвычайной охраны Совет рабочих депутатов расклеил по городу свой манифест, требуя бойкотирования Государственной думы, всеобщей политической забастовки, учредительного собрания и образования демократической республики.

15 декабря начальником новороссийского торгового порта полковником Лушковым были уволены два матроса, из которых один был заподозрен в краже. Те отправились с жалобой в Совет рабочих депутатов, и на следующий день Лушков получил письменное требование от упомянутого Совета о немедленном принятии уволенных рабочих. На 17 декабря была назначена продажа с публичного торга товаров в магазине Стефанова и, когда полицейский чиновник Ковынев приступил к означенной продаже, то посланные исполнительным комитетом вооруженные дружинники потребовали от Ковынева прекращения аукциона, предъявив ему письменное требование исполнительного комитета за красной печатью. На отказ Ковынева подчиниться этому требованию, дружинники пригрозили употребить силу, после чего пришлось прекратить аукцион и закрыть магазин.

18 декабря ночью в типографию Левина ворвалась толпа человек в 15—20 вооруженных людей и стала печатать «Известия Совета ра-

[1] Возможно, что речь идет о прокламации за подписью Черноморского Центрального комитета соц.-дем. раб. партии «К солдатам и казакам», напечатанной в 5 000 экз.— см. инв. № 8182 в библиотеке Архива революции.

бочих депутатов в г. Новороссийске» [1], расставив у входов боевых дружинников. Уходя, они хотели взять с собою две кассы шрифта, но Левин этому воспротивился, сказав: «раньше меня убейте, а потом берите шрифт».

В двадцатых числах того же декабря в типографию Янчевского вошли вооруженные люди и, отвинтив печатную машину «бостонку», унесли ее. В том же месяце все типографии Новороссийска получили письменное требование от исполнительного комитета Совета рабочих депутатов, чтобы все типографские работы печатались только после разрешения исполнительного комитета, и когда вышеназванный Янчевский отпечатал распоряжение губернатора о введении в Новороссийске чрезвычайной охраны, то типография его была насильственно закрыта; поэтому приехавшая на гастроли в Новороссийск опереточная труппа, желая дать спектакль, обратилась за разрешением к Совету рабочих депутатов. Разрешение было дано, но часть сбора пошла в пользу Совета рабочих депутатов, а на афишах, отпечатанных в типографии Левина, значилось, что «печатать разрешается Советом рабочих депутатов». Когда в 20-х числах декабря Совету рабочих депутатов не понравилось направление местной газеты «Черноморское побережье», печатавшейся в типографии «Труд», где между прочим было напечатано объявление губернатором города на положении чрезвычайной охраны, то, согласно постановлению Совета рабочих депутатов, эти номера газеты конфискуются, а управляющему типографией заявляется, чтобы все номера газеты и объявления представлялись на цензуру в исполнительный комитет Совета рабочих депутатов, без разрешения коего печатать запрещается.

В особенно тяжелом положении очутились торговцы г. Новороссийска. Помимо того, что им приходилось обращаться к Совету рабочих депутатов за разрешением открывать торговлю, получать товары из транспортных контор, совершать погрузку и разгрузку пароходов, им было еще запрещено выбирать торговые документы на 1906 год, для чего не только распространяли по городу воззвания, но ходили по магазинам и требовали от имени Совета рабочих депутатов — не выбирать документы.

Таким образом, создалось такое положение: правительственные власти требуют своевременную выборку документов на право торговли, а революционное правительство запрещает под страхом наказания выбирать эти документы. 15 декабря в Новороссийск прибыл командир Урупского полка полковник Котрахов произвести смотр казакам. Пользуясь этим случаем, и. д. губернатора поручил полковнику разоружить городскую милицию и захватить склад оружия, который был устроен революционерами в районе первой полицейской части, в доме Карпова, где заседал, так называемый, боевой штаб. 16 декабря казаки под командой полкового командира продефилировали по городу и окружили дом Карпова. Боевые дружинники, побросав оружие, спасались бегством в разные стороны, но полковник Котрахов в виду требования губернатора — избегать, по возможности, кровопролития, не воспользовался этим случаем и уехал с казаками, не подобрав даже оружия. Это обстоятельство еще более ободрило революционеров и они не замедлили пустить слух по городу, что казаки побоялись в них стрелять и отступили. На следующий день полковник Котрахов, в сопровождении конвоя, уехал из Новороссийска, а вечером того же дня в Новороссийск прибыли из Екатеринодара по железной дороге делегаты от остальных сотен Урупского полка, с целью убедить бывших в Но-

[1] №№ 1 и 2 «Известий» от 18 и 20 декабря 1905 г. опубликованы в «Пролетарской Революции». № 11 (23), 1923 г., стр. 176—179.

вороссийске урупцев покинуть Новороссийск и присоединиться к своему полку в Екатеринодаре.

18-го утром 4-я и 6-я сотня Урупского полка под влиянием агитации вышеозначенных делегатов, действовавших под влиянием революционных партий, покинула Новороссийск и выехала поездом, без своих офицеров, в Екатеринодар. 2-ая же сотня осталась до конца верна своему служебному долгу. После ухода урупцев Новороссийск и его округ окончательно перешли во власть революционеров, которые, желая показать свою силу, с одной стороны, и в виде протеста на введение чрезвычайной охраны, с другой стороны, решили устроить грандиозную демонстрацию, на которую собралось до 3 000 человек, вооруженных ружьями, револьверами, пиками и даже бомбами.

К этому времени революционерами сформирован лазарет для оказания помощи боевой дружине при столкновении ее с войсками. С этой целью было нанято помещение в центре города в доме Пасхаловой и снабжено кроватями, матрасами, носилками, перевязочным материалом и необходимыми медикаментами. Был также подготовлен состав сестер милосердия, преимущественно из местной учащейся молодежи, а равно учительниц, которым Новороссийские врачи читали лекции, знакомя с подачей первой медицинской помощи раненым. В оборудовании этого лазарета принимала участие городская управа, которая послала городского фельдшера в Екатеринодар, где и было закуплено им несколько пудов гигроскопической ваты и тысяча аршин бинтов и марли. Все это предназначалось для лазарета, но значилось, якобы, для городской больницы. Вместе с тем Совет рабочих депутатов и исполнительные его комитеты продолжали свои ежедневные заседания в помещении 3-го городского училища и других местах, принимая прошения, кладя на них свои резолюции, выслушивая жалобы и подвергая виновных аресту.

В первых числах декабря рабочие новороссийских торговцев фуражками и шапками Большама и Варшавского потребовали увеличения заработной платы на 50%. Когда они не согласились, то вскоре их пригласили в городскую управу, где заседавшие члены Совета рабочих депутатов: ...потребовали от них удовлетворения этого требования рабочих.

Большам и Варшавский согласились На следующий день рабочие предъявили новое требование: гарантировать им плату даже при отсутствии работы. Когда Большам и Варшавский на это согласия не изъявили, то их пригласили в комитет... Большам и Варшавский отказались принять на себя столь тяжкие обязательства и им был объявлен бойкот. Бойкот этот провозглашался на всех митингах, заставляя, таким образом, публику не покупать у них товара. У тех же лиц, которые, не взирая на бойкот, все таки покупали шапки в магазинах Большама и Варшавского, таковые вырывались на улице из рук дружинниками, находившимися возле магазинов, и уничтожались. Такого рода бойкот продолжался десять дней. Терпя большие убытки, Большам и Варшавский принуждены были согласиться исполнить требование рабочих. После этого бойкот был снят, о чем было объявлено на всех митингах. В декабре же управляющий пивоваренным заводом «Новая бавария» был оштрафован исполнительным комитетом Совета рабочих депутатов десятью рублями за отпуск пива из завода. Повестку за красной печатью исполнительного комитета об уплате денег принес дружинник, вооруженный берданкой со штыком. Под влиянием боязни перед революционерами управляющий уплатил десять рублей.

Не меньшую роль играли представители крайних партий в делах городского самоуправления, при чем Совет рабочих депутатов встретил большое сочувствие в лице городского головы Никулина.

Для поддержания всеобщей политической забастовки было выдано из городских средств пособие бастовавшим почтово-телеграфным чиновникам, при этом городской голова Никулин предложил привести это решение в исполнение немедленно, не выжидая утверждения этого постановления губернатором. Дума тогда же ассигновала из городских средств в пользу безработных три тысячи рублей и избрала комиссию, которая обложила всех жителей прогрессивно-подоходным налогом, по которому все лица, имеющие доходность свыше 1 000 рублей, вносят от 2% до 4% в пользу рабочих и разослала несколько сот извещений, которыми жители приглашаются поторопиться взносом денег на помощь безработным во время политической забастовки. Деньги эти принимались в городской управе, при чем взыскивались особые сборы в пользу социал-демократического и социал-революционного комитетов Северо-Кавказского союза и Черноморской губернии, как это видно из выдававшихся талонов красного цвета с оттиском печати социал-демократов и белого с оттиском — социал-революционеров...

Гласный думы Беседин категорически удостоверил, что со дня обнародования высочайшего манифеста вплоть до введения военного положения все думские заседания происходили под давлением представителей революционных партий, являвшихся в думские заседания и принуждавших под угрозами решать дела по их желанию, при этом городской голова говорил на митингах о необходимости объединиться с революционной партией и действовал совершенно солидарно с представителями крайних партий, исполняя все их требования. Так, когда в декабре исполнительный комитет Совета рабочих депутатов прислал в городскую управу письменное требование за красной печатью комитета... требуя немедленно установить таксу на жизненные продукты в городе Новороссийске, то все и было исполнено согласно этому требованию...

Вскоре в ответ на просьбу и. д. черноморского губернатора о присылке войск для выручки Новороссийска получилось сообщение от начальника Кубанской области, что в Новороссийске формируется отряд казаков. 24 декабря на рейде появился броненосец «Три святителя», который, хотя не высаживал на берег десанта, но все таки произвел тревогу между революционным правительством, еще более усилившуюся, когда вечером того же дня получилась весть, что из Екатеринодара едут казаки. Революционный боевой штаб стал готовиться к встрече войск. В тот же день состоялся митинг в Народном доме, а затем появились воззвания, призывавшие народ к решительному бою и ведению партизанской войны с правительством...

Днем 25 декабря 1905 г. казаки-артиллеристы, при орудиях, вступили, под командою полковника Кравченко, в гор. Новороссийск и положение дел сразу изменилось. Администрация вступила в свои права и обязанности, железнодорожная и почтово-телеграфная забастовки прекратились, революционные комитеты, скрыв собранные ими деньги и оружие, закончили свою деятельность, и жизнь города Новороссийска вошла в нормальное русло...

За означенные преступные деяния обвиняемые [1], поименованные в п.п. I, II, III, IV и V, в виду последовавшего распоряжения по соглашению министров внутренних дел и юстиции, на основании 31 ст. положения о мерах к охранению государственного порядка и общественной безопасности и 262 ст. XXIV кн. с. в. п. 1869 года изд. 3-е, преданы Кавказскому военно-окружному суду для суждения по законам военного времени главнокомандующим войсками Кавказского военного округа.

Военный прокурор генерал-майор Востросаблин.

---

[1] Обвиняемых было 106 человек.

Крестьянское движение в Западном Закавказьи в 1902—1905 гг.

1902-й год — год массового крестьянского движения в разных частях царской России. Будучи в основе движением аграрным, направленным против тех остатков феодально-крепостнических отношений, которые были еще очень сильны в деревне царской России конца XIX в.— начала XX в., это движение во многих случаях перерастало в революционный протест, получивший ярко выраженный политический характер. Такой именно характер получило крестьянское движение в 1902 г. в Западном Закавказьи, в частности и в особенности в Гурии. Крестьянская реформа в Западном Закавказьи, проведенная в 1864—1866 гг. несколькими законодательными актами и охватившая последовательно Восточную Грузию, Имеретию, Гурию и Мингрелию, была для тамошних крестьян еще менее выгодна, чем для крестьян центральной России. После «освобождения» наделы грузинских крестьян уменьшились в среднем на 1/3, а повинности в среднем удвоились; в то же время переход на выкуп затянулся до 1913 г. В результате — массовое и порой очень интенсивное крестьянское волнение в Грузии после 1864—1866 гг. Пролетаризация грузинской деревни во второй половине XIX в. сопровождалась возникновением и быстрым ростом рабочего движения, а в связи с этим — возникновением и ростом социал-демократического движения. Уже во второй половине 90-х годов XIX в. в Грузии существовала социал-демократическая группа, т. н. «Месаме-даси», в которую в 1898 г. вступил товарищ И. В. Сталин, «внеся новое, революционное в жизнь группы» [1].

Товарищи Сталин, Кецховели и Цулукидзе, составлявшие первоначально меньшинство в «Месаме-даси», заложили основы революционной социал-демократии в Закавказьи, влияние которой возрастало с каждым годом. 11 ноября 1901 г. по инициативе товарища Сталина была созвана первая тифлисская конференция социал-демократической организации, которая избрала первый Тифлисский комитет РСДРП. В конце ноября того же 1901 г. товарищ Сталин по поручению Тифлисского комитета переехал в Батум, и здесь 31 декабря на собрании представителей кружков главных предприятий оформилась батумская социал-демократическая организация. На этом же собрании была выделена руководящая партийная группа во главе с товарищем Сталиным; эта группа сыграла роль Батумского комитета РСДРП [2].

Большим политическим выступлением Батумской организации была демонстрация батумских рабочих 9 марта 1902 г. Демонстрация была рассеяна выстрелами войск. Около 500 революционных рабочих было выслано на родину. Так как большое их количество было родом из Озургетского уезда (Гурия), то они и занесли сюда семена той революционной «заразы», которой так боялось царское правительство.

В январе 1902 г. было организовано товарищем Сталиным печатание в нелегальной типографии в Батуме прокламаций, которые распространялись среди

---

[1] Л. Берия, К вопросу об истории большевистской организации в Закавказьи, 1936 г., стр. 15.

[2] См. Берия, Назв. соч., стр. 23.

батумских рабочих и рассылались по ближайшим районам Грузии (Гурия, Имеретия, Мегрелия). «Батумские события,— говорит т. Л. Берия,— явились предвестниками подъема революционой волны во всем Закавказье. Они оказали огромное революционизирующее влияние на грузинскую деревню (Западная Грузия)» [1].

Таким образом к началу XX в. в Грузии были налицо все условия для широкого подъема революционного движения среди крестьянства. В 1901 г. Западную Грузию постиг неурожай и, как следствие этого, голод. Началось движение среди крестьян, поводом к которому послужила неурегулированность отношений между крестьянами и помещиками. Но вскоре же движение приобретает политический, революционный характер. Под знаком его прошел 1902-й год. В 1903—1904 гг. движение идет на убыль, но в 1905 г. получает новый громадный подъем. В 1906 г. царскому правительству удалось подавить движение, путем применения невероятных жестокостей (карательная экспедиция ген. Алиханова).

Печатаемые ниже документы дают выразительную картину крестьянского движения в Грузии — преимущественно в Западной, в 1902 г., несколько документов рассказывают о событиях 1903—1904 г. Слабее по сравнению с 1902 г. представлено в них движение 1905 г., и к сожалению, среди них нет таких, которые рассказывали бы о ликвидации движения. Но таково уже состояние того архивного фонда, из которого документы извлечены.

Крестьянскому движению в Грузии в 1902—1906 г.г. были посвящены в свое время многочисленные материалы и сообщения в «Искре» (за 1902—1905 гг.), «Вперед» (1905 г.), «Право» (1905—1906 гг.). В журн. «Былое» в 1906 г. была напечатана статья Старосельского «Крестьянское движение в Кутаисской губ.» (№№ 9 и 11). Можно указать также небольшую брошюру Каландадзе и Мхеидзе «Очерки революционного движения в Гурии» (1901—1906), изд. «Эпоха» 1906. Но все эти (и некоторые другие) печатные материалы не уменьшают значение тех архивных документов, которые печатаются ниже.

В некоторых документах сделаны сокращения — в случаях повторения изложенных раньше фактов, в случаях наличия в тексте несущественных мелочных подробностей и т. п. Все сокращения оговорены. В необходимых случаях даны подстрочные примечания (они принадлежат т. Е. Криворучко).

Документы хранятся в Центр. Гос. Архиве Революции и находятся в фонде Департамента полиции. Отбор документов и подготовка текста для печати выполнены научн. сотр. архива Е. Криворучко.

Проф. К. Сивков.

Донесение начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 мая 1902 г. [2]

Крестьяне селения Каралети Горийского уезда Тифлисской губернии с давних времен пользовались пастбищем на участке земли в 500 десятин, находящемся во владении помещика князя Михаила Ревазова Эристова; в нынешнем году князь Эристов захотел эту землю распахать под посев ячменя и кукурузы, но крестьяне стали оспаривать его право. Возникшее по поводу этого дело мировым посредником и губернским по крестьянским делам присутствием было решено так: 400 десятин признано принадлежащими исключительно помещику, а 100 десятин — пастбищными, находящимися в общем владении помещика и крестьян.

---

[1] Л. Берия, Назв. соч., стр. 25.
[2] ДП, III, 1902 г., д. № 1, ч. 1, лит. В, л. 1.

Крестьяне оказались недовольны таким решением и передали дело в Сенат.

По сведениям горийского уездного начальника, 19 апреля сего года князь Эристов хотел приступить к распашке упомянутой земли и для содействия ему были высланы стражники земской полицейской стражи под командой капитана Воскресенского. Узнав об этом, все крестьяне селения Каралети вышли с кольями и палками и заявили, что они не допустят пахать, так как дело их находится в Сенате, что скот у них в 400 дымах должен погибнуть с голоду и, что они за эту землю прольют свою кровь. Капитан Воскресенский не решился принять какие-либо меры и удалился со стражниками. Вместе с тем крестьяне для разъяснения своего положения и ходатайства по этому делу послали в город Гори несколько человек своих уполномоченных. Горийский уездный начальник задержал их, как руководителей, поддерживающих крестьян в их незаконных претензиях и действиях. Тогда крестьяне, 13 сего мая, в числе 500 человек явились в город Гори, а оттуда в количестве 150 человек направились в г. Тифлис, куда и прибыли 14 мая. Извещенная об этом тифлисская полиция встретила прибывших и направила их в 10 полицейский участок, ближайший к вокзалу. Крестьяне держали себя вполне спокойно и беспрекословно исполнили требование полиции. На следующий день, 15 мая, 12 человек, выбранных из числа прибывших, в 9 часов утра явились к тифлисскому губернатору и просили допустить их к главноначальствующему гражданскою частью на Кавказе. Его сиятельство принял упомянутых выборных в 12 часов дня того же 15 мая, причем из объяснений крестьян, при посредстве переводчика, выяснилось, что они в настоящее время, до решения дела в Сенате, имеют претензию вовсе не по отношению тех 400 десятин, которые местной властью признаны принадлежащими помещику, а лишь в отношении остальных 100 десятин, оставленных под пастбище в общем владении помещика и крестьян, так как князь Эристов хотел распахать и часть этой земли, выделив из нее для пастбища крестьянам участок по реке Лиахвы, почти сплошь песчаный, покрытый камнями и лишенный всякой растительности, вследствие чего скот крестьян, оставшийся без корма, должен погибнуть и потому они находятся в безвыходном положении.

Его сиятельство князь главноначальствующий внимательно выслушал крестьян, успокоил их и отпустил домой, поручив вице директору своей канцелярии немедленно разобрать это дело[1]. Все прибывшие крестьяне того же 15 мая выехали обратно из города Тифлиса.

Об изложенном имею честь донести департаменту полиции.

За начальника управления ротмистр Засыпкин.

Из записки о беспорядках в Кутаисской губернии, август 1902 г.[2]

До сведения ланчхутского Кутаисской губ. участкового пристава дошло, что многие из крестьян Чочхатского сельского общества[3] дали друг другу клятву не платить духовенству драмовых денег[4] (этот вид налога утвержден начальством в 1887 г. и на основании его каждый крестьянский дым Кутаисской губернии обложен двумя рубля-

[1] В результате расследования этого дела нашли, что заявление о непригодности земли неправдоподобное и за подстрекательство среди крестьян трое из крестьян были арестованы и был поставлен вопрос о их высылке, как о лицах «вредных» для общественного спокойствия (ДП, III, 1902 г., д. № 1, ч. 1, л. В).

[2] ДП, О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, лл. 42—44 об.

[3] В состав сельского общества входило обыкновенно несколько селений.

[4] На каждый дым обязательная повинность на содержание местного священника определялась в размере 2—2½ руб.

ми), а помещикам — повинностей за надельные по уставным грамотам земли; кроме того были получены указания, что на сходке крестьян присутствовал какой-то неизвестный молодой человек, разъяснивший, что священники получают содержание, а драмовые деньги составляют незаконный налог и что за надельные земли временно-обязанные крестьяне уже платят в казну поземельный налог. По означенным вопросам в таком же духе высказались: Нагоитское, Акетское, Дзимитское и Джуматское сельские общества.

По получении изложенных сведений, кутаисский военный губернатор вместе с начальником местного губернского жандармского управления выбыл в Озургетский уезд и на собранных 14 минувшего июля сельских сходах разъяснил крестьянам незаконность их требований. Спустя 5 дней Озургетский уездный начальник донес, что в Микель-Габриельском обществе, Гуриантского полицейского участка составилось противозаконное сообщество, поставившее себе задачей не платить духовенству драмовых денег, а помещикам за арендуемые у них земли отдавать лишь $^1/_{10}$ часть урожая, буде же помещики не согласятся признать это требование, то отказаться от обработки у них земли; тех же лиц, которые желают арендовать землю на прежних условиях, решено убивать; исполнителями приведенного решения избраны жители разных сел и, независимо сего, образовавшееся сообщество снабдило крестьянина Мизарберга Габранидзе деньгами для выдачи пособий семействам тех крестьян, которые будут арестованы...

По распоряжению кутаисского военного губернатора управляющий Озургетским уездом, предводитель дворянства и мировой посредник произвели расследование о волнениях среди крестьянского населения и выяснили следующее. Противоправительственная пропаганда охватила Нигоитское, Джуматское, Гурнантское, Чочхатское, Микель-Габриельское, Харбетское, Двабзуйское и Джурубетское сельские общества Озургетского уезда; пропагандисты, имея вполне верных и надежных проводников из местных крестьян, при общем к себе сочувствии населения, свободно проникали в общества и, собирая сходы, вели на них свою пропаганду; программа ее заключается в том, чтобы иметь выборного главу государства, отказаться от исполнения воинской повинности, не платить духовенству драмовых денег, а помещикам — аренды за землю, ограничив плату им $^1/_{10}$ частью урожая, причем меру эту ввести временно, пока помещики не приучат себя к работам, но если бы землевладельцы этих условий не приняли, то не допускать никого арендовать у них земли и убивать каждого арендатора и помещика, осмелившихся нарушить этот наказ и, наконец, никому из крестьян не наниматься в услужение к дворянам, и для приведения в исполнение намеченной программы пропагандисты образовали в сельских обществах кружки... Настоящая программа, хотя и не в полном объеме, но уже стала приводиться в исполнение, а именно: 1) население, под предлогом постигшего в последние два года неурожая, отказалось платить драмовые деньги, причем многие священники получили анонимные письма с требованием об официальном заявлении о своем отказе от драмовых денег, под угрозой за неисполнение сего быть убитыми; 2) многие крестьяне самовольно распахали помещичьи земли и аренды за истекший год не уплатили, причем некоторые помещики получили анонимные предложения с угрозой быть убитыми, если не откажутся от старых условий, и 1-го сего августа действительно был убит помещик Корцевадзе; при похоронах названного помещика обратило на себя внимание то обстоятельство, что не только никто из крестьян не явился проводить покойного, но даже отказались выкопать могилу. Вслед за сим было произведено покушение на жизнь помещика князя Иосифа Накашидзе...

В виду такого положения дел, по распоряжению губернатора, 8 сего августа, в Озургетский уезд командирована сотня казаков и начались аресты руководителей движения, из которых арестовано 72 человека...

Письмо тифлисского губернатора градоначальствующему гражданской частью на Кавказе, 4 сентября 1902 г.[1]

Милостивый государь князь Григорий Сергеевич!

Недавние события в Гурии заставляют меня с особенною внимательностью относиться к положению дел в смежном с Кутаисской губернией Горийском уезде и подробно доложить вашему сиятельству о замеченных в этом уезде случаях брожения среди крестьянского населения.

Отношения между помещиками и крестьянами в Горийском уезде, вследствие малоземелья, временно обязательных отношений многих крестьян к помещикам, за неокончанием выкупа, состояния многих земель у крестьян на хизанском[2] или арендном праве, не говоря уже о неоконченном еще в уезде размежевании — давно уже были натянутыми; в последние же полтора года, вследствие повышения многими землевладельцами арендных платежей, их взаимные отношения еще более обострились.

Столкновения между обеими сторонами начали учащаться в 1901 г., причем в некоторых случаях нравственная вина лежала на помещиках, предъявлявших чрезмерные требования к крестьянам, в других же насильственные действия крестьян представлялись, повидимому, совершенно необоснованными: так например в сел. Ахалцихи крестьяне запретили помещику кн. Тарахан-Моуравову устроить оросительную канаву на его собственной земле, хотя проведение этой канавы нисколько не стесняло крестьян в пользовании водою. У помещика же князя Визирова крестьяне насильственно разобрали забор, которым он огородил свое усадебное место, под предлогом, что забор этот мешает их проезду, хотя общественная дорога никогда не проходила по этой местности.

Вслед затем, весною текущего года, имея у себя перед глазами пример помещиков, упорно уклоняющихся от взносов платежей поземельного налога, крестьяне начали изыскивать способы уклоняться от исполнения своих обязательств к помещикам. Вашему сиятельству известны случаи вооруженного столкновения крестьян сел. Сатисхаро с объездчиками генерал-адъютанта кн. Амилахвари и недопущении помещика кн. Эристова жителями сел. Каралети к производству распашек на его земле. Неправильность действий крестьян вызвала назначение в сел. Сатисхаро экзекуции, а в сел. Каралетах возбуждение вопроса о высылке нескольких руководителей беспорядка.

Наконец, в течение настоящего лета под влиянием доходящих до них из Кутаисской губернии (Гурии) слухов, в сельском населении Горийского уезда начало распространяться убеждение, очевидно кем то навеянное, что они не должны платить помещикам галы[3], так как они уже платят за свою землю оброчную подать в казну; пререкания на этой почве не выходили из области столкновений, улаживавшихся на месте, но по отношению к взиманию драма или руш-

---

[1] ДП, О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, лл. 53—56.

[2] Хизаны — феодально-зависимые крестьяне — вечные арендаторы, отбывающие за пользование землей постоянные повинности в размере от 1/6 до 1/2 с пахотной земли, покосов, виноградников, садов и работавшие на барщине. Хизанство возникло в Грузии в эпоху феодализма и сохранилось до советской власти.

[3] Гала — денежная и натуральная повинность помещику за землю.

ного сбора (сбор натурою в пользу священников) имели место два случая в сел. Дзегви и Земо-Чала категорического отказа платить этот сбор, причем крестьяне прямо ссылались на пример Кутаисской губернии, где, по их словам, сбор этот уже отменен.

До какой степени чутко относилось все население уезда к отказу земочальцев и дзегвинцев уплачивать драму видно из того, что слухи об этом отказе немедленно распространились по всей окрестности и крестьяне, заняв выжидательное положение, с лихорадочным интересом относились к известиям о том, какое направление принимает это дело. К счастью хитиставский пристав, не прибегая официально к содействию уездного начальника, успел привести крестьян и священника сел. Земо-Чала к соглашению.

Равным образом и в сел. Дзегви крестьяне поддались убеждению пристава, хотя главною причиною их сговорчивости надо считать известие о командировании в Гурию на прекращение беспорядков одного батальона из г. Гори и боязнь, вследствие этого, возможности какого-либо административного воздействия и на них.

Пользуясь всеми этими замешательствами, а частью вызывая их, в Горийском уезде идет несомненно тщательно скрываемая подпольная работа по возбуждению крестьян. Об этом свидетельствует: имевшее место в прошлом году открытое проявление воспитанниками Горийской учительской семинарии недовольства учебным начальством и нежелание подчиняться его законным распоряжениям, причем на здании семинарии перед тем и после того расклеивались прокламации; расклейка прокламаций по гор. Гори; имевшее место в середине текущего года активное сопротивление учеников Цинамдзгвариантской сельско-хозяйственной школы Душетского уезда (соседнего с Горийским) законным распоряжениям Чопортского старшины по поставке для проходящих войск подвод от населения и противодействия старшине в этом деле, причем в старшину был произведен из-за забора школьного сада выстрел из ружья, не причинивший по счастью вреда старшине по чистой случайности; толки, циркулирующие среди крестьян, получаемые, хотя и в недостаточно определенной форме; сведения от помещиков, склонных придавать политический оттенок и бывшему в июле сего года случаю убийства из засады своим арендатором помещика кн. Кизирова, повысившего арендные платежи в имении. Кроме того, по слухам в разных пунктах уезда за последнее время стали появляться различные, повидимому, интеллигентные личности, которые то убеждают крестьян в том, что они напрасно подчиняются помещикам в их земельных спорах, то побуждают крестьян покупать запрещенные сочинения. В видах выяснения личностей агитаторов производится энергичное расследование.

Наконец, при объявлении циркуляра департамента полиции от 9 июля сего года за № 4592, коим население предупреждалось о необходимости задерживать агитаторов, в некоторых отдельных селениях по окончании схода высказывалось, что до них перед тем доходили слухи как раз обратного свойства о земельном переделе, увеличении крестьянских владений и так далее[1].

Все вышеизложенное свидетельствует о тревожном настроении, господствующем в Горийском уезде. Местная администрация принимает все зависящие от нее меры для предупреждения столкновений между крестьянами с одной и помещиками, и духовенством с другой стороны.

Положение уездной полиции в этих случаях представляется еще тем более затруднительным, что местное дворянство упорно уклоняю-

[1] Так в подлиннике.

щееся от взноса поземельного налога, относится к уездным властям очень несочувственно.

Уездный начальник большую часть прошлого месяца провел в срочных разъездах. Помощники его также. Пристава все время командируются в разные местности своих участков и все же при отсутствии толковых сельских властей не успевают исполнять всей, падающей на них, работы.

Между тем, в виду указанных в начале настоящего письма причин, малоземелья, неясности отношений к помещикам, а частью и невызванных необходимостью притеснений крестьян землевладельцами, Горийский уезд и впредь будет представлять собою удобную почву для подпольной агитации и возникновения всякого рода замешательств.

Вследствие сего, помимо тех общих мер, которые будут вырабатываться по указаниям вашего сиятельства для урегулирования землепользования в губернии, я считаю своим долгом вновь почтительнейше просить об увеличении штатов Горийского уезда, о чем мною подробно представлено.

С ныне же существующими силами, при громадности районов и пересечении местности успешное наблюдение за агитацией в среде сельского населения и предупреждение аграрных беспорядков представляется почти невозможным, несмотря на тщательный подбор персонала уездной администрации и известную вашему сиятельству энергию и требовательность по службе горийского уездного начальника, полковника Павлова.

И. Свечин

Из сообщения главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе в министерство внутренних дел, 5 сентября 1902 г.[1]

5 минувшего июля кутаисским военным губернатором было получено от управляющего Озургетским уездом донесение о том, что крестьяне Чочхатского общества, Озургетского уезда, решили между собою не платить повинности помещикам за арендуемые земли и духовенству драмовых денег, и что такое соглашение они подкрепили данною друг другу присягою, причем такое же явление обнаружено в некоторых других обществах названного уезда.

Получив означенное донесение, военный губернатор генерал-майор Смагин, совместно с начальником кутаисского губернского жандармского управления генерал-майором Стопчанским, немедленно выехал в Озургетский уезд и, объехав Ниготское, Акетское, Джуматское, Дзимитское, Чочхатское и Микель-Габриельское общества, объявил населению этих обществ на собранных сходках, что уплата драмовых денег основана на законодательных постановлениях, нарушение которых влечет тяжелую ответственность, и вместе с тем разъяснил отношение крестьян к помещикам и в деле платежа всякого рода повинностей и арендных денег. К этому было присовокуплено, что всякая попытка крестьян уклониться от лежащих на них законных обязанностей вызовет со стороны властей принятие самых строгих мер.

Одновременно с сим губернатор предложил местной уездной полиции собрать возможно точные сведения, могущие осветить причины возникновения указанного брожения среди крестьян.

Из последующего донесения уездной администрации усматривается, что первоначально преступное сообщество составилось в Микель-Габриельском обществе, Озургетского уезда, участниками которого состоя-

[1] ДП, О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, лл. 57—64.

ли три учителя местных школ, один ученик Одесского коммерческого училища, один студент Новороссийского университета, один священник; главное же руководство этим обществом принадлежало двум, тогда еще не выясненным личностям. Цель, намеченная сообществом, состояла в том, чтобы путем террора принудить крестьян не платить духовенству драмовых денег и ограничить уплату арендных землевладельцам 1/10 урожая. Исполнителями вышеизложенного были четырнадцать человек из крестьян, коих указанные лица привели к присяге и обязали действовать решительно...

Личная беседа губернатора с крестьянами, в связи с имевшимися в то время сведениями у начальника Кутаисского губернского жандармского управления, привела в начале к заключению, что подобное движение не имело крупного значения, но для всестороннего выяснения его и в предупреждение всяких нежелательных последствий, губернатором тогда же было предложено управляющему Озургетским уездом и местным полицейским приставам иметь самое бдительное наблюдение за дальнейшим ходом дела в этом уезде и вместе с тем был командирован туда же мировой посредник 3-го отдела Кутаисского уезда капитан Джапаридзе для производства негласного дознания.

Капитан Джапаридзе, ознакомившись с положением дела на месте, донес, что вышеприведенные донесения управляющего Озургетским уездом[1] безусловно подтверждаются показаниями вполне надежных и солидных лиц, равно как и расследованием полиции, установившей существование среди крестьян тайной, умелой и ловко направляемой пропаганды. Брожение, выразившееся в начале на частных сходках, возникло в Ниготском обществе и перешло затем в Чочхатское, Микель-Габриельское, Джуматское и часть Двабзуйского. Сходки собирались ночью, в глухих ущельях, в лесах или среди высокой кукурузы, в стороне от дороги, под охраной вооруженных холодным и огнестрельным оружием лиц, окружавших цепью сходку и вполне готовых вступить в бой в случае появления чинов полиции.

Руководителями сходок являлись частью учителя сельских школ, частью сосланные в Озургетский уезд под надзор полиции (более 10 человек)... Решения сходок формулировались одинаково, сопровождались клятвой друг другу и присягой под образами, обязывая участников взаимной поддержкой и дружным стремлением к осуществлению намеченных идей. Постановления сходок заключались в следующем: 1) никаких повинностей для сельских надобностей без ведома и предварительного одобрения выборных ими лиц не исполнять; 2) драмовых денег не платить; 3) не давать свыше 1/10 урожая помещикам, не допуская проверки со стороны последних; 4) по призыву в войска для воинской повинности не являться; 5) к помещикам в услужение не поступать; 6) влиятельных помещиков или лиц, мешающих исполнению поставленных целей, тайно убивать; 7) царь должен быть по общему избранию, ибо все на земле равны. Вообще пропагандисты внушали крестьянам, что различие людей по происхождению установлено не богом, а самими людьми; звание князей и дворян присвоено сильными, которые и забрали все в свои руки, слабые же остались крестьянами, все время работающими исключительно для князей и дворян, а не для себя и не для своего семейства, а потому необходимо освободиться от владычества последних, и теперь — самое удобное время для этого. Результатом этих сходок явились случаи открытого неповиновения крестьян местным властям и крайне дерзкое

[1] Уездный начальник статский советник Лазаренко к тому времени выехал из пределов губернии, воспользовавшись разрешенным ему ранее двухмесячным отпуском (Примечание в подлиннике).

и угрожающее отношение к помещикам, выразившееся в покушении на убийство кн. Телемака Гуриели (около ст. Супса), поджога дома кн. Михаила Накашидзе (в Микель-Габриельском обществе), покушении на поджог дома кн. Василия Гуриели (около ст. Супса), в покушении на убийство кн. Иосифа Накашидзе, убийстве 1-го минувшего августа зажиточного помещика Барнаба Карцивадзе. Обстановка последнего убийства, по мнению губернатора, дает основание предполагать, что оно совершено кем либо из выбранных для этой цели тайной пропагандой лиц[1].

Ряд указанных преступлений за время с 10 июля по 15 августа, [совершенных] без каких-либо поводов со стороны потерпевших, а равно и разбрасывание угрожающих писем с рисунками гробов, держали местных помещиков и лиц, несочувствующих пропаганде, в паническом страхе. Местная полиция хотя и принимала зависящие от нее меры для ограждения брожения среди крестьян и поимки лиц, пропагандирующих на сходках, но успешному осуществлению этих мер препятствовало то обстоятельство, что сельские должностные лица слишком поздно сообщали, а иногда и вовсе умалчивали, о сходках, одни из боязни угроз, а другие из сочувствия движению, причем и само население, настроенное сочувственно по отношению к пропагандистам, тщательно скрывало их.

В конце июля месяца генерал-майор Смагин выехал в служебную поездку в Сванетию (нагорная часть Кутаисской губернии), а общее руководство по прекращению брожения в Озургетском уезде принял на себя кутаисский вице-губернатор коллежский советник Калачев. Усматривая из положения дела в этом уезде, что брожение может принять слишком обостренный характер, вице-губернатор счел необходимым вызвать войсковые части для предупреждения беспорядков; согласно возбужденному перед главным кавказским начальством ходатайству были командированы в помощь местной кутаисской администрации сначала 1 сотня казаков Хоперского полка, а затем из м. Сурама (Горийского уезда) 6 Кавказский стрелковый батальон. Появление войсковых частей в Озургетах оказало благотворное влияние на успокоение волнения, и местное население, имея пред глазами сравнительно недавний пример печальных последствий при прекращении весной настоящего года беспорядков в гор. Батуме[2], где командированным в распоряжение гражданских частей войсковым властям пришлось прибегнуть к действию оружием, и будучи ввиду сего убеждено в том, что администрацией для подавления беспорядков будут приняты самые строгие меры, стало осторожнее проявлять чувства недовольства и исполнять предъявленные администрацией законные требования.

По данным произведенного дознания и имевшимся в распоряжении местной администрации сведениям, был составлен по соглашению с начальником Кутаисского губернского жандармского управления и и. д. прокурора окружного суда список лиц, участие коих в пропаганде представлялось несомненным и дальнейшее пребывание коих в уезде было бы крайне вредно и опасно. Согласно сему списку, управляющим губернией коллежским советником Калачевым было сделано постановление об арестовании 88 человек, в том числе трех сельских учителей и 12 лиц, состоящих под гласным надзором полиции за

---

[1] Несмотря на энергичное противодействие со стороны социал-демократии, крестьяне стали часто прибегать к террору. См. С. Т. Аркомед, Рабочее движение и социал-демократия на Кавказе (с 80-х гг. по 1903 г.), ГИЗ, стр. 143.

[2] В марте 1902 г. во время батумской стачки было убито 19 рабочих, много ранено, большинство участников преданы были суду.

участие в государственных преступлениях. Вместе с сим были устранены от должности и арестованы двое сельских старшин, умышленно недонесших об имевших место в их обществах незаконных сходках. Арестованные были высланы в Кутаис. Последовавшее тотчас после арестов ограбление помещика Подколзина, совершенное лицами, участвовавшими в распространении пропаганды, с ведома крестьян соседних обществ, побудило вице-губернатора потребовать от сих обществ выдачи виновников грабежа.

По возвращении из поездки в Сванетию 14 августа, военный губернатор генерал-майор Смагин в тот же день вторично выехал в Озургетский уезд и уже сам на месте руководил дальнейшими распоряжениями по прекращению волнения. Объехав Джуматское, Чочхатское, Микель-Габриельское, Хварбетское, Гуриантское, Басилетское, Двабзуйское и Ниготское общества, генерал-майор Смагин на сходках потребовал немедленного выполнения предъявленных ранее требований. Кроме того было предложено указать главных виновников пропаганды и угроз помещикам, выдать лиц, побудивших к удалению от помещиков прислуги из местных крестьян, выдать скрывшихся от полиции участников пропаганды; выдать покушавшихся на убийство помещиков князя Накашидзе и дворянина Цитладзе и, наконец, выдать убийцу дворянина Карцивадзе.

Все эти общества не только не исполнили требований, но упорно отрицали свою виновность, являясь заведомыми укрывателями преступников, почему из состава их немедленно были взяты под стражу 69 человек — наиболее выдающихся руководителей народной толпы, обращавших на себя внимание администрации. Арестованные не выразили протеста и большинство упорно молчали, и только в Микель-Габриельском обществе, во время обращения к ним речи, послышался среди них сдержанный ропот, причем один из арестованных жителей названного общества позволил себе резко выразиться по отношению к властям, за что он тут же на месте был подвергнут телесному наказанию.

Личное знакомство военного губернатора генерал-майора Смагина с положением дела и направлением пропаганды привело его к тому заключению, что на крестьян оказывают сильное влияние, между прочим, сельские учителя — пропагандисты, снабжаемые подпольной литературой, и отчасти малоразвитое духовенство. Немалым злом для малограмотных крестьян являются народные читальни, состоящие под наблюдением сельских учителей; читальни эти, не отвечая требованиям народным, служат местом постоянного сборища для подозрительных и неблагонадежных лиц и рассадников идей противоправительственного характера.

На общий ход движения беспорядков в Озургетском уезде было обращено внимание населения всех соседних уездов Кутаисской губернии, которое зорко следило за всяким проявлением протестов толпы и деятельностью администрации, выжидая результатов всего происходящего в названном уезде. Поэтому, в предупреждение могущего появиться брожения среди населения в остальной части Кутаисской губернии и для административного воздействия на жителей Озургетского уезда, я признал нужным принять следующие меры: назначить в 8 обществах Озургетского уезда, а именно: Ниготском, Чочхатском, Микель-Габриельском, Джуматском, Хварбетском, Гуриантском, Двабзуйском и Басилетском обществах правительственных старшин, с производством им жалованья в 300—400 рублей в год, каковое жалованье им уплачивать по раскладке общей суммы его на все 8 обществ, по числу дымов в каждом; 2) взыскать по раскладке с каждого дыма Джуматского, Чочхатского, Микель-Габриельского,

Хварбетского и Гуриантского обществ, окружающих поместье помещика Подколзина, ограбленные у него деньги, в размере около 5 тысяч рублей, в том случае, если эти деньги не будут добровольно возвращены; 3) закрыть все имеющиеся в Озургетском уезде библиотеки-читальни, впредь до проверки и приведения их в порядок и 4) содержать под стражею всех главных виновников беспорядков, впредь до окончания производящегося о них дознания в порядке положения о государственной охране и разрешения вопроса об административной их ответственности.

Благодаря вышеприведенным мерам, в настоящее время в Озургетском уезде, как видно из последних телеграфных сообщений губернатора, брожение постепенно успокаивается, но нельзя окончательно утверждать, что оно совершенно затихло. О дальнейшем ходе дела мною будет сообщено вашему высокопревосходительству впоследствии.

При сем имею честь присовокупить, что в случае обострения вновь волнения в названном уезде и перехода такового на другие уезды, мною будут приняты самые решительные меры.

Не лишним считаю отметить, что описанное брожение среди местного населения Озургетского уезда имеет связь с общим настроением не только остальной части крестьянского населения Кутаисской губернии, которая следила за каждым моментом проявления преступной деятельности озургетцев и выжидала благоприятного исхода, дабы примкнуть к общему движению, но отразилось и на крестьянском населении Тифлисской губернии. Так, из полученных мною от тифлисского губернатора сведений относительно настроения общей массы крестьянского населения Тифлисской губернии усматривается, что в начале августа до губернского начальства начали доходить слухи, преимущественно из помещичьей среды, о стремлении агитаторов возбудить в Горийском уезде и некоторых местностях Тифлисского и Телавского уездов среди крестьян движение против помещиков. На запросы вследствие сего управляющего губернией коллежского советника Алышевского тифлисский и телавский уездные начальники донесли, что в сих уездах до сих пор случаев пропаганды не замечалось. Что же касается Горийского уезда, то из донесений местного уездного начальника выясняется, что слухи о происшедшем брожении в Кутаисской губернии распространились по всему уезду и вызывают среди крестьян местами сочувственное к себе отношение...[1]

Произведенные еще весною настоящего года в Горийском уезде жителями селения Каралеты и Сатихари названного уезда беспорядки, для подавления которых пришлось прибегнуть к командированию войсковых частей, имеют в своем основании такое же точно враждебное настроение общей массы местного крестьянского населения, вытекающее из взаимных отношений крестьян к местным помещикам, какое выразилось в столь явной и стройной агитаторской форме в Озургетском уезде.

Общая масса крестьянского населения Горийского уезда, следя за ходом дела по прекращению беспорядков в Озургетском уезде и настроенная в глубине души на проявление открыто преступного своего стремления, с нетерпением выжидала окончания начатого брожения в этом уезде и, в случае успешного проявления озургетцами своей преступной воли, по всей вероятности, не замедлила бы также открыто выразить свой протест против местных помещиков.

Случайное совпадение с одной стороны того обстоятельства, что назначенные в командировку в Озургетский уезд войсковые части

---

[1] Опущена часть документа, в которой говорится об отказе селения Земо-Чала уплачивать драмовые деньги.

были расположены лагерем в м. Сураме, Горийского уезда, откуда они и двинулись для предупреждения беспорядков, с другой — быстро дошедшие в Горийский уезд слухи о том, что администрацией принимаются самые решительные и строгие меры к подавлению преступного движения среди населения Озургетского уезда, значительно ослабили возбуждение среди населения Горийского уезда. Этому же обстоятельству следует приписать быстрое согласие крестьян уплатить драмовые деньги духовенству.

Таким образом, хотя крестьяне Горийского уезда доныне не оказывают столь упорного нежелания платить сборы в пользу священников, как это имело место в Гурии, но тем не менее кутаисские события разносятся по уезду с большой быстротой и несомненно волнуют население. Случаев же явной пропаганды в уезде доныне не обнаружено.

Возвращаясь за сим к возникшему брожению среди жителей Озургетского уезда, к изложенному имею честь присовокупить, что настоящее движение не есть продукт какой-либо внезапной вспышки местного населения, а является результатом развившегося постепенно, под руководством тайной противоправительственной пропаганды настроения низшего класса местного населения...

Сенатор, генерал-адъютант князь Голицын.

Телеграмма начальника Кутаисского жандармского управления в департамент полиции, 13 сентября 1902 г.[1]

Зугдидский уездный начальник донес губернатору, что крестьяне князя Мингрельского на сходе заявили мировому посреднику, что не будут платить помещику за землю, ибо она казенная, а если до сих пор платили, то были обмануты. Земельные недоразумения крестьян князя Мингрельского, по заявлению администрации, возникали и прежде, а потому губернатор, не придавая особенного значения докладу, экстренно командировал члена крестьянского присутствия расследовать дело на месте. Результат дознания доложу почтой. Есть основание предполагать, что это дело пропаганды; взгляд разделяют губернатор и прокурор; хотя население вообще пассивно покорно, но в Озургетском уезде положение серьезное, здесь ни присутствие войск, ни массовый арест намеченных деятелей не остановил ночных сходов и пропаганды,— нужны решительные и быстрые административные меры, так как всякое промедление дурно истолковывается.

Генерал-майор Стопчанский.

Донесение начальника Тифлисского розыскного отделения в департамент полиции, 24 октября 1902 г.[2]

В дополнение к донесению моему от 17 сего октября с соображениями относительно причин крестьянского движения в Кутаисской губернии и степени участия в нем революционных деятелей, имею честь донести, что по сему поводу в десятых числах сего месяца Батумской социал-демократической организацией выпущены печатные прокламации на грузинском языке.

Прокламации эти, озаглавленные «Требования гурийских крестьян (для сведения правительству)», описывают вкратце бывшие беспорядки, а затем выставляют требования по семи нижеследующим пунктам:

---

[1] ДП, О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, л. 51.
[2] Там же, л. 67.

1) Чтобы крестьяне платили помещикам лишь 1/10 урожая и чтобы эту часть помещики сами бы свозили с поля.

2) Чтобы помещики не ловили бы на пастбищных местах крестьянский скот и за пастьбу не брали бы платы.

3) Чтобы помещики по проданным крестьянам землям не возбуждали бы тяжеб. В объяснение этого пункта имею честь доложить, что иногда случается так: помещик продаст крестьянам участок земли, а какой-нибудь его родственник заявляет потом, что это земля его, или общая с тем помещиком, что помещик не имел поэтому права ее продавать, и возбуждает судебный процесс с крестьянами, купившими землю.

4) Чтобы в ремонте общественных дорог принимали участие все (т. е. и помещики, и духовенство).

5) Освободить крестьян от платы священникам драмовых денег (деньги на содержание духовенства).

6) Понизить акциз на водку, чтобы население имело какой-нибудь доход от выкуривания местной виноградной водки [1].

7) Общественные работы распределить пропорционально количеству земли каждого.

Конец прокламации посвящен описанию беспорядков в Полтавской губернии, указанию связи между теми беспорядками и здешними и призыву к совместной борьбе в целях завоевания себе такого положения, каким пользуются заграничные крестьяне.

Ротмистр Лавров.

Заявление крестьян Озургетского уезда, Кутаисской губернии, в Кутаисское губернское жандармское управление, ноябрь 1902 г. [2]

За последнее время нас постигли неописуемые бедствия. Давно, как мы не имеем собственной земли в достатке и принуждены во избежание голодной смерти арендовать земли у местных землевладельцев-помещиков. Было время и то не так давно, что условия аренды были более или менее легкие: мы платили только одну десятую часть урожая и при том, что особенно важно, помещики сами отвозили себе следуемую часть; это факт и ясно из многих документов и теперь разбросанных по частным домам и сельским канцеляриям и, между прочим, из рапорта старшины сел. Микель-Габриели г. Кечгамадзе г. помощнику озургетского уездного начальника от 12 января 1875 года за № 1 на приказ упомянутого помощника начальника собрать сведения об отношении крестьян Микель-Габриельского общества к князьями Накашидзевым от декабря 1874 года за № 80, из чего видно, что свободные крестьяне-собственники за арендование земли платили одну десятину с урожая. Так было прежде, что многие из нас сами помнят. Но теперь времена переменились. Нас постигла какая то кара божия, и наше хозяйство быстрыми шагами пошло к упадку. Нас заставили платить пошлину — четверть со всего урожая, и это даже и в том случае, когда мы сами не получали никакого урожая, заставляли нас платить с фиктивного, предполагаемого обильного урожая, хотя об «обильных» урожаях давно не слыхать. Но что особенно тягостно для нас — это самим доставлять следуемую часть помещику.

Но наше бедствие шло еще дальше. Не имея выгона для скота, мы

---

[1] Крестьянство, страдая от малоземелья, вынуждено было заниматься винокурением, на что накладывался особый акцизный сбор.

[2] ДП, О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, лл. 78—80.

Заявление крестьян Озургетского уезда было послано по почте в анонимном письме на имя Кутаисского жандармского управления и получено 9 ноября 1902 г.

принуждены бываем платить помещику за пользование выгоном часто по стоимости животного, но помещики и их управляющие или моурави, не довольствуясь и этим, часто по произволу не дают нашему скоту пастись, ловят его, держат целыми днями без корму, пока не уплатим чего они запросят. Но что всего хуже, это моурави, которые являются представителями помещиков и, пользуясь таким положением, сдирают с нас последнюю кожу и на каждом шагу безнаказанно нарушают данные обязательства, например, передают арендуемую землю другому лицу, хотя она раз уже сдана, если только этот последний предлагает лучшие для него лично условия.

Раз так ухудшились условия труда, раз даже в неурожайные годы нас заставляют [платить] сообразно принятому обильному урожаю, хотя бы земля совсем пустовала, раз наше поколение возросло, не имея новых средств удовлетворения потребностей, сильно повысившихся за последнее время, очевидно при первой грозе природы мы должны были очутиться в безвыходном положении. И вот прошлогодний недород довершил наше бедствие, на кцеву земли (более одной трети десятины), которая обыкновенно давала 80—100 пудов кукурузы, не получили средним числом даже 20, а часто и совсем ничего, а между тем и то, что получили, взяли от нас землевладельцы, сами же оставались ни с чем.

Следствием того и была страшная голодовка, которая и ныне нас терзает. Во многих селах поголовно питались дикими яблоками, или яблочным соком, готовя из них нечто в виде каши, или питались прямо дикими растениями. Следствием этого было распространение разных болезней, а часто смерть безо всякого проявления болезни. Между тем об отвращении такой беды никто не заботился, даже обыкновенная в таких случаях продовольственная помощь не появилась.

А что все сказанное верно, можете сами лично удостовериться, но, конечно, не через низшую администрацию, которая истинное положение вещей почему то скрывает и о наших нуждах не доносит вам.

Не обращая внимания на наше положение, нас одних заставляют исполнять различные сельские повинности, напр., проведение дорог, хотя другие сословия более нуждаются во всем этом, более обеспеченные, вполне свободны от всего этого. В пользу священников, которые ни слова не вымолвят безвозмездно, но даже требуют втрое и вчетверо больше против законом положенного, нас заставляют платить драмовые деньги в размере 2 руб. ежегодно, хотя, смеем думать, закон не позволяет этого. Межевание земли, предпринятое по просьбе дворян-землевладельцев, распродавших свои земли, но за последнее время пожелавших различными хитростями снова выманить их у нас — крестьян, хотя у нас есть на это необходимые документы, удостоверяющие наше право; это межевание совершается исключительно на наш счет, хотя другие сословия более заинтересованные в этом по справедливости и должны быть прежде всего привлечены к несению необходимых на это издержек,— вполне свободны от этого. Но что особенно разорительно в данном случае,— это то, что каждый разумеется дворянин заявляет свои претензии на наши участки земель, хотя бы ни он, ни его предки не имели бы никакого отношения, и это не возбраняется. Между тем все это вызывает длинную судебную процедуру, которая уже и началась, и опять тяжелым бременем ляжет на нас. За последнее время выкуривание водки, которое вследствие обилия у нас вина и различных фруктов служит весьма важным подспорьем в нашей хозяйственной жизни, вследствие сильно повысившегося акцизного сбора, стало прямо невозможным и, таким обра-

зом, мы лишились этого очень выгодного для нас занятия...[1]. Мы окончательно разорены, а между тем от нас требуют, чтобы мы содержали на свои средства новоназначенных администрацией сельских старшин. Мы ни чем не подавали повода к такой по отношению к нам немилости. Мы только заявили о своих нуждах, об удовлетворении которых, думаем, всегда заботится правительство, если оно узнает их. Мы только шли по этому пути и уверены, что поступили вполне законно, между тем администрация присылает к нам новых старшин, совсем не знакомых с нашей жизнью, которые не могут служить народным интересам и сверх этого требуют материального их обеспечения в размере 400 руб. ежегодно. Несмотря на то, что терзаемые голодом, находясь в ужаснейшем положении, мы не находим средств на пищу и уплату государственных и иных налогов и страдаем недоимками...[2]. Несмотря на то, что никогда не думали и не думаем сопротивляться власти, нам наша администрация заявляет, что мы «бунтуем» и вместо удовлетворения наших неотложных нужд, отсылает нас в тюрьмы и подвергает даже телесным наказаниям.

Мы думаем, что правительство обратит серьезное внимание на наше бедственное положение и удовлетворит наши нужды, в противном случае мы не ручаемся за свои дальнейшие действия.

Ввиду того, что полиция нагнала на нас страх, мы не решаемся подписаться и уверены, что на это все-таки обратите серьезное внимание.

Донесение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе министру внутренних дел, 11 декабря 1902 г.[3]

В дополнение к секретному отзыву г. главноначальствующего, от 5 минувшего сентября за № 746, имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, что преступное брожение среди местного населения Озургетского уезда проникло в соседний Зугдидский уезд. Причины, вызвавшие волнение среди жителей этого уезда, те же, что и по Озургетскому.

Из полученных ныне донесений кутаисского военного губернатора усматривается, что административное расследование по поводу означенных беспорядков в настоящее время уже закончено и в обоих названных уездах установлен полный порядок. Главные виновники преступного волнения заключены под стражу, где генерал-майор Смагин признает необходимым содержать их впредь до окончательного разрешения вопроса об их административной ответственности.

Исправляющий обязанности главноначальствующего помощник его, генерал-лейтенант Фрезе.

Прокламация Батумского социал-демократического комитета, начало марта 1903 г.[4]

Гурийским крестьянам.

Вновь настало время борьбы и мы должны дать знать нашим врагам, что вы не спите, что уничтожить борьбу не могут ни шпионы,

---

[1] Пропущена жалоба крестьян на необоснованное обвинение крестьян помещиком Подколзиным в ограблении его.

[2] Опущены требования крестьян, которые изложены выше в других документах.

[3] ЦГИА, Ю. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, л. 83.

[4] Там же, лл. 86—87.

Воспроизведена с грузинского перевода, сделанного в Кутаисском губернском жандармском управлении.

Распространялась в первых числах марта 1903 г. в Хварбетском обществе.

ни наставление священников, ни правительственные нагайки, ни солдаты и ни темные сырые тюрьмы, что с поля битвы вас не могут прогнать проснувшиеся князья и дворяне и их сопричники: Л. Болквадзе и Квирелия Маргалитадзе и др., дайте знать, что вы в состоянии устоять против них и не сделаетесь угнетенными, будете бороться до тех пор пока не удалите ваших грабителей, которые сосут вашу кровь. Вы должны дать знать, что вы люди, что должны иметь человеческую свободу и поэтому борьба эта не так скоро окончится. Вы должны дать знать и почувствовать правительству, что движение ваше есть противник несправедливости, оно не окончится до тех пор пока не уничтожится несправедливость. Пусть знают, что вы не шутите, что для улучшения вашего быта вы все меры приняли.

Братья! Борьба эта обещает счастливую будущность. Соединитесь, протяните друг другу руку, составьте братский союз, тогда вас никто не победит. Будьте уверены, что единство есть сила, от которой враг не устоит.

Вспомните, как летом правительство струсило, освирепевший губернатор Смагин бегал во все стороны, как сумасшедший, и не знал, что делать[1]. Из этого можно заключить, что единство непобедимо: Приближается время обрабатывать поля, откажите в работе на землевладельческих землях, не работайте пока не удовлетворят ваше требование, условьтесь все вместе, тогда вы легко победите их вместе с правительством, которое невинных ваших братьев держит в тюрьмах, силою заставило вас уплатить драмовые деньги в десять раз больше, чем причиталось. Расставило войско по квартирам и готовились было пролить вашу кровь. Оно розгами избило вашего товарища-старика[2]. Правительство запретило выбирать из среды вас старшин и прислало взамен их своих шпионов, закрыло библиотеки, словом употребило всевозможные меры, дабы искоренить из ваших сердец надежду. Всячески старается как-нибудь вас помирить с землевладельцами, чтобы вы были рабами их и работали, как животные. Правительство говорит, что, где я нахожусь, там вы не смеете пикнуть. Ясно видно, что правительство ваш враг, грабитель, помогает землевладельцам, духовенству и тем, которые сидят за вами и сосут вашу кровь; душит разными налогами и лишает вас куска хлеба, и само на эти деньги блаженствует и строит для вас тюрьмы, содержит массу войск, целыми миллионами расходует на содержание шпионов, содержит жандармов, которые принимают всякие меры для уничтожения вашего умственного развития.

Но нет... Русский рабочий класс уже проснулся и объявил официально правительству свое намерение и успел уже пошатнуть русский заплесневший политический строй, и недалека та минута, когда уничтожится самодержавное правительство и будет существовать свобода,

Братья, не отставайте от борьбы, заявим протест на все действия правительства, присоединимся к нашим русским товарищам и вместе уничтожим сегодняшнего народного врага — правительство. Может быть борьба эта не обойдется без жертв, но ради святого дела должны пожертвовать.

Долой русское правительство!

Да здравствует трудящийся народ, борющийся за свободу!

Батумские социал-демократы.

---

[1] Рост крестьянского движения в Грузии заставил правительство поручить губернатору Смагину объехать все села Грузии и убедиться лично, как обстоит дело.

[2] Один из местных жителей, при объезде деревень ген.-майором Смагиным «позволил себе дерзко выразиться по отношению к властям», за что был подвергнут телесному наказанию тут же на месте.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 9 мая 1903 г. [1]

Сенакский уездный начальник, при отзыве от 5 сего мая за № 105, препровождая два красных флага, на одном из которых было приколото объявление на грузинском языке о свободе и чтобы крестьяне не обрабатывали помещичьих земель, уведомил, что означенные флаги были вывешены в ночь на 1 мая, на дереве в сел. Квишанчала, вверенного ему уезда, и что произведенным по этому делу приставом Абашского участка негласным расследованием виновных в изготовлении и вывешивании означенных флагов обнаружить не удалось.

Генерал-майор Стопчанский.

Донесение главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе в министерство внутренних дел, 20 мая 1903 г. [2]

Имею честь донести, что брожение среди крестьян Озургетского уезда, Кутаисской губернии, о котором сообщалось в отзывах от 5 сентября и 11 декабря 1902 г., еще нельзя считать успокоившимся: крестьяне большинства сельских обществ упорно отказываются обрабатывать земли помещиков, до того арендовавшиеся ими в течение многих лет; те крестьяне, которые возобновили или имели в виду возобновить арендные отношения, получают постоянные угрозы быть убитыми или подожженными. Угрозы выражаются в подбрасывании угрожающих писем, черных флагов с изображением гробов, в словесном запугивании рабочих и прислуги помещиков под страхом смерти отказаться от работ и услуг; эти угрозы становятся все настойчивее и за последнее время было несколько случаев поджогов.

Такое положение дела является результатом не столько экономических условий, так как крестьяне Озургетского уезда находятся, сравнительно, в хорошем материальном положении, сколько противоправительственной пропаганды; многие из крестьян заявили уездному начальнику на сходках, что они отлично сознают ненормальность подобного положения и тот вред, который они сами себе наносят, отказываясь обрабатывать помещичьи земли, но боятся приступить к работам, так как им постоянно угрожают какие то неизвестные лица.

Кроме тех восьми обществ, в которых обнаружилось брожение еще в прошлом году, замечается оно ныне в более резкой форме в обществах Амаглебском и Ждурукветском.

Подобное же брожение обнаружилось за последнее время и в Кулашском обществе, Кутаисского уезда; в распространяемых здесь прокламациях крестьянам внушается не брать в аренду помещичьих и частновладельческих земель, не выходить на дорожные работы и т. п.; при этом для поддержания движения пускаются все средства, до насилий включительно. В этом обществе все крестьяне поголовно отказываются от аренды земель, одни как участники стачки, другие же из боязни мести.

С наступлением мая месяца, времени начала полевых работ, когда должны производиться распашка и посев, главари и участники стачки стали действовать особенно вызывающе, не позволяя малоземельным крестьянам обрабатывать заарендованные земли... [3].

---

[1] ДП, О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, л. 97.
[2] Там же, лл. 108—110.
[3] Здесь опускается путанный рассказ о каких-то слухах о появлении замаскированных гурийцев, запугивавших крестьян.

В виду усиления пропаганды[1], кутаисский уездный начальник на собранном сходе разъяснил крестьянам, что принуждать заарендовывать и обрабатывать земли их никто не будет, но будут приняты самые строгие меры против тех крестьян, которые будут препятствовать какими-либо насильственными действиями желающим обрабатывать частновладельческие земли и что общество ни в каком случае не может рассчитывать на правительственное вспомоществование хлебом, раз недород произойдет по его вине... Увещания уездного начальника, повидимому, повлияли на часть Кулашского общества благотворно и со 2 мая некоторые крестьяне приступили к полевым работам, но с 8 мая таковые вновь были приостановлены, благодаря следующему случаю: мелкопоместному князю, Барнабе Микеладзе, 8 мая удалось призвать своего старого арендатора, крестьянина Лежаву, обрабатывать землю; Лежава явился с парою быков, а сам князь Микеладзе, выпросив пару быков у крестьянина Гегешидзе, стал работать совместно с Лежавою; крестьяне на такую совместную работу посмотрели косо, а один из них пригрозил Гегешидзе, сказав: «увидишь, что будет с твоими быками и с князем Микеладзе сегодня ночью»; Гегешидзе вследствие этого забрал своих быков к себе в тот же вечер, Лежава же, предполагая продолжать работу на другой день, оставил пару быков в хлеву кн. Микеладзе; ночью с 8 на 9 мая хлев этот был подожжен и сгорел вместе с быками.

Путем негласного дознания удалось выяснить пять человек главных виновников устройства стачки, распространения слухов, смущающих население, и разбрасывания прокламаций; эти пять человек заключены в тюрьму и против них будут приняты административные меры воздействия...

Исправляющий обязанности главноначальствующего,
генерал-лейтенант Фрезе.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 21 августа 1903 г.[2]

Сенакский уездный начальник, при отзыве от 14 сего августа за № 211, препровождая ко мне 35 печатных на грузинском языке противоправительственного характера прокламаций, из коих 3 — под заглавием: «Гурийские крестьяне»[3], 12 — «Товарищи», а 20 — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» изд. Кавказской Российской социал-демократической рабочей партии,— уведомил, что прокламации эти были найдены 10 сего августа в сел. Цкеми, Сенакского уезда, подброшенными во двор и наклеенными на воротах дворов жителей этого селения: священника Арсения Чалаганидзе, дворянина Дмитрия Коноплейшвили, Игнатия Купрейшвили и других.

Донося об этом департаменту полиции, имею честь присовокупить, что в виду циркуляра департамента полиции от 17 июля сего 1903 г. за № 2660, по изложенному выше делу возбуждается дознание в порядке 1035 ст. уст. угол. суд.

Полковник Власов.

---

[1] 19 мая 1903 г. в Озургетском уезде близ села Цихе была сходка крестьян, которой руководили члены Батумского с.-д. комитета (лица не указаны). (ДП, VII. 1903 г., д. № 1950).

[2] ДП, VII, 1903 г., д. № 2079, л. 4.

[3] «Гурийские крестьяне» — прокламация Батумского комитета РСДРП, распространялась в первых числах марта и 21 апреля 1903 г. в Хварбетском обществе, Озургетского уезда, Кутаисской губ.

Прокламация «Товарищи»! Кавказского Союза РСДРП.[1]

Довольно молчать, мучиться и подчиняться как животные, нужно [вести] борьбу ярую, неустрашимую и продолжительную. Борются неустрашимо во всех городах наши сотоварищи, борются сельские рабочие в Гурии, которые все вышли на поле битвы, где проливается кровь невинных рабочих; все тюрьмы наполнены молодежью — борющеюся. Из теплых мест ссылают в холодные места, разоряют семейства, где не мало проливаются слезы. Замечательные дни настали... Припомните, что было в Батуме в прошлом году, когда солдаты стреляли в несчастных рабочих; на станции ж. дор. Михайлово[2], как топтали рабочих; в гор. Баку, где все улицы были облиты кровью рабочих. Взгляните на соседей гурийцев, как они вступили в бой с землевладельцами, которые борются, чтобы улучшить свое положение. Вспомним действия правительства, как оно поступает с нашими тружениками и, защищая землевладельцев, оно оскорбляет вас, вас избивает нагайками, сажает в тюрьмы и ссылает в Сибирь. Правительство ради землевладельцев по селениям расставило войско, которое безобразничало и обесчестило у всех жен и дочерей. Отнимали все, не допускали, чтобы соседи друг к другу ходили. Назначили шпионов, платят им жалованье, эти шпионы устроили так, чтобы все соседи перессорились между собою, брат с братом, отец с сыном, сосед с соседом и т. д. Что может сделать правительственное оружие, которое давно покрыто ржавчиной, с честными тружениками, когда между нами существует единство и борются с несправедливостью? Здесь правительство является бессильным, не помогут ему шпионы Эристова и Джапаридзе и ни угрозы губернатора. После угроз губернатора один из крестьян снял свои лапти и обратился к губернатору со следующими словами: «По милости вашей кроме лаптей у меня ничего не осталось, и эти последние отдаю вам!» и действительно у нас ничего нет, хотя и имеем две-три десятины земли, но должны же прокормить семейство, уплатить государственные налоги, священнику драмовых денег; одним словом эти три десятины должны оправдать наши потребности. Но это разве можно? Взгляните на наших голодных жен и детей, которые цвета не имеют на лицах, а также на наши руки, покрытые ранами от работ, и что только достается нам за работу и то отнимает землевладелец для своих увеселительных надобностей. Вы не забывайте и того, что правительство никогда не спрашивает и не хочет знать о нашем положении, оно тогда только вспоминает, когда нужно взять ваши вещи для продажи и пополнения государственных налогов на постройку общественных дорог, нанять церковных караульщиков, а также тогда, когда приедет какой-либо чиновник и потребуется обывательская лошадь и человек для сопровождения его. С утра до вечера проливаем пот, дабы достать себе пропитание, но и тут встречается препятствие, в это время требуют людей встречать уездного начальника и если кто-либо не исполнит этот приказ, тот прямо попадает в тюрьму. Цветущему парню, которому нужно работать дома, а его берут в солдаты, который несколько лет страдает в сырых казармах и которого учат, чтобы он повиновался и заставляют убивать людей.

---

[1] Прокламация «Товарищи» Кавказского союза РСДРП распространялась в ночь на 7 февраля 1904 г. в сел. Зеда-Маклаки, Кутаисской губ. и 23 мая 1903 г. в Чохатури Озургетского уезда.

В мае 1903 г. распространялась прокламация «Положение гурийских крестьян», в Моранском сельском обществе в Сенакском уезде Кутаисской губ.

[2] 14 июля 1903 г. на ст. Михайлово забастовавшими рабочими были предъявлены требования: 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, принятие на работу уволенных рабочих и увольнение некоторых мастеров. Вместо удовлетворения требований рабочих, правительство направило против них воинскую силу, в результате чего были убитые и раненые.

Когда между ними, т. е. между соседями землевладельцами кровопийцами, бывают споры о существовании и наших же сыновей выводят и заставляют стрелять в нас и они поневоле должны стрелять, а то сами лишатся жизни. Вот какая наша жизнь! Какие муки мы принимаем, в каких оковах мы сидим. Довольно ждать, терпеть. Время присоединиться к борющимся и вместе стать, сбросить оковы и соединенной силой освободиться от рабства землевладельцев.

Да здравствует наше единство! Долой самодержавное правительство! Да здравствует свобода!

Имеретино-Мингрельский рабочий Комитет[1].

Сообщение главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе министру внутренних дел, 23 апреля 1904 г.[2]

Кутаисский губернатор, телеграммой от 21 сего апреля, сообщил мне, что около полуночи на 21 апреля администрацией Ланчхутского участка, Озургетского уезда, было получено сведение, что на переезде через железную дорогу, в полутора верстах от станции Ланчхуты, собирается сходка. Ввиду сего, полицейский пристав с помощником, четырьмя стражниками и старшиной немедленно туда отправились и там действительно застали шедшую толпу около 60 человек; на предложение остановиться и дать объяснение толпа не послушалась, затем бросилась на чинов полиции, нанесла удары стражнику, приставу и его помощнику; последнего свалили и отняли бывшую у него винтовку. Произведенными стражниками выстрелами убит один крестьянин, а другой ранен. Тогда толпа разбежалась и беспорядков больше не производила.

Генерал-майор Смагин, прокурор и следователь по особо важным делам немедленно выехали 21 апреля на место происшествия. Следствие ведется энергично; губернатор остается в Ланчхутах.

Об этом имею честь довести до сведения вашего высокопревосходительства, присовокупляя, что подробности будут мною сообщены дополнительно.

Сенатор, генерал-адъютант князь Голицын.

Из донесения начальника Тифлисского охранного отделения директору департамента полиции, 5 июня 1904 г.[3]

В Имеретии, Гурии и Мингрелии в селениях очень сильное брожение, но все прислушиваются к Гурии,— агитация идет большая в целях возбуждения к открытому противодействию властям; агитация укрепила в крестьянах сознание, что якобы русское правительство эксплоатирует их; по словам пропагандистов, в этом году может быть и ничего не будет, а на следующий год они расчитывают создать грандиозные беспорядки...[4].

Ротмистр Засыпкин.

---

[1] В мае 1903 г. Кавказский комитет РСДРП созвал конференцию в Кутаисе из представителей Батумской и Кутаисской организаций. Конференция постановила организовать три комитета: 1) Кутаисский, для работы среди рабочих Кутаиса, Чиатур, Ткибули и др. промышленных пунктов, 2) Комитет сельских рабочих Имеретии, 3) Комитет сельских рабочих Гурии. Кутаисский Комитет и комитет сельских рабочих Имеретии вскоре слились, образовав Имеретино-Мингрельский комитет.

[2] ДП. О. О., 1902 г., д. № 360, ч. 30, л. 157.

[3] ДП., О. О., 1904 г., д. № 5, ч. 19, л. 18 об.

[4] В это же время между пастухами — мегрельцами велась усиленная агитация по поводу уплаты за пастбище помещикам 50 коп. с головы вместо 1 р. 60 коп.

Из протокола дознания пристава Гуриантского участка, Кутаисской губ., 13 ноября 1904 г.[1]

Я, пристав Гуриантского участка, составил настоящий протокол о нижеследующем: старший стражник Насакиральского поста Григорий Бобровский сего числа в час пополуночи явившись, доложил мне, приставу, что он совместно со стражниками Захарием Гаврилюком, Якинтом Брегвадзе и Петром Цагарели вчера около 10 часов вечера, когда совершали обход по сел. Двабзу, от лавочника этого селения Порфирия Орагвелидзе узнал, что крестьяне в 7 часов вечера в большом числе тайком куда то пошли. Он, Бобровский, предполагая, что крестьяне собираются где нибудь на тайную сходку, тотчас же сам, с поименованными выше стражниками, пошел по двабзуйской проселочной дороге и вскоре при дороге за кустами обнаружил юношу лет 17, который, повидимому, был оставлен там для наблюдения за появлением полиции и сообщения об этом участникам сходки. Юношу этого, оказавшегося крестьянином Никифором Басилайшвили, они, стражники, взяли с собою. Далее, пройдя сто шагов, опять обнаружили при дороге тоже скрывшегося за кустом другого юношу, которому тоже предложили следовать за ними. Вслед за этим услышали чей то громкий голос. Он, Бобровский со стражниками направился туда, откуда был слышен этот голос, и когда приблизились к тому месту, увидели сидевшую на земле возле речки толпу людей, числом около 100 человек; тут один человек, стоя говорил по грузински, физиономии этого человека не видел... Когда он, Бобровский, со стражниками подслушивал пропагандиста, неизвестный юноша, задержанный после Никифора Басилайшвили, успел бежать и скрыться. Криком дал знать толпе знак о появлении стражи. В это время они, стражники, направились прямо к толпе, но оттуда стали производить выстрелы, повидимому из револьверов, направленные в них, стражников, на это они, стражники, ответили 6-ю выстрелами из берданок. Толпа быстро разбежалась; успели задержать на месте сходки крестьянина Акакия Бесарионова Гобронидзе (батумский рабочий)...[2].

Гуриантский участковый пристав К. Салакая.

Телеграмма начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 27 января 1905 г.[3]

Вчера в селении Дидзиханши, Кутаисского уезда, толпа крестьян около 4000 с криками и выстрелами двинулась по улице, ворвалась в школу, аптеку и сельское управление, изорвала портреты государя; встретившие толпу девять казаков и стражников, предупредив разойтись, произвели восемь выстрелов, коими был один убит и семь раненых, после чего толпа моментально разбежалась.

Полковник Власов.

Телеграмма начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 6 февраля 1905 г.[4]

4 февраля на квартиру пристава в Озургетах было сделано вооруженное нападение неизвестными злоумышленниками, произведено

[1] ДП, VII, 1904 г., л. № 3340, лл. 4—5.

[2] 13 декабря 1904 г. в сел. Шухуты Ланчхутского общества (Кутаисской губ.) состоялась сходка крестьян, на которую собрались крестьяне из других соседних сел. Руководителями этой сходки были находившиеся под негласным надзором полиции рабочие, высланные из Батума в 1902 г. за участие в стачках.

[3] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 95, л. 3.

[4] ДП, II, 1905 г., д. № 41, ч. 4, л. 2.

40 выстрелов, пострадавших нет; положение Озургет и уезда крайне опасно. Под впечатлением постоянных убийств и угрожающих убийством писем, местные власти бессильны, правительственные сельские старшины лишь номинальны, сессия окружного суда в Озургетах за невозможностью оградить отложена. Судебные следователи из опасения насилий, по словам прокурора, отказываются оставаться в городе и уезде; необходимы решительные скорые меры, губернатор в этом отношении солидарен с моим мнением.

Полковник Власов.

Телеграмма исполняющего обязанности главноначальствующего на Кавказе министру внутренних дел, 7 февраля 1905 г.[1]

Волнения и беспорядки в Батуме и Кутаисе и прилегающем к ним районе железнодорожной линии отразились с особою силой на продолжающемся, начиная с 1902 г., противоправительственном движении в Гурии. Положение дел в Озургетском уезде и окружающих местностях принимает характер восстания, выражающегося в открытом неповиновении властям, убийстве правительственных чинов, дворян, духовенства и лиц, революционному движению не сочувствующих. Население освобождается от присяги на верность подданства и присягает революционному комитету. Правительственные лица бегут. Все принимаемые до сих пор меры, не исключая и содействия войск, не дали результатов. В виду сего я, на основании 26 статьи Кавказского края, признал безусловно неотложным принять, в отношении населения Озургетского уезда и прилегающих к последнему сельских обществ Сенакского и Кутаисского уездов, Кутаисской губернии, и Батумского округа, Батумской области, чрезвычайные меры, именно: выделив для объединения действий означенный район из ведения кутаисского и батумского губернаторов, подчинить его командируемому с отрядом войск генералу, на коего и возложить как восстановление порядка, так и все гражданское управление на это время.

Сообщая об этом вашему высокопревосходительству для всеподданнейшего доклада, долгом считаю уведомить, что по обстоятельствам времени было бы крайне желательно, чтобы уезды Озургетский, Сенакский и Кутаисский и Кинтришский участок Батумского округа были объявлены на военном положении[2]. О последующем благоволите телеграфировать.

Генерал-лейтенант Малама.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 февраля 1905 г.[3]

Помощник в Батумской области от 14 сего февраля за № 201, полученным мною 17 февраля, доносит, что 7—8 февраля жители Нижне-

---

[1] ДП, II, 1905 г., д. № 41, ч. 4, лл. 8—9.

После отозвания Голицына, пока вновь назначенный наместник Кавказа Воронцов-Дашков находился в Петербурге, в ожидании правительственных инструкций, временное управление краем было возложено на помощника наместника по военной части генерала Малама.

[2] 21 февраля 1905 года было объявлено военное положение в Озургетском, Кутаисском и Сенакском уездах, Кутаисской губернии, и Кинтришском участке, Батумской области.

[3] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 85, л. 4.

[4] Получив отказ о выполнении требований, жители направились к Цмориссскому сельскому управлению и заставили управляющего участком Сергеева запечатать дверь сельского управления. В тот же день и таким же образом была запечатана дверь и Кедского сельского управления и были выброшены вещи старшины и писца из помещения сельского управления.

Аджарского уч., Батумской области, в количестве около 1000 человек явились в участковое управление упомянутого выше участка и предъявили требования[1] об уничтожении сбора по 30 коп. с дома на содержание правительственных старшин и управление сельских округов, об упразднении лесных объездчиков и отмены акциза на керосин[1].

Полковник Власов.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 20 февраля 1905 г.[2]

13 февраля сего года в 7 часов вечера, чиновник уездного Зугдидского управления Кедия, взяв с собою девять стражников, направился в сел. Кахаты Зугдидского уезда, где, по сведениям, полученным уездным начальником, должны состояться сходки крестьян с принесением присяги. Не доезжая 3-х верст до с. Кахаты, стражниками были задержаны два человека, при чем одного чиновник отпустил, как известного ему, а другого, неизвестного, взял с собою. По дороге задержанный стал просить освободить и его, обещая указать те дома, в которых будут происходить сходки. Прибыв в сел. Кахаты, задержанный указал четыре дома, где происходили сборища, при чем в последнем дворянин сел. Кахаты Ротия держал речь, ясно слышанную подошедшими к дому стражниками, Ротия говорил следующее: «Настало время освобождения, вам всем известно, что уже назначено новое начальство из нас же. В известный день и час всюду будут подняты единовременно флаги. К этому дню, хотя для нас наше новое начальство и приготовило оружие, но при недостаче его, надо будет вооружиться тем, что есть у вас и даже заостренными кольями с железными наконечниками. Полиция должна быть уничтожена, казенные места займутся нами. Войска здесь мало, а стража нам не страшна». После этих слов, чиновник Кедия, войдя в дом, задержал сходку, как и в первых трех домах, при чем обыском у некоторых крестьян были обнаружены кинжалы, а у Ротия был обнаружен револьвер. Лица, собравшиеся на сходки, при их обыске и задержании сопротивления не оказывали.

После задержания сходки в последнем доме, чиновник с двумя стражниками пошли дальше; на пути ими была встречена толпа человек в пятьсот, которая при виде стражников разбежалась; толпа направлялась к дому, где был задержан Ротия.

Сознание своего бессилия вынудило чиновника Кедия собрать всех арестованных в два дома, оцепить их имеющимися стражниками, а одного стражника командировать проселочной дорогой в Зугдиды к уездному начальнику за подкреплением. До шести часов утра было все спокойно. В это время прибыл пристав Шенгелия с четырьмя стражниками. Прибыв на место и задержав Ротия и еще пятнадцать человек, пристав остальных отпустил, убедив их не делать ничего плохого и тихо разойтись по домам. Арестованных повели в Зугдиды. Тут же скоро показалась толпа, которая с криком бросилась на конвой. Часть стражников с арестованными лицами шли далее, а пристав с пятью стражниками остановился, чтобы задержать наступающую толпу. Из толпы полетели в них палки и камни. Пристав стал их уговаривать остановиться и успокоиться. В это время послышался с двух сторон колокольный звон; конвой стал выбираться на шоссе, преследуемый толпой и сбегавшимся со всех сторон народом. Выйдя

[1] В г. Батуме керосин стоил 40 коп. за пуд, а в селениях Батумской области керосин стоил от 1 р. 20 коп. до 2-х рублей за пуд.

[2] ДП, О. О., 1905 г., л. № 2550, ч. 85, лл. 7—9.

на шоссе, стражники с арестованными лицами очутились окруженными со всех сторон толпою тысячи в три, тут были и подростки и старики и женщины, но не было ни одного человека с пустыми руками. Пристав много раз пытался успокоить собравшихся, но ему в ответ сыпались камни. Был послан чиновник Кедия с тем же поручением, но и его слова не подействовали на толпу. Видя наступающую критическую минуту, стражникам было приказано спешиться, передав лошадей трем коноводам; окружив в пешем строю арестованных лиц, они стали подвигаться тихо вперед; тут толпа стала наседать еще более. По приказанию пристава было дано три залпа из 10 винтовок вверх. Один залп на преследующую толпу, другой залп в сторону и третий тоже вверх над толпой, которая загородила дорогу. После последнего залпа из толпы раздались беспорядочные выстрелы и толпа, которая шла сзади, бросилась на стражников, за нею бросилась и передняя толпа. Боясь быть схваченными подавленной массой, оставив арестованных, стражники отошли в сторону от дороги, влево в лес. Тут двое стражников: Пертая и Кварасхелия, немного не успевшие выбраться, были схвачены за винтовки какими то лицами, которые стали бить их дубинами. Тут же из толпы раздались выстрелы, после которых Пертая упал, а Кварасхелия обливаясь кровью отскочил без шашки в сторону и стал стрелять. Пристав приказал открыть огонь всем стражникам. Выручив Пертая и Кварасхелию, стража стала отступать, преследуемая толпой версты три-четыре. Преследование толпы заставило сбиться стражников с дороги и они вышли совершенно в противоположную сторону от Зугдид. Лошадей отбить не успели; не найдено до сих пор четырех лошадей, найденные же испорчены, седла тоже все испорчены, подпруги подрезаны, бурки и башлыки взяты. Толпа сделала по стражникам 100 выстрелов. Стражники сделали приблизительно по толпе выстрелов 15 или 20. Из числа стражников двое ранены легко, из числа крестьян 5 убитых и ранено 8.

Полковник Власов.

Из прокламации объединенной социал-демократической организации студентов С. Петербурга, 21 февраля 1905 г.[1]

Российская социал-демократическая рабочая партия.

Вести с Кавказа. За последнее время общее недовольство современным экономическим и политическим строем приняло в Закавказьи огромные размеры, в особенности в пределах губерний Бакинской, Тифлисской и Кутаисской и Батумской области. Не говоря о рабочем движении в таких крупных центрах, как Баку, Тифлис и Батум, брожение охватило самые глухие уголки Закавказья, проникло в крестьянство и подняло его на ноги. В этом отношении поразительную картину представляет так называемая Гурия, самая западная часть Грузии, где еще три года назад возникло сильное движение среди крестьян на почве аграрных отношений (почти вся земля принадлежит помещикам, которые ставили крестьянам тяжелые условия за пользование землею). Крестьяне всюду прекратили работы. Помещики, живущие исключительно доходом с обширных поместий, кое-где пошли на уступки, большинство же обратилось к местной власти за помощью и предлагало свои услуги для подавления движения. Дворяне выслеживали пропагандистов и агитаторов, собирали о них сведения через своих агентов, строчили доносы и всячески побуждали

[1] Воспроизведено с гектографированного подлинника. Листок опубликован в «Пролетарской революции» № 12(35) в 1924 г.

администрацию к скорейшему принятию решительных мер; причем доблестное дворянство, ходатайствуя перед властью о защите его исконных прав от посягательства крестьян, усиленно хлопотало о выселении нескольких сельских обществ, а то и всех гурийцев поголовно в северные губернии России.

Администрация, воспользовавшись услугами добровольных сиятельных шпионов и сыщиков, деятельно принялась за искоренение крамолы: начались высылки лиц, аттестованных дворянами неблагонадежными, массовые аресты и избиения. Но репрессии только подлили масла в огонь. Нагайка, пущенная в ход, страшно ожесточила гордых гурийцев. Движение распространилось на всю Гурию и охватило Нижнюю Имеретию и часть Мингрелии (древнюю Колхиду). На репрессии население отвечало рядом убийств ненавистных дворян. Первыми пали несколько помещиков, отличавшихся особенно крутым нравом, и священник, считавший одной из пастырских обязанностей сыск. Помещики, охваченные страшной паникой, эмигрировали в город, где в трогательном единении с губернской властью измышляли способы умиротворения населения и вместе с тем, будучи охотниками ловить рыбу в мутной воде, через своих агентов легко сводили личные счеты с некоторыми из дворян, сваливая всю вину на «преступную организацию».

Между тем агитация среди сельского населения шла в самых широких размерах, сплачивая всех крестьян в мощную революционную силу. Изменилось заметно и соотношение сил. Теперь уже крестьяне диктуют помещикам условия, на которых они согласны обрабатывать их землю, и дворяне принуждены принимать эти условия,— в противном случае они рискуют остаться без всяких средств к существованию. Непокорные помещики подвергаются бойкоту: с ними прекращают всякие сношения, не нанимаются в услужение и т. д., чем и вынуждают их выселяться в город. Ни в судебные, ни в какое-либо административное учреждение никто из крестьян не обращается. Для решения всякого рода споров, тяжб и т. п. в селах выбирается комиссия для каждого отдельного случая. Строго преследуются воровство и пьянство: первое совершенно искоренено в Гурии. Среди крестьян распространяется масса листков, брошюр, прокламаций, которыми обильно снабжает население Батумский комитет, в ведении последнего находится все дело крестьянского движения в Гурии. Полиция не осмеливается показываться в селах. За последнее время очень участились убийства среди бела-дня, но никто из убийц не розыскан. Убит недавно участковый пристав, вызвавшийся с 300 казаков мигом умиротворить Гурию и получивший на это «благословение» от главноначальствующего. В Батуме убит офицер стражи, накануне отхлеставший нагайкой портового рабочего. Его бойкотировали даже после смерти. Закрылись все гробовые магазины, легковые и ломовые извозчики прекратили работу и не нашлось священника, который бы согласился отпевать покойника. И стражники во главе с предводителем дворянства взломали гробовый магазин, взяли гроб, и покойник был доставлен на кладбище под сильным конвоем казаков. Так же бойкотировали убитого в г. Озургеты богатого помещика, мирового посредника, известного в крае обер-шпиона. Для него гроб сколотили солдаты, они же и похоронили его, так как не только не нашлось священника, но даже близкие родственники не посмели явиться оплакивать покойника, а городское население не позволило хоронить его на городском кладбище. Убито также несколько шпионов, полицейских агентов, и предвидится еще целый ряд более крупных убийств.

Все эти террористические акты дело частной инициативы, но никак не организации. Наоборот, комитет принимает меры к устранению та-

ких способов борьбы. В правящих сферах края страшная паника. Пристава подают в отставку и обращаются в позорное бегство, начальник уезда не выходит из дому. Кое-где стражники отказываются стрелять. Интересно отметить, что и администрация прибегает к организованному террору, как к последнему средству. Недавно одним приставом организована шайка, задавшаяся целью истреблять агитаторов и вообще руководителей движения. Первой жертвой этой шайки негодяев пал товарищ Гиркелидзе. Доктора констатировали смерть от удушения, а кинжальная колотая рана была нанесена уже мертвецу. Организатору этой шайки уже объявлен смертный приговор и дни его сочтены.

В г. Озургеты извозчики забастовкой принудили товарищество, в руках которого находится извозный промысел, удовлетворить все требования. Там же закрыты местное городское самоуправление и городское училище: первое по настоянию населения, второе по распоряжению начальства в виду того, что ученики разорвали портрет государя.

Ныне все озабочены приобретением оружия. Все население вооружается, устраиваются облавы на стражников, солдат, казачьи разъезды и патрули, отбирают все военные доспехи, не причинив им никакого вреда. Носятся слухи, что в Гурии в скором времени будет экзекуция, но крестьяне мало об этом думают, с одной стороны это для них даже выгодно, как новый источник вооружения.

Как выше было сказано, крестьянское движение охватило часть Мингрелии (Сенакский и Зугдидский уезды) и Нижнюю Имеретию. Всюду крестьяне организовываются, батраки бастуют, земледельцы предъявляют помещикам требования, непокорные подвергаются бойкоту. Население вооружается... Полиция бессильна в борьбе с пробудившимся народом, ее деятельность в конечном счете сводится к задержанию неблагонадежных лиц, но этим, конечно, не остановить движения. Многого относительно вооружения населения и настроения в войсках нельзя сообщить по конспиративным соображениям. По всей линии Закавказской ж. д. начались стачки рабочих, в Кутаисе и его окрестностях имели место грандиозные демонстрации... [1].

Объединенная социал-демократическая организация студентов С.-Петербурга.

Из прокламации объединенной социал-демократической организации студентов Петербурга, 25 февраля 1905 г. [2]

...Все станции и линия ж. д. охранялись усиленным нарядом войск, вытребованных из Кутаиса, вокзалы временно превращены в казармы, тем не менее рабочим удалось снять рельсы между ст. Михайлово — Варварино, и паровоз свалился в кручу, воинский поезд был задержан на целые 2 суток. Требования рабочих были удовлетворены, и во многих местах приступили к работам. На ст. Самтреди 22 февраля забастовали рабочие жел. дорожного депо, к ним присоединились крестьяне окрестных деревень, была устроена грандиозная демонстрация, число демонстрантов простиралось до нескольких тысяч. Был ранен выстрелом из револьвера местный правительственный старшина (староста), был подожжен чей то магазин, распространившийся пожар уничтожил ряд лавок. Вытребованы из Кутаиса казаки, начальник уезда кн. Дадешкелиани прибыл, когда все уже разошлись по домам. В сел. Диди-Джизали во время демонстрации 26 января стражники

[1] Дальнейшая часть прокламации касается Воронежа.
[2] Воспроизведено с гектографированного подлинника, инв. № 20503.

дали залп, есть несколько убитых и раненых. По всей линии железной дороги попадаются воинские поезда, направляющиеся в Батум и другие пункты Гурии.

Объединенная социал-демократическая организация студентов С. Петербурга.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 6 марта 1905 г.[1]

Доношу департаменту полиции, что в минувшем феврале месяце, среди крестьян Горийского уезда, Тифлисской губернии замечается сильное возбуждение и недовольство против местных помещиков и чинов низшей сельской администрации. Одной из главнейших причин неудовольствия крестьян служит неурегулированность поземельных отношений, недостаток леса и пастбищ для крестьянского скота. Причины эти, существуя исстари, часто служили поводом к столкновениям крестьян с помещиками, но никогда еще не принимали массового характера. Ныне же события, происходящие в Гурии, нашли себе отголосок и сочувствие среди горийских крестьян и настоящее положение это можно считать очень серьезным, в виду того, что настроение крестьян представляет очень удобную почву для преступной противоправительственной пропаганды извне, на что уже имеются указания, между тем, как борьба с агитаторами почти немыслима, так как они, являясь местными уроженцами, временно работающими в отхожих промыслах на фабриках и заводах, могут во всякое время, не возбуждая подозрений, под благовидными предлогами возвращаться на родину и как более развитые люди влиять на своих односельцев, подбивая последних присоединять к своим чисто местным и экономическим требованиям, требования и политических прав. Такое появление тифлисских рабочих из местных уроженцев уже замечено во многих селениях Горийского уезда, как равно и замечено их влияние на крестьянскую молодежь, пока удерживаемую в пределах благоразумия авторитетом стариков.

27 февраля в селении Кавтисхеви состоялся обширный сельский сход — десять слишком селений Кавтисхевского сельского общества, в количестве около 2000 человек, явившихся на сход вооруженными чем попало. Прибытие на этот сход младшего помощника горийского уездного начальника Канделаки с полицейскими стражниками вызвало бурное неудовольствие толпы, потребовавшей удаления последних, и лишь после заверений Канделаки о том, что прибыл с мирными намерениями, толпа несколько успокоилась и на сходе, продолжавшемся несколько часов, составили письменный приговор, в котором за подписями большинства присутствовавших изложили свои требования в числе сорока трех пунктов, в общем касающихся уменьшения платы с крестьян на содержание школ и сельских должностных лиц и за требы духовенству, упорядочение их прав на пользование пастбищными местами и поливной водой, а также проселочными дорогами, проходящими через имения частных лиц и т. п. Толпа бурно потребовала немедленного удаления местного старшины и писаря сельского управления как лиц, замеченных в лихоимстве, и г. Канделаки — во избежание кровопролития удовлетворил это требование. Большая часть требований крестьян вполне справедливы, и удовлетворение их находится в пределах компетенции кавказского начальства, которому об изложенном сделан словесный доклад. Политических требований не было, за исключением требования о введении преподавания в школах на грузинском языке.

[1] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 20 лл. 1—2.

Подобного же рода сход состоялся и в селении Меджеврисхеви того же уезда, на котором толпа предъявила местному полицейскому приставу требования о закрытии меджеврисхевского приемного покоя, содержимого на средства крестьян, уменьшения платы на школы, содержание сельских должностных лиц и за требы духовенству. На обоих сходах толпа собиралась и расходилась с криками: «Да здравствует единство и свобода». Получены сведения о подобных же сходах, организуемых в других сельских обществах Горийского уезда... [1]

В виду изложенного и принимая во внимание, что у крестьян имеется много поводов к неудовольствию, вследствие их действительного стесненного положения, я полагал бы, что во избежание печальных событий, имевших место в Гурии, было бы весьма желательно командирование в уезд лица, хорошо знакомого с местным бытом, пользующегося доверием населения и стоящего независимо от помещиков, так как мировые посредники, происходящие частью из местных помещиков, не всегда относятся беспристрастно к справедливым жалобам крестьян...

Полковник Безгин.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 марта 1905 г. [2]

Дополнительно к донесению моему от 6 сего марта за № 1374, доношу департаменту полиции о продлении беспорядков в Горийском уезде; так, по полученным негласным сведениям, 2 марта, в селении Земо-Гоми Горийского уезда собралась сходка крестьян селений Земо-Гоми, Мохиси и Вака, в количестве до 600 человек, при чем на сходке этой было постановлено прекратить уплату податей помещикам и на содержание духовенства, начать бесплатное пользование помещичьими землями, пастбищами и лесами и ни по каким поводам не обращаться к содействию полиции и мировых судей, а разбирать свои дела через выбранных на сходке десятников, сотников и тысячников и постановление сходки держать в тайне под угрозой лишения жизни проболтавшегося.

Засим 5 марта в поле близ селения Михайлово состоялась сходка в количестве около 1000 человек, на которой составлено подробное же постановление, при чем принимавшие участие в сходке рабочие депо станции Михайлово пытались провести помимо чисто аграрных и требования политического характера...

Подобные же сходки происходили и в других селениях уезда, решения коих почти аналогичны с вышеприведенными.

Полковник Безгин.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 12 марта 1905 г. [3]

В ночь на 6 марта сего года офицер земской стражи Зугдидского поста капитан Зенченко, вместе с 14 стражниками прибыв в сел. Реки, приступил к обыску некоторых домов, в коих, по имеющимся у зугдидского уездного начальника сведениям, должно было быть обнаружено оружие и вредно действующие на население лица. Прибыв в означенное селение в час ночи и задержав после обысков 7 человек, капитан Зенченко должен был отказаться от дальнейших обысков,

[1] Далее опущены сообщения, не относящиеся к нашей теме.
[2] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 20, л. 4.
[3] ДП, УП, 1905 г., д. № 1281, лл. 3—4.

вследствие того, что крестьяне сел. Реки стали собираться к тому месту, где находилась стража с арестованными лицами, с требованием отпустить задержанных и самим удалиться. Тут же из толпы стали раздаваться выстрелы, кто то ударил в церковный колокол, после чего толпа стала быстро увеличиваться. Боясь быть окруженным окончательно, офицер стражи, дав залп вверх, рассчитывал этой мерой устрашить крестьян следовать в м. Зугдиды. Не получив желаемых результатов и видя, напротив, еще большую настойчивость со стороны населения, боясь повторения случая, бывшего в сел. Кахаты того же уезда (донесение мое департаменту полиции за № 656), офицер стражи, двинувшись вперед, приказал стрелять уже по толпе. Результатом сего было двое раненых крестьян, при чем один смертельно — умер на другой день, жизнь другого раненого находится в опасности. Преследуемый толпою офицер стражи на рассвете прибыл в м. Зугдиды, откуда была послана ему навстречу полусотня казаков. Приближение последней заставило крестьян прекратить преследование и разойтись. Произведенное по сему поводу дознание, согласно словесного предложения прокурора Кутаисского окружного суда, передано на месте производства судебному следователю по особо важным делам.

Полковник Власов.

Телеграмма исполняющего должность главноначальствующего на Кавказе министру внутренних дел, 9 марта 1905 г.[1]

По полученным до сего числ сведениям в Кутаисской губернии сожжено тринадцать сельских канцелярий в том числе: в Шорапанском уезде семь[2], в Сенакском пять, в Зугдидском одна, церковь сожжена одна в селении Квалити, Шорапанского уезда. Поджоги сельских канцелярий продолжаются. Население принуждает сельских должностных лиц оставить службу. Кроме ранее посланных в Кутаисскую губернию войск, 8 марта в Шорапанский уезд отправлен отдельный отряд из батальона пехоты и сотни казаков.

Генерал-лейтенант Малама.

Прокламация Тифлисского комитета РСДРП, 24 марта 1905 года[3]

К карталино-кахетинским крестьянам.

Крестьяне селений, рабочие!

Теперь вы уже заметили какую имеет силу крестьянское объединение, что значит их движение и сознание. Пока вы, не заглядывая вверх, работали, наши помещики отдыхали на ваших плечах и расклевывали[4] вас. Но теперь когда вы проснулись и сообща объявили помещику: довольно, чаша терпения переполнилась — они испугались и во многих местах начали с вами мириться и уступать. Возможно, что они некоторые ваши требования удовлетворят на самом деле, но кто поручится за то, что через некоторое время они слово свое не возьмут обратно и не будут поступать с вами по старому. За это может поручиться только одна сила и этой силой являетесь опять таки вы, ваша солидарность и движение. А если вы после первой же вашей победы укротитесь и заснете, ваши враги воспользуются этим и опять поставят вас на прежнее положение. Чтобы этого не было,

[1] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 85, л. 15.

[2] По сообщению начальника Кутаисского ГЖУ от 6 марта 1905 г. в Шорапанском уезде крестьянами сожжено 16 сельских правлений.

[3] ДП, О. О, 1905 г., д. № 5, ч. 11, лит. А, л. 11. Воспроизведено с перевода, сделанного Тифлисским охранным отделением.

[4] Так в подлиннике.

неизбежно следует укоренить в вас сознание пользы движения и поставить его на собственный прочный фундамент. Таким фундаментом может служить объединение с городскими рабочими и вступление в тесный союз с рабочей партией под знаменем социал-демократов. Только социал-демократическая партия стремится к освобождению каждого рабочего и к уничтожению всякого рабства. Только одна социал-демократия является настоящим защитником интересов рабочих и деятельным борцом с их врагами.

Целая Россия, рабочие целого мира объединяются под знаменем социал-демократов, составляют одну общую постоянную армию и готовятся к уничтожению существующих несправедливостей. Соединитесь и вы с вашими собратиями, подайте руку рабочей партии, заключите с нею союз и отправляйтесь вместе на поле битвы.

Для такого объединения необходимо ввести организацию — и насколько возможно устроить так: создать круги, в каждом по 10 человек, члены круга выберут одного десятника, десятники выберут сельского представителя, а несколько сельских представителей выберут представителя общества, собрание последних составит союз района, представителя которого назначит Тифлисский комитет. Таким образом вы войдете в союз с Тифлисским комитетом, а через него и с целой рабочей партией. Только с такой организацией вы можете поставить ваше движение на прочный фундамент.

Теперь, как мы узнали, вашим движением пользуются неизвестные, которые приходят к вам, говорят фальшивые речи и от нашего имени собирают деньги. Остерегайтесь их, не давайте им ни гроша. Тифлисский комитет не собирает денег там, где нет организации. Только посредством организации можно избавиться от обманщиков и принимать настоящего представителя Комитета.

Значит возьмитесь теперь же за составление организации, заключение тесного союза с Тифлисским комитетом и за сознательное отношение к движению.

Остерегайтесь также и тех, кто проповедует вам жечь дома, уничтожать имущество и рубить лес. Разве вы потому бедны, что существует лес, что построены дома. Совсем нет, причина та, что это богатство принадлежит не вам, а другому, потому следует не уничтожать его, а возвратить народу, чтобы вами созданное богатство оставалось у вас же. Об этом вот и старается рабочая партия и предлагает вам союз.

Да здравствует социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует союз сельских рабочих с городскими рабочими!

Тифлисский комитет.

Донесение начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 5 апреля 1905 г.[1]

Доношу департаменту полиции, что по полученным сведениям в селениях: Енисели, Вачнадзиани и других Телавского уезда[2], взволновавшиеся крестьяне закрыли свои сельские канцелярии, школы и лавки, настаивают на том, чтобы все имеющиеся в селениях чиновники, состоящие на государственной службе, удалились бы из селений, и требуют от помещиков права на бесплатное пользование их лесами и землями.

Полковник Безгин.

---

[1] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 20, л. 10.
[2] Тифлисской губернии.

Из донесения начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 26 апреля 1905 г.[1]

16 апреля в сел. Тирзниси Горийского уезда была назначена полусотня 2 Полтавского казачьего полка в виде экзекуции, так как крестьяне означенного селения отличались во время аграрных беспорядков в уезде особенным упорством. Отправление экзекуции, помимо вышеприведенного мотива, вызывалось и просьбой местного помещика Николая Сулханова, поддержанной уездным предводителем дворянства князем Багратион-Давыдовым, в виду того, что крестьяне были крайне враждебно настроены против помещика Сулханова и можно было опасаться за разгром его усадьбы, тем более, что осенью 1904 г. у него было подожжено много хлеба, а в текущем году электрическая станция и забор. Неприязненные отношения с крестьянами у Сулханова возникли на почве земельных споров...[2]

Прибывшая вечером 16 апреля полусотня казаков под командой Есаула Москаленко, в виду враждебного настроения крестьян, остановилась на ночлег во дворе усадьбы Сулханова, а на другой день утром Есаул Москаленко дал приставу Аматуни письменное требование о сборе с жителей провианта и фуража, хотя у него таковой имелся от помещика на этот день и он имел обещание получить таковой и на следующий день. Пристав Аматуни взял с собой местного помощника старшины и 14 казаков, с которыми отправился на фуражировку. Собрав беспрепятственно требуемое с жителей верхней части селения, он отправился в нижнюю часть, населенную исключительно крестьянами из рода Тетунашвили, состоящими в неприязненных отношениях с Сулхановыми из-за поземельных споров, где встретили толпу с дубинами и камнями, предводимую Александром Тетунашвили, которые стали шуметь и размахивать с угрозами дубинами; уговоры на толпу не действовали и, когда казаки стали разгонять ее плетьми, то крестьяне ринулись вперед, смяли пристава и помощника старшины, нанося им и казакам удары камнями и дубинами, а несколько человек пытались вырывать ружья у казаков, при чем из толпы раздались два выстрела из револьвера, не причинившие никому вреда. Казаки сначала отбивались прикладами, а затем открыли одиночный огонь, сначала в воздух, а затем, видя, что это не помогает, выпустили по толпе 34 выстрела, при чем убито семь человек, в том числе Александр Тетунашвили, ранено трое. После этого толпа разбежалась...

Полковник Безгин.

Прокламация Тифлисского комитета РСДРП (10 июня 1905 г.)[3]

К Борчалинским крестьянам[4].

Крестьяне!

Во всех местах нашей страны ныне бедность достигла крайнего положения, изнуренный народ мучается в холоде и голоде, на бесполезную войну расходуются народные миллионы и их любимые сыновья сотнями тысяч становятся жертвами японских пуль. Кто сделался причиной всего этого. Русское самодержавие, ради сохранения смешного царского венца.

---

[1] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 20, л. 19.

[2] Далее опущена часть донесения, где описываются споры крестьян с помещиком. Это сообщалось выше.

[3] ДП, О. О., 1905 г., д. № 5, ч. 11, л. А, л. 34. Воспроизведено с перевода, сделанного в Тифлисском охранном отделении.

[4] Тифлисской губернии.

Восстал народ в городе и селах против самодержавия, желая сбросить с себя тяжелое царское ярмо, и растерянное правительство, чтобы продлить существование царского престола, начало прибегать к крайним мерам, оно стало возбуждать татар против армян, русских против евреев и темных людей против образованных. Как раз в это время разные люди армянского революционного комитета «Дашнакцутюн», лишенные ума и состояния, называющие себя националистами, бродят по селениям Борчалинского уезда и для более успешного ведения их дела, обращаются к более почетным лицам селения, предлагая им быть членами организованного ими в каждом селении комитета. А вы знаете, кто в селении является почетным лицом? Помещики, богатые землевладельцы и сельские должностные лица... И вот составленный из этих лиц комитет управляет селением и ведет дела комитета «Дашнакцутюн».

Крестьяне Гурии и России восстали против помещиков и сельских должностных лиц, стараются изгнать из своей среды этих вредных лиц, а «Дашнакцутюн» у нас в Борчалинском уезде назначает членами тех же лиц, которые сдирают кожу с бедных крестьян; при сборе казенных податей, если у кого-либо не окажется денег, отбирают у него последние вещи и продают барышникам.

Теперь мы спрашиваем вас, братья крестьяне, не так ли они поступают с вами? Чем отличаются они от стражников, казаков, приставов и уездных начальников?

Крестьяне! Опомнитесь! Узнайте с кем вы имеете дело. Поймите хорошенько, что вы делаете. Неужели вы не читали, что, когда в Александрополе собрались рабочие для обсуждения своего положения, члены этого же комитета «Дашнакцутюн» оружием разогнали их; такое же геройство проявили они и в Карсе. Таких фактов столько, что и перечислить всех нельзя.

Крестьяне! Мы убеждаем вас отворачиваться от таких ложных людей, узнайте, кто ваш доброжелатель и кто ваш враг. Неужели доброжелатель тот, который отбирает от вас последнюю копейку, оставляет вас голодными. Поймите, что мы все бедные, угнетенные имеем одного общего врага. Оставьте тех, кто вас сбивает, присоединитесь к вашим товарищам городским рабочим, восстаньте против царя и его правительства и соберитесь под красным знаменем социал-демократов. Социал-демократия та партия, которая защищает всех угнетенных.

Значит долой ваших обманщиков!

Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия!

Да здравствует крестьянское движение!

Долой царское самодержавие!

Да здравствует демократическая республика!

Долой капитализм!

Да здравствует социализм!

Армянский рабочий.
Борчалинский район Тифлисского комитета.
Типография Тифлисского комитета.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 8 августа 1905 г.[1]

31-го минувшего июля, в 10-ти верстах от м. Гагр, состоялось противоправительственная сходка свыше 300 человек мингрельцев и абхазцев. Предмет обсуждения сходки не выяснен, но во время дви-

[1] ДП, О. О., 1905 г., д. № 4593, л. 2.

жения толпы студент нес красный флаг с надписью «Долой самодержавие, да здравствует свобода». Сходка была рассеяна заведывающим полицейской частью станции с казаками и стражниками без употребления в дело оружия. В виду противоправительственного характера сходки мною вместе с сим возбуждено об ее участниках дознание в порядке 1035 ст. уст. угол. суд.

Ротмистр Ушинский.

Донесение начальника Тифлисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 17 августа 1905 г.[1]

8-го сего августа крестьяне селения Греми Телавского уезда, вооружившись дубинками, препятствовали инженерам производить размежевание казенной земли; для содействия инженерам была послана полусотня казаков Черноморского казачьего полка, на которых крестьяне набросились с дубинами, бросая в них камнями; вследствие чего казаки открыли по толпе огонь, при чем убито четыре и ранено десять человек крестьян.

Об изложенном доношу департаменту полиции.

Подполковник Галицинский.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 22 августа 1905 г.[2]

Пристав Амбролаурского участка, Рачинского уезда, при отношении от 12 сего августа за № 961, препроводил ко мне протокол, составленный им 7 сего августа, из которого видно, что 3 апреля сего года (в воскресный день) все крестьяне Никорцминдского и Велевского обществ, Рачинского уезда, собравшись в сел. Агара, подняли красный флаг и с пением и криками: «Долой самодержавие, долой государя» пронесли через селение Челиагеле в сел. Хотеви, Никорцминдского общества, и затем разошлись.

Донося об этом департаменту полиции, имею честь присовокупить, что по изложенным выше обстоятельствам при вверенном мне управлении возбуждается формальное в порядке 1035 ст. уст. угол. суд.,— дознание.

Вр. и. д. начальника управления подполковник Шабельский.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 29 августа 1905 г.[3]

По полученным агентурным сведениям, подлежащие призыву в настоящем году новобранцы Кутаисской губернии, революционным комитетом, в некоторых местностях Кутаисской губернии, приведены к присяге с отобранием от них подписок на предмет неявки на сборные пункты для вынутия жребьев. Кроме того, по тем же сведениям, как выше упомянутые новобранцы, так и все жители Кутаисской губернии снабжаются комитетами оружием для оказания сопротивления правительственным чиновникам. Оружие для этой цели получается из разных мест России и из-за границы и отбирается у некоторых местных помещиков.

Полковник Николаев.

---

[1] ДП, О. О., 1905 г., д. № 2550, ч. 20, л. 22.
[2] ДП, VII, 1905 г., д. № 5330, л. 3.
[3] ДП, О. О., 1906 г., д. № 2, ч. 23, л. 3.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 3 сентября 1905 г.[1]

Пристав Абашского участка, отношением от 28 минувшего августа за № 154 сообщил мне, что 26 минувшего августа по распоряжению Сенакского уездного начальника при Кватанском сельском управлении был созван сход из Кватанского, Суджунского и Абашского сельских обществ, для выбора прдставителя в уездное совещание по случаю введения в Кавказском крае земства[2], на каковой сход явилось до 3000 человек. На сход этот прибыл также житель м. Ново-Сенаки Виктор Тевзая и, обратясь к народу, стал говорить, что сход созван не по распоряжению администрации, а по распоряжению новой организации, объясняя при том, что введение земства ныне бесполезно, так как оно не удовлетворяет требований народа. Советовал также не обращаться к правительственным учреждениям и к должностным лицам, а напротив вести с ними борьбу. По окончании речи толпа с красным флагом, на котором было написано по грузински: «Долой самодержавие, да здравствует социал-демократическая партия», двинулась по базару, произведя несколько выстрелов, и затем разошлась.

Донося об этом департаменту полиции, имею честь присовокупить, что по изложенным выше обстоятельствам возбуждается формальное в порядке 1035 ст. уст. угол. суд дознание.

Полковник Николаев.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 7 сентября 1905 г.[3]

Пристав Абашского участка, Сенакского уезда, отношением от 30 минувшего августа за № 155, сообщил мне, что 28 августа сего года в Наесаковском обществе был созван соединенный сход из обществ Маранского и Гулекарского в целях выбора представителя для участия в совещаниях по случаю введения в Кавказском крае земских учреждений. На сход этот собралось до 300 человек, куда также явились жители Сенакского уезда: Кватанского общества, Илорского общества и Маранского общества, которые вели на сходе пропаганду, советуя народу вести борьбу против верховной власти и существующего ныне в империи государственного строя, оказывая им всевозможное сопротивление. В толпе был выкинут красный флаг, с надписью на грузинском языке: «Долой самодержавие, да здравствует социал-демократическая партия!» После речей, сказанных агитаторами, толпа разошлась, производя выстрелы.

Донося об этом департаменту полиции, имею честь присовокупить, что по изложенным выше обстоятельствам при вверенном мне управлении возбуждается формальное в порядке 1035 ст. уг. суд. дознание.

Полковник Николаев.

---

[1] ДП, VII, 1905 г., д. № 5648, л. 2.

[2] Вопрос об учреждении на Кавказе земского управления разрабатывался в канцелярии наместника. Было решено создать земство по типу действующих в России, согласно положению 1864 года. Прежде, чем выработать твердые правила земства на Кавказе, решено было предварительно начать разработку вопросов путем совещания с представителями населения. Но совещание, едва начав работать, вскоре прекратило свои занятия.

[3] ДП, VII, 1905 г., д. № 5904, л. 2.

Донесение начальника Кутаисского губернского жандармского управления в департамент полиции, 15 сентября 1905 г.[1]

Пристав Абашского участка, Сенакского уезда, отношением от 7 сего сентября за № 161, сообщил мне, что 6 сего сентября в сел. Наесаково, Сенакского уезда, была сходка из жителей селений Наесаково и Цилори в числе до 600 человек. На этой сходке присутствовал также известный пропагандист Виктор Тевзая, который произнес речь на тему о низвержении верховной власти и существующего в империи государственного строя, советуя слушателям собирать деньги для покупки оружия с целью оказания вооруженного сопротивления властям и войскам. Речь закончил словами: «Долой самодержавие! Долой правительство! Да здравствует социал-демократическая республика». По окончании речи публика разошлась, обещав оратору Тевзая собрать деньги для покупки оружия.

Донося об этом департаменту полиции, имею честь присовокупить, что по изложенным выше обстоятельствам при вверенном мне управлении возбуждается формальное, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд. дознание.

Полковник Николаев.

Прокламация Тифлисского комитета РСДРП, 31 октября 1905 г.[2]

Российская социал-демократическая рабочая партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
К солдатам.
Чего требуют гурийцы?

Солдаты, вас посылают в Гурию и рассказывают вам разные сказки о ней, будто бы гурийцы и весь Кавказ хочет отложиться от России и образовать свое государство. Вы должны знать, что это чистейшая ложь. Гурийцы — грузины-христиане,— бедные крестьяне, как и вы, но только более просвещенные; у них много школ и они почти все грамотные. Благодаря этому они давно сознали свое положение и давно уже начали вести борьбу с помещиками. В феврале месяце этого года правительство послало в Гурию Крым-Гирея, теперешнего помощника наместника Воронцова-Дашкова, узнать требования гурийцев. Крым-Гирей объехал всю Гурию и на больших собраниях депутаты народа говорили о своих нуждах.

Вот требования гурийцев, выставленные пред Крым-Гиреем и напечатанные во всех газетах. Крестьяне селения Ланчхуты заявили следующее: «Человек не может жить без хлеба, а чтобы был у крестьянина хлеб, ему необходима земля. Если вы посмотрите кругом, вы скажете, сколько здесь земель, обрабатывайте их и живите. Правда, земель то много, но они не принадлежат нам, это все помещичьи и казенные; поэтому мы вынуждены работать на чужой земле и платить очень высокую аренду. Помещики, конечно, стараются взыскать с нас возможно больше и, пользуясь нашим бедственным положением, заставляют отдавать им половину всего урожая. Но этого мало, мы должны прежде всего их половину свезти туда, куда они укажут, а наша остается на поле на произвол судьбы. И как только наш скот они увидят на своей земле, они его убивают или загоняют и мы должны выкупать его за дорогую цену. Но мы люди и хотим жить по людски. При отмене крепостного права все наши лучшие земли были

[1] ДП, VII, 1905 г., № 5652, л. 2.
[2] ДП, О. О., 1906 г., д. № 13181, лл. 6—10. Воспроизведено с типографского подлинника.

отобраны и отданы помещикам, а нам оставили клочки земли, так называемые наделы и сказали: «выкупайте их». Как же это? Земля создана богом. И если господа имеют свою долю, почему же мы не должны иметь ее. Но мы не образованы и нас все время все обманывают. Теперь мы уже прозрели и видим всю несправедливость.

Мы требуем возвращения тех денег, которые были уплачены крестьянами за выкуп наделов, а тем, которые еще не выкупили их, наделы должны быть отданы в полную собственность бесплатно».

Крестьяне селения Хидистави заявили: «Тяжелым бременем на нас лежит солдатчина. Молодых, здоровых парней отрывают от семейств и запирают на четыре года в казармах. Дома остаются одни больные и старики. Рабочие руки уходят. Мы принуждены помогать солдатам и деньгами; каждому семейству это обходится от 60 до 120 руб. в год, так как наши солдаты не могут привыкнуть к казарменной пище и холодам. Но этого еще мало, мы до сих пор думали, что войско нужно для защиты нас самих; что наших детей обучают бороться с внешними врагами; но это далеко не так; оказывается, враги государства — это мы; и вот наших сыновей заставляют итти против нас. Наши сыновья и братья должны проливать нашу кровь, как уже и пролили на улицах Петербурга и во многих других местах. Мы находим все это несправедливым и поэтому требуем уничтожения постоянного войска и вооружения всего народа; а когда нужно будет бороться с внешними врагами, мы все будем защищать Россию до последней капли крови».

Крестьяне селения Суреби заявили: «С нас берут подати и расходуют наши деньги как хотят и нас об этом не спрашивают. Возьмем, например войну с японцами — сколько богатства, сколько народу поглотила эта война. И разве она была начата из-за нужд народа? Что же было у нас с японцами спорного? Разве знают наши братья-солдаты, почему они борются, почему они проливают свою кровь? Этого они не знают и знать не могут. Это потому, что правительство держит их четыре года в казармах и притупляет там их разум и чувство. Сколько богатств потонуло в океанах. Сколько богатства уничтожали сами генералы при отступлении. И все это было создано нашими рабочими руками. Неужели все это справедливо и по-христиански? Говорят, что там на войне расходуют два миллиона рублей в день. Не лучше ли было бы все эти деньги расходовать на образование, на школы и тем улучшить наше положение. Если же родина будет в опасности мы все выйдем на ее защиту».

Прошу вас объяснить, как смотрит на наше движение правительство.

Крым-Гирей отвечает: «В Петербурге не знаю, но здесь главноначальствующий думает, что причина движения гурийцев — их бедственное положение».

Депутат народа: «Я знаю, что чиновники распространяют среди солдат и народа ложный слух, что мы хотим отделиться от России. Это ложь, это гнусная клевета, наше движение неразрывно связано с всеобщим рабочим движением. Мы со всеми русскими рабочими боремся с существующим строем для улучшения своего положения. Нам все рабочие братья».

Крым-Гирей: «Нет я не вижу у вас желания отделяться от России. Казаки и солдаты бьют народ и в Петербурге».

Депутат народа: «Особенно с тех пор как в Петербурге и других городах так бесчеловечно пролили кровь тысячи рабочих и теперь каждый день проливают, мы не можем доверять нашему правительству и оно никогда нашу жизнь не улучшит. Облегчить наше положение может только то правительство, которое будет избрано самим

народом. Поэтому мы требуем созыва Учредительного собрания, т. е. депутатов, выбранных всем народом. Нам нужно народное правительство.

Во всех деревнях Гурии были предъявлены Крым-Гирею требования.

1. Возвращение выкупных платежей крестьянам, несправедливо взысканных с них.
2. Отдача всем казенным крестьянам наделов безвозмездно в полную собственность.
3. Отобрание имений у монастырей и казны и отдача их народу.
4. Введение подоходного налога, т. е. тот должен больше платить, у кого больше дохода, а те, доходы которых не превышают 500 рублей, должны быть совсем освобождены от казенных налогов.
5. Уничтожение косвенных налогов (акциза).
6. Бесплатное обучение детей обоего пола до 16-тилетнего возраста.
7. Свобода слова, печати, собраний и стачек.
8. Неприкосновенность личности и жилища.
9. Отмена паспортов.
10. Уничтожение постоянного войска и замена его народной милицией.
11. Выборные народом судьи и ответственность перед народом чиновников.
12. Освобождение и возвращение всех политических арестованных.
13. Созыва народных представителей (Учредительное собрание).

Солдаты, вот чего требуют гурийцы! Вот за что они борются сейчас. И за это борются не одни они, вся Россия, весь русский народ. Некоторые из этих требований признал сам царь в манифесте 17 октября, пункты 7 и 8 «Свобода слова, печати, собраний, стачек, неприкосновенность личности».

И когда ваши офицеры и начальники говорят, что гурийцы восстали, чтобы отделиться от России, вы скажите им, что это наглая ложь.

И вот, вы идете убивать тех, которые борются и за вас и за весь рабочий народ.

Солдаты, не стреляйте в них! Защищайте гурийцев от ваших начальников! Переходите на сторону гурийцев.

Да здравствует единение войска с народом!

Долой палачей Гурии!

Тифлисский Комитет РСДРП.

Начало железнодорожного строительства в России

В России, в первой половине XIX столетия, новые формы производства и новые, буржуазные отношения развивались в условиях кризиса феодально-крепостной системы; этот процесс сопровождался, как это было и везде, непрерывной борьбой со старыми экономическими и политическими основами государства. Являясь результатом разложения феодально-крепостной системы, это внедрение новых форм вместе с тем определяло само разложение и предрешало неизбежность окончательного распада существовавшей системы.

В развитии разных областей российской экономики того времени можно отыскать либо еще робкие шаги, либо уже значительные сдвиги в направлении к капиталистическому способу производства.

В сельском хозяйстве, наиболее в этом отношении рутинном, наблюдается некоторый рост применения вольнонаемного труда, правда далеко не везде, а лишь в районах наибольшей отпускной хлебной торговли — на Украине, в местах недалеких от черноморских портов, и кое-где в районах портов Прибалтики. В хозяйствах этих районов появлялись элементы европейской техники и зарождалась капиталистическая земельная рента.

В помещичьих же хозяйствах нечерноземной полосы подавляющее значение приобретала оброчная система, что несло с собой, по сравнению с барщиной, некоторое смягчение внеэкономического принуждения и являлось предвестником новых отношений.

Рост торговли хлебом, как на внешнем рынке, так и на внутреннем, являлся одним из наиболее сильных факторов, влиявших на разложение натурального хозяйства, но он же одновременно вызывал и дальнейшее усиление эксплоатации крепостного крестьянства в отсталых помещичьих хозяйствах, а таковых было большинство. Беднейшее крестьянство в этих условиях окончательно разорялось, сгонялось с земли и создавало кадры наемной рабочей силы. В последней нуждались те, которым расширение внутреннего рынка открыло путь к обогащению: кулак искал батраков, купец, фабрикант или промышленник — рабочих.

В то время как в сельском хозяйстве проникновение капиталистического способа производства не смогло еще проложить себе широкого пути, в области промышленности наблюдается обратное явление. Здесь это было более ощутительно.

В этот период в промышленности расширение внутреннего рынка вызвало к жизни много новых предприятий. Это же расширение рынка, положившее начало производственной специализации районов, более четко отделило из них промышленные от аграрных. Стали приобретать более ясно очерченный профиль такие промышленные пункты, как Иваново и Шуя (текстиль), Павлово и Ворсма (металлообрабатывающие промыслы), Тула (мелкоиздельные промыслы и самоварное производство), Кимры (обувная промышленность) и многие другие.

В этот период крупные кустари превращались в капиталистов, из кустарной

избы вырастали сравнительно крупные мануфактуры, а мелкие рассеянные кустари принуждены были подчиняться мануфактуристу или скупщику.

В первой половине XIX в. на предприятиях российской промышленности можно было наблюдать уже значительное преобладание вольнонаемного труда, введение машин и налаживание перехода от мануфактуры к фабричному производству. Переход от мануфактуры к фабрике, в особенности в хлопчатобумажной промышленности, сопровождался внедрением широкой эксплоатации женского и детского труда, понижением заработной платы рабочим и, с введением машин, некоторым сокращением старых кадров рабочей силы мануфактуры. Развивающаяся промышленность поглощала эту освобождавшуюся рабочую силу на иные вновь открывающиеся предприятия и скоро отсутствие в стране резерва этой силы явилось одним из важнейших препятствий для дальнейшего роста промышленности.

Но наряду с прогрессивными явлениями в промышленности продолжали существовать и даже возникали новые фабричные предприятия, базировавшиеся на эксплоатации труда крепостных или приписных рабочих. Такими были вотчинные и посессионные фабрики, а также и часть уральских металлургических заводов. Однако же здесь, в отличие от отсталого помещичьего сельского хозяйства, наблюдалась несколько иная картина: посессионные фабрики, как нерентабельные именно из-за принудительного труда, к 50-м годам почти полностью были ликвидированы, вотчинные фабрики пошли тем же путем, а на уральских заводах вольнонаемный труд завоевывал себе все больше и больше места.

Постепенный рост рынка, насыщавшегося продуктами сельского хозяйства и товарами отечественной и иноземной промышленности, сопровождался усилением товарооборота в стране. Миллионы тонн товара шло по водным и грунтовым путям на ярмарки, в деревни и села, в города и порты и превращалось в сотни миллионов рублей. На одной лишь Макарьевской ярмарке к концу второй четверти XIX в. ежегодно заключалось сделок по продажам на 40—50 миллионов рублей [1].

По главным торговым магистралям России двигались огромные караваны. В 1840 г. по одному лишь Московскому шоссе прошло 216 тыс. лошадей, провезших около 7 560 тыс. пудов клади [2]. По рекам и каналам России только в одном 1844 г. было проведено 59 069 судов, груженных различными товарами, но главным образом продуктами сельско-хозяйственного производства [3]. «Меня поразило,— пишет П. П. Мельников в своих записках «Поездка на Волгу»,— громадное движение, которое совершается на Волге. Приведенное в единицы пудоверст это движение выразилось цифрою 36 694 263 929 пудоверст для 1840 г., когда клади отправлялось менее обыкновенного, в нормальные же годы цифра эта может быть принимаема для 50 миллиардов пудоверст, т. е. больше, я думаю, чем на какой-либо линии самого деятельного торгового движения во всем мире» [4].

Каковы же были условия этого «деятельного торгового движения»?

Гужевой транспорт, имевший колоссальное значение в перевозке товаров, из-за крайне скверного состояния дорог зачастую бывал не в состоянии обслужить спроса. Самые лучшие грунтовые дороги — шоссе и те страдали значительными недочетами. Зимою, в наиболее удобное время перевозок, они становились обычными для России того времени трактами с их ухабами, сугробами и заносами. Вот что пишет о них инженер путей сообщения Палибин, цитируе-

---

[1] А. С. Гациевский, Нижегородка, 1877, стр. 182.

[2] Донесение Николаю I Комиссии по устройству железной дороги между Петербургом и Москвою (15 сентября 1841 г.) «Красный архив», т. 76, стр. 135—136.

[3] Гулиш-Амбаров, Итоги торговли и промышленности России в царствование Николая I, стр. 24.

[4] «Красный архив», 89—90, стр. 314—315.

мый Мельниковым в своих записках: «Многие жители С. Петербурга и Москвы слышали, а некоторые и сами видели, как целые обозы бывали зарываемы снегом в одну ночь так, что дилижансы проезжали по возам, не чувствуя их под собою — и это было на Московском шоссе, состоящем большею частью из насыпи, имеющей во многих местах около 30 футов высоты» [1]. Весною и осенью эти шоссейные дороги требовали не мало ремонтных работ и поэтому выбывали на время (1—1½ месяца) из строя. Да в это время и перевозки по всей стране почти останавливались: разливы рек и непролазная грязь на дорогах делали их абсолютно непроезжими. Многие обозы разгружались среди пути и товары складывались по обочинам дорог, оставались под охраной кого-нибудь из близлежащих селений и дожидались своих хозяев и лучшего для перевозок времени [2]. О движении же по шоссе, да и на других дорогах в течение 6 летних месяцев в донесении Комиссии по проектированию Петербурго-Московской железной дороги говорится: «Затем остается едва шесть месяцев летних, но это время по причине сельских полевых работ и по обычаям нашего извозного промысла, у нас малоудобно для гужевых подвозов, большею частью через крестьян производимых, а посему лучшее шоссе далеко не приносит у нас, особенно для торговли, той пользы, что за границею» [3].

Каково было движение товаров по рекам и главнейшей из них — Волге, об этом достаточно красочно рассказано в уже цитированной записке Мельникова «Поездка на Волгу» [4]. Отметим лишь основное, что наиболее в данном случае интересно. Перевозимые с нижней Волги товары почти никогда не успевали попасть в Петербург в тот же год. Обычно на их доставку по Волге и каналам уходило около 1½ лет. Пока они добирались до верхневолжских пристаней и перегружались на более мелкие суда, ходившие по каналам, вода понижалась в последних настолько, что даже эти мелкосидящие суда уже не могли пройти по ней со своим грузом. Ждали будущего года, начала новой навигации. Если уже очень спешили, то поджидали хороших дорог, дешевого санного пути и везли свои грузы от пристаней в Петербург лошадьми. Но так поступали редко, только в том случае, когда товар предназначался для самой столицы. Если же он направлялся в порт, то обычно ждали следующей навигации.

Правда на Неве и Волге стали появляться первые пароходы Берда, Всеволжского, Евреинова и др., но они не смогли получить до конца 40-х и начала 50-х годов достаточной популярности и должного признания. Прочное место в транспорте России пароходство получило почти одновременно с железными дорогами и широко стало развиваться только во второй половине XIX века [5].

Об исключительно слабо развитых транспортных средствах России этого времени свидетельствуют отлично подобранные сравнительные данные в проекте банкиров Дюфура и Гаркорта, представленном ими по поводу устройства железной дороги между Петербургом и Москвой: «Так например, промышленные крестьяне Ярославской, Владимирской, Костромской и Московской губерний, отправляясь в южную Россию, остаются в дороге до 40 дней, т. е. в вдвое более времени потребного для англичанина, чтобы переехать из Англии в Америку. Что же касается до хлебородных губерний, то продукты их плывут с низовых пристаней до С. Петербурга нередко более года, а за каждый пуд платится до 80 коп. асс., тогда как пуд английского земляного угля (которого надобно купить, привезти к порту, отправить в Кронштадт и там перегрузить на мелкие суда) стоит в С. Петербурге 22 коп. асс., а потому — низовые пристани в отношении ко времени находятся от С. Петербурга далее, нежели

[1] См. ниже, стр. 153—154.
[2] См. Аксаков, Исследование о торговле на украинских ярмарках, стр. 15.
[3] «Красный архив», т. 76, стр. 142.
[4] «Красный архив», т. 89—90, стр. 315—319.
[5] См. вводную статью к публикации записок П. П. Мельникова «Поездка на Волгу», «Красный архив», т. 89—90, стр. 309—313.

Европа от Индии, в отношении же к цене за провоз — вчетверо далее, нежели С. Петербург от Англии» [1].

Таким образом медленное движение товаров влекло за собой медленное же обращение капиталов, малые доходы, а, нередко, и большие убытки.

Вот в общих чертах те экономические условия и то состояние транспортировки товаров в стране на то время, когда в России был впервые поставлен вопрос о введении железных дорог для нужд успешного развития торговли. И то и другое, казалось бы, благоприятствовало введению этого нового вида транспорта, действующего круглый год и столь удобного по своей быстроте. Однако на деле было не так. Сразу, взвесив все преимущества железных дорог, приступить к их постройке, как это было сделано в Бельгии [2], в условиях феодально-крепостной России не удалось. Потребовалась длительная борьба за их введение, за признание железных дорог одним из важнейших в стране видов транспорта.

О первых шагах в области железнодорожной политики России с достаточной полнотой рассказано в нижеприводимых записках П. П. Мельникова «Сведения о русских железных дорогах». В истории начала парового железнодорожного сообщения в России они являются ценнейшим материалом.

Как бывший министр путей сообщения, П. П. Мельников дал в своих записках материал по ведомственной истории этого вида транспорта, понимая железные дороги, как рельсовые пути обязательно с паровой тягой и говоря о железных дорогах общего пользования, т. е. учтенных министерством. Сузив, таким образом, историю железнодорожного транспорта до истории железных дорог общего пользования, он совершенно прав, когда начинает эту историю с постройки б. Царскосельской железной дороги — первой такой дороги в России [3].

Но ограничив тему, П. П. Мельников оставил в стороне ряд фактов, говорящих о том, что в России с опытами железнодорожного строительства можно было ознакомиться еще до постройки «дороги до Царского села с продолжением до Павловска», как ее называли в первый год ее существования.

Нет надобности перечислять все эти факты, теперь хорошо известные в нашей специальной литературе [4], но следует отметить, что интерес к этому виду транспорта проявлялся в России значительно ранее, чем это отмечает Мельников.

Железная дорога, конечно еще не с паровой, а с конной тягой, появилась в России в конце XVIII столетия. В 1788 г. между доменными и пушечносверлильными цехами Александровского завода (ныне «Онегозавод») была проложена дорога, называвшаяся «чугунный колесопровод» [5]. Такая же дорога протяжением почти в два километра функционировала в Колыванском горном

---

[1] См. ниже, стр. 169.

[2] См. ниже, стр. 137; Вебер, Общепонятное описание устройства железных дорог, СПБ, 1859, стр. 34—35.

[3] Мельников, говоря в своих записках о железных дорогах Англии, также не принимает во внимание ни железной дороги в Киллингворте, где по фабричному пути в 1814 г. Дж. Стефенсон провел своею первою машиною 8 вагонов, груженных углем, ни Стоктон-Дарлингтонской дороги, открытой в 1825 г., бывшей уже отчасти и дорогой общего пользования, а начинает историю железных дорог с Ливерпуль-Манчестерской, открытой для общего пользования в 1830 г.

[4] В. В. Салов, Начало железнодорожного строительства в России, «Вестник Европы» т. II; Краткий исторический очерк развития и деятельности ведомства путей сообщения за 100 лет существования СПБ, 1889; В. С. Виргинский, История техники железнодорожного транспорта, М., 1938, М. Крутиков, Первые железные дороги в России, «Красный архив», т. 76, стр. 83—90 и др.

[5] «Металлургические заводы на территории СССР с XVIII в. до 1917 г.», т. 1, стр. 30.

округе [1]. Эти дороги без паровой тяги имели лишь внутреннее фабрично-заводское значение. К этим же дорогам принадлежала и одна небольшая (854 м) дорога, имеющая большой интерес и ценность для истории русского железнодорожного строительства. Открыта она была на территории Нижне-Тагильского завода Демидова в 1833 г., когда по ее «чугунным колесопроводам» (рельсам) крепостным механиком Михаилом Черепановым и его сыном был пущен в ход первый их конструкции «сухопутный пароход». Этот первый русский паровоз вез груз в три с лишним тонны со скоростью 13—16 км в час. В 1835 г. талантливые механики соорудили второй «пароход», размером больше первого, который мог уже перевозить до 16,5 тонн клади. В связи с этим решено было и удлинить «колесопровод», чтобы подвозить руду с рудника на завод [2]. Но эта дорога с паровой тягой, и первые русские паровозы, и их строители являлись собственностью заводчика-крепостника и были локализованы в пределах завода и потому не оказали никакого влияния на развитие железнодорожного дела России. И как это на первый взгляд ни странно, но и первая в России железная дорога общего пользования, б. Царскосельская, открытая 30 октября (11 ноября) 1837 г.[3], также не оказала должной помощи развитию в России этого вида транспорта.

Постройка и начало эксплоатации этой дороги вызывали не мало издевательских заявлений о безнадежности предприятия, о неминуемом провале «заморской затеи». Даже нормально действующая в зимнее время, т. е. тогда, когда ей прочили полный провал, она не привлекала к себе должного серьезного внимания.

Н. Н. Муравьев [4], подававший Николаю I несколько проектов-записок о необходимости для России железнодорожной сети, пишет про дорогу в Павловске, что «...тут ищут себе ее местных выгод, мало думая о России»... «Тут цель, как игрушки праздных: скорое и гладкое катание, воксал, пляски и песни цыган, потешные огни, роскошные яства и пития» [5]. Министр финансов Е. Ф. Канкрин с своей стороны называл б. Царскосельскую дорогу просто дорогой «из столицы в кабак» [6].

Другая, вторая по счету, дорога общего пользования, к постройке которой приступили в 1839 г.— Варшаво-Венская, проходившая на периферии государства, имела для него более стратегическое значение, чем хозяйственное, в связи с чем в 1842 г., когда общество, строившее дорогу, оказалось не в состоянии ее докончить, правительство достроило ее на счет казны и открыло для пользования в 1848 г. Постройка этой дороги касалась больше интересов Польши, чем самой России.

История борьбы за первую железную дорогу большого внутреннего значения и государственного масштаба, за дорогу из Петербурга в Москву, с ясностью раскрыта в нижеприводимых записках П. П. Мельникова.

В ряде специальных исследований до сих пор совершенно никак не объяснялся тот факт, что несмотря на молниеносный провал Комитетом министров всех проектов по устройству железной дороги между двумя столицами, т. е. при явной правительственной оппозиции к железнодорожному вопросу [7], вдруг

---

[1] Н. П. Щеглов, О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами, «Северный муравей», 1830 г., №№ 1 и 30.

[2] «Горный журнал», 1835 г., №№ 5 и 7.

[3] Между прочим, можно отметить, что эта дорога приобрела свои первые паровозы у Стефенсонов, имевших иную судьбу, иные условия для своей полезной деятельности, чем это было у Черепановых.

[4] Николай Назарьевич Муравьев (1775—1845) был при Николае I с начала его царствования статс-секретарем, потом новгородским губернатором и сенатором.

[5] «Красный архив», т. 76, стр. 127. При вокзале в Павловске был устроен акционерами дороги ресторан с эстрадой для концертов.

[6] Божерянов, Граф Е. Ф. Канкрин, СПБ. 1897 г., стр. 283.

[7] Раскрытие причин оппозиции железнодорожному строительству в России см. в вводной статье к публикации «Первые железные дороги в России», «Красный архив», т. 76.

возникает секретная правительственная комиссия, которой поручается с возможной тщательностью и срочностью разработать все соображения к сооружению этого железнодорожного пути.

Также совершенно никак не объяснялось ранее и появление предложения лейпцигских банкиров Дюфура и Гаркорта о выдаче им привилегии на постройку указанной дороги при условии правительственной гарантии на затраченный капитал.

Из записок Мельникова, стоявшего в непосредственной близости к всему делу постройки, представляется возможность понять все его детали.

П. П. Мельников, А. А. Бобринский, А. В. Абаза и другие немногочисленные сторонники железнодорожного транспорта видели, как все проекты постройки железных дорог, исходившие от частных лиц, напр.: Герстерна, Муравьева, Голиевского и самого Абазы, не могли выдержать единодушного отпора Главного управления путей сообщения и последней правительственной инстанции — Комитета министров. Н. Н. Муравьев, менее других смущавшийся этим, подал пять записок-проектов и все они были «оставлены без последствий». Той же участи удостаивались проекты и других лиц. Необходимо было найти способ противопоставить мнению одной или нескольких правительственных организаций мнение другой подобной же организации. При такой постановке дела можно было бы еще рассчитывать на какой-либо успех.

Эту задачу, по данным Мельникова, друзья железных дорог сумели разрешить. А. А. Бобринский, один из четырех главных акционеров-учредителей б. Царскосельской железной дороги, обратился к своим банкирам, вышеупомянутым Дюфуру и Гаркорту, переслав им все материалы о предполагаемой Петербурго-Московской дороге, с предложением поставить вопрос перед русским правительством о выдаче им привилегии на ее постройку. Банкиры пошли навстречу и вскоре правительство получило их запрос.

Это было первое по настоящему солидное предложение, обеспеченное капиталом и серьезным отношением опытных уже в строительстве железных дорог банкиров. Главное же заключалось здесь в том, что предложения шли из-за границы. Иностранные капиталисты рискуют капиталом для постройки дороги в России. В чем здесь они видят выгоду? Вряд ли в том, что просят гарантию в 5% на затраченный капитал. Для банкиров это маловато.

И вот созданной предложением банкиров обстановкой пользуются друзья железных дорог. Либо непосредственно Бобринским [1], либо через Бенкендорфа [2] было предложено Николаю I, как весьма полезная мера, рассмотреть в специальной комиссии, возможно объективнее, без ведомственной заинтересованности, с людьми компетентными вопрос о сооружении этой дороги вообще и, таким образом, узнать, будет ли она полезна и выгодна и насколько, а если невыгодна, то почему и отсюда заключить, отдавать ли ее на концессию или сооружать самим. Предложение было принято и, таким образом, создалась вневедомственная комиссия, занятая по поручению Николая срочной работой по составлению подробного проекта дороги между столицами.

Предложение банкиров, отклоненное министерствами, все же успело принести пользу железнодорожному строительству России. Созданная благодаря ему комиссия разработала глубокопродуманный проект, подкрепленный многочисленными доказательствами хозяйственной полезности и коммерческой выгодности железнодорожной магистрали между Петербургом и Москвой, между головой и сердцем России, как это сказано в проекте.

П. П. Мельников очень живо обрисовывает ту обструкцию, которой была

---

[1] А. А. Бобринский, как шталмейстер императрицы, имел возможность часто встречаться с Николаем.

[2] Шеф жандармов граф А. Х. Бенкендорф оказывал покровительство Герстнеру; через него последний подал свою первую просьбу о привилегии на постройку Петербурго-Московской дороги. По некоторым данным Бенкендорф имел также акции б. Царскосельской дороги.

встречена основательная работа Комиссии — донесение Николаю I об устройстве железной дороги между Петербургом и Москвой [1].

Пространные замечания министерств на проект не только не ослабили энергии членов Комиссии, а еще дали им в руки возможность с полной убедительностью доказать их ошибочность. Но и этим сопротивление министерств не было сломлено. Даже на специально созванном Николаем заседании, проходившем под его председательством, когда должна была решиться судьба проектируемой дороги, почти все министры высказались против и только решением Николая, на сей раз шедшим в разрез с мнением своих министров, на этом же заседании строительство дороги было утверждено [2].

Если Мельниковым в его записках уделено некоторое место объяснению причин оппозиции к железнодорожному вопросу со стороны министров Николая, то никак не объясняется противоположное этому поведение самого Николая I. Последний получается едва ли не самым ярым приверженцем железных дорог во всей стране. Но так ли это было на самом деле?

Николай I, глава крепостной монархии, стремившийся всеми мерами сохранить феодальный порядок в стране и с самых первых часов своего царствования вступивший за него в непримиримую борьбу, конечно, не ради успешного развития капитализма в стране примкнул к сторонникам железных дорог.

Железные дороги, как и одновременно с ними развивавшийся электромагнитный телеграф, были мощными орудиями развитых капиталистических отношений. «Железные дороги возникли прежде всего в качестве «увенчания здания» в тех странах,—писал Маркс,— где современная промышленность достигла наибольшего развития,— в Англии, Соединенных Штатах, Бельгии, Франции и пр. Я называю их «увенчанием здания» не только в том смысле, что они в конечном счете (наряду с океанским пароходством и телеграфом) сделались средствами сообщения, соответствующими современным средствам производства, но также и потому, что они стали основою для возникновения громадных акционерных компаний, послуживших вместе с тем примером для разного рода других торгово-промышленных объединений, начиная с банковских. Одним словом, они дали такой сильный толчок концентрации капитала, какого раньше вовсе нельзя было ожидать...» [3]

Николай I понимал значение железных дорог для экономики страны, хотя бы потому, что это неоднократно объяснялось и доказывалось в подаваемых ему железнодорожных проектах. Он даже сам пытался убедить главноуправляющего путями сообщения гр. Толя, что хорошо бы устроить из таких соображений дорогу между Рыбинском и Петербургом, но не настаивал на ее постройке, когда его предложение было отведено Толем. Николая в конечном счете интересовало в железных дорогах не их роль в хозяйственной жизни страны, а другая сторона их полезности — их стратегическое значение.

«Россия строила свои железные дороги главным образом вследствие стратегических соображений»,— писал Ленин [4].

О роли железных дорог в этом отношении Николай I узнавал из тех же проектов. В первом же предложении Герстнер обещал ему, что «каждая железная дорога между двумя губернскими городами должна быть в состоянии перевезти, после предварительного за 24 часа объявления, по крайней мере 5000 человек пехоты, 500 конницы, со всею артиллериею, обозом и лошадьми,

---

[1] Донесение было подано Николаю I 15 сентября 1841 г. Полностью текст этого донесения напечатан в публикации «Первые железные дороги в России», «Красный архив», т. 76, стр. 127—144.

[2] Заседание состоялось 13 января 1842 г.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XXVII, стр. 32,— Письмо Маркса к Даниельсону, 10 апр. 1879 г.

[4] Ленинский сборник, т. XIX, 1932, стр. 55.

потребными для означенного числа войск, и при том через расстояние 200 верст в сутки»[1].

Именно эта сторона являлась для Николая I наиболее важной в предпринятом им деле. Дорога из Петербурга в Москву и из Москвы до Черного моря, как это выяснилось из его поручения, данного Мельникову в 1851 г. после окончания Петербурго-Московской дороги, имела бы безусловно громадное стратегическое значение. Но даже и доведенная только до Москвы, она не теряла своей значимости в этом отношении.

Но железная дорога между Петербургом и Москвой оказалась палкой о двух концах. Служа стратегическим целям монарха-крепостника, она способствовала в то же время в еще большей степени росту буржуазной монархии, шедшей на смену отживавшей феодально-крепостной.

«Сведения о русских железных дорогах» П. П. Мельникова написаны им в 1871 г. Судя по своеобразной периодизации истории железных дорог, которую он наметил, публикуемые ниже записки являются лишь первой частью задуманного им труда. Она обнимает собой период с 1830-х годов до 1842 г.,— года начала постройки Петербурго-Московской железной дороги. Последующих частей — 2, 3 и 4, доводящих историю до 1869 г., ни в Ленинградском Архиве Народного хозяйства, ни в Архиве Внутренней политики, где была найдена первая часть, не обнаружено. Также, к сожалению, отсутствуют те приложения, на которые ссылается Мельников в нижеприводимых записках. С внешней стороны они представляют переплетенный том, снабженный оглавлением и писанный, повидимому, писарем и слегка правленный потом рукою Мельникова.

При публикации записок допущены некоторые сокращения, вызванные отчасти тем, что ряд цитируемых Мельниковым документов уже напечатан полностью в предшествующих томах «Красного архива» (т. 76, т. 89—90).

М. Крутиков.

Сведения о русских железных дорогах

Начало железных дорог можно считать с того времени, как на них стал употребляться паровой движитель, т. е. с сентября 1830 года, когда открыта железная дорога между Ливерпулем и Манчестером[1] и на ней в первый раз появились движители по образцу паровоза «Стрела», изобретения Джоржа Стифенсона, получившего приз на конкурсе в 1829 г.[2]. Таким образом, прошло всего 41 год от открытия первой железной дороги, имеющей значение государственного пути[3], и в это время весь земной шар покрылся сетью железных дорог, составляющей до 200 тыс. верст протяжения, а на устройство их затрачено до 100 миллиардов рублей серебром. Нет изобретения человеческого, которое бы в столь короткий промежуток времени произвело такое громадное изменение в быте государств и взаимных отношениях их. Как усовершенствованные пути, сокращающие время и стоимость проездов и перевозок, железные дороги должны естественно иметь тем большее влияние на развитие внутренних сил страны, чем эта страна обширнее и чем менее она имела удобных сообщений искусственными сухопутными и водяными путями. Россия находится именно в этом случае, и потому разумное применение железных дорог к нашему отечеству должно иметь на него тем более благодетельное влияние во всех отношениях, что, по самому свойству климата большей части России, водяные сообщения прекращаются у нас на про-

[1] См. об этом же записку главноуправляющего путями сообщ. Толя, «Красный архив», т. 76, стр. 91.

должительное время (зимний период), а весною и осенью грунтовые дороги делаются почти непроходимыми.

К сожалению, мы поздно принялись за дело железных дорог, а положив ему начало тридцать лет тому назад [4], в течение почти 15 лет, ограничивались одною Николаевскою дорогою [5] и только в последние 10 лет дано несколько более деятельное движение этому государственному делу [6].

По служебному положению моему и по особому стечению обстоятельств я был поставлен в самое близкое прикосновение к делу русских железных дорог. В 1830 году, когда, как сказано выше, была устроена в Англии первая железная дорога с паровым движителем, я уже имел 8 лет службы в Корпусе путей сообщения; годом позже я был призван к преподаванию в Институте путей сообщения лекций по части практической механики вообще и паровых машин, в особенности с применением их к железным дорогам,—таким образом, по необходимости должен был близко следить за всем тем, что делали и писали по вопросу о железных дорогах. В 1835 году я издал небольшое сочинение о железных дорогах, первое об этом предмете на русском языке, так что вынужден был придумывать номенклатуру многих технических слов, которые и сохранились в технике инженеров. В 1837 году был командирован на 15 месяцев для путешествия по всей Европе с целью изучения инженерного дела, а через год по возвращению отправлен был с тою же целью и на тот же срок в Соединенные штаты Америки. Поставленный таким образом в возможность подробно изучить дело железных дорог и познакомиться с идеями об этом предмете известнейших инженеров и ученых, не успевших еще высказаться печатью, я, по возвращении из Америки, мог принять на себя составление проекта и устройство северной половины Николаевской железной дороги. Делу этому посвящаю 9 лет деятельного труда, по истечении которых мне поручено было производство изысканий по всем линиям, которые должны были войти в состав главной сети железных дорог. Вслед за окончанием этого поручения я назначен был главным инспектором железных дорог, а потом, в 1862 году, министром путей сообщения. С увольнением от этой должности в 1869 году остался членом Комитета железных дорог [7]. При таком непосредственном и близком прикосновении к делу железных дорог не было почти ни одного вопроса по этому предмету, в котором бы я не был призван к деятельному участию, а по званию министра в течение 7 лет, когда железные дороги приняли у нас наибольшее развитие, я был в обязанности орудовать этим делом и еженедельно иметь личные всеподданнейшие доклады. Таким образом, есть много фактов, которые мне одному известны и которые могут служить полезным указанием для будущей истории русских железных дорог, а история эта неизбежно напишется и получит особенный интерес, когда железные дороги, при дальнейшем распространении их, выкажут все то громадное влияние, какое им суждено иметь на развитие внутренних сил России.

По этим соображениям я решился воспользоваться досужным в теперешнем положении моем временем, чтобы записать в хронологическом порядке различные факты, относящиеся до русских железных дорог, извлекая их частью из оставшихся у меня официальных документов, а частью из того, что сохранилось в памяти. Такие записки имеют полезную сторону и для меня лично в том отношении, что они послужат разъяснением причин, по коим некоторые факты совершались не так, как бы, по мнению моему, следовало; в числе таких фактов есть несколько довольно крупных явлений.

В последовательном изложении фактов, относящихся до русских

железных дорог, я разделяю все время 41 года, протекшего со времени их изобретения, на следующие 4 периода[8].

1 период. От открытия первой железной дороги между Ливерпулем и Манчестером до приступа к работам Николаевской железной дороги, т. е. 11 лет, от сентября 1830 г. до начала 1842 года.

2 период. От начала работ Николаевской дороги до открытия ее, т. е. почти 10 лет, с 1842 года по 1 ноября 1851 года.

3 период. От открытия Николаевской дороги до назначения меня министром путей сообщения, т. е. 11 лет, от исхода 1851 года по октябрь месяц 1862 года,— наконец

4 период. Последние 7 лет, времени управления мною министерством.

1 период с 1830 по 1842 год.

Примечательные работы железной дороги между Ливерпулем и Манчестером, а в 1830 году открытие этой дороги с употреблением вновь изобретенного парового движителя, возбудили естественно напряженное внимание правительства и капиталистов. Инженеры и предприниматели собирались отовсюду в Англию для наблюдения и приобретения данных. Впрочем, по исключительному положению Ливерпуль-Манчестерской дороги, стоившей чрезвычайно дорого и соединяющей два пункта необыкновенно деятельных взаимных коммерческих сношений, она не представляла таких данных, которые могли бы иметь непосредственное применение к местностям, находящимся в других условиях, а потому в первое время самые инженеры не предугадывали еще огромной будущности железных дорог и, за исключением Англии, в прочих государствах Европы нерешительно приступали к введению нового усовершенствованного способа сообщений. Таким образом в 1838 году, когда я в первый раз объехал Европу, т. е. через 8 лет после открытия Ливерпульской дороги, вопрос железных дорог в Европе находился еще в следующем положении.

В Австрии существовала конная железная дорога между Линцом и Будвейсом, конченная еще в 1832 году на протяжении около 119 верст и продолженная в 1835 году до Гмундена на длине 63 верст. Дорога эта, устроенная для тяги лошадьми, состояла из железных полос, прибитых к продольным брусьям, врубленным в поперечины. Собственно же паровозная железная дорога предпринята была только на протяжении 140 верст — от Вены в направлении к Галиции, но и здесь первоначально были употреблены рельсы из полосного железа с тем, чтобы впоследствии заменить их подобными рельсами, какие приняты на Ливерпульской дороге.— Локомотивы предполагалось выписать из Англии, рельсы же начали выделывать на австрийских заводах, но первые опыты были довольно неудачны[9].

В Саксонии строилась паровозная дорога из Лейпцига в Дрезден на протяжении около 90 верст, из них только 8¾ верст были уже готовы и на них совершались пробные поезды двумя локомотивами, выписанными из Англии*. Как и на австрийской железной дороге, рельсы состояли из плоских полос, прикрепляемых к продольным брусьям; железо получалось из Англии.

Во Франции устроена была дорога от Лиона до Сент-Этьена на протяжении около 100 верст с продолжением до Андрезье. На ней употреблялись движителем и лошади и паровозы; из числа последних

* Чтобы судить о несовершенстве локомотивов того времени, довольно сказать, что они имели всего 11 английских тонн веса, 28 дымопроводных трубок и не имели даже прибора для обратного движения (примечание в подлиннике).

несколько было сделано во Франции на заводе Крезо, но все вообще малых размеров — именно, около 11 тоннов веса. Кроме того, устроена была дорога от Парижа до С.-Жерменя длиною до 20 верст, также строилась дорога до Версаля и начаты были работы дороги от Парижа до Орлеана, причем встретились затруднения от движения в грунте, замедливая ход работ и увеличивая издержку. Всего во Франции было в 1838 году 181 верста конченных железных дорог, из коих не более как на 50 верстах употреблялись паровозы; на остальном протяжении перевозка совершалась лошадьми.

В Бельгии приступили к делу железных дорог с большой решимостью и в значительнейших, сравнительно, размерах, нежели в прочих государствах континента Европы. Правительство Бельгии, учредившееся на либеральных началах, после отделения ее в 1830 году от Голландии, поняло необходимость упрочить свою независимость и самостоятельность учреждением такой системы сообщений, которая бы способствовала быстрому и дешевому передвижению как собственных произведений, так и предметов торговли с Франциею и Германиею. Все торговое движение естественно было направить к порту Антверпена, значительно улучшенному большими работами, совершенными в нем при Наполеоне I и получившему для Бельгии тем большее значение, что она утратила Роттердам и другие порты Голландии. С 1831 года начаты были изыскания для начертания по возможности полной системы сообщений внутри государства. Мнения колебались между проведением системы каналов и учреждением сети железных дорог. Исследование вопроса сего поручено было инженерам Симоно и Деридер; в 1832 году они представили результаты своих изысканий, которые были подробно рассмотрены в совете инженеров, а потом в камерах нового правительства. Предпочтение отдано сети железных дорог и решено было устроить их на средства правительства. Бельгийцы лучше и прежде других поняли важное во всех отношениях значение главных артерий железных дорог и решили сделать их достоянием государственным, как источник будущих доходов и как сильное орудие в руках разумного правительства для развития внутренней промышленности и торговли. Центральным пунктом проэктированной сети был принят Мехельн, отсюда главные артерии направляются: на восток к прусской границе, через Левен, Литтих и Верье, к западу через Терлменд и Гент до Остенде, а к югу до Брюсселя и далее до границы Франции. После продолжительных и весьма интересных прений в камерах сеть эта была утверждена в 1834 году и безотлагательно приступлено было к работам; в бытность мою в Бельгии — в мае 1838 года было открыто для движения около 177 верст по разным направлениям, причем рельсы и подвижной состав изготовлялись в самой Бельгии. Система бельгийских железных дорог отличается разумным начертанием, хозяйственным исполнением и обдуманною администрациею. При этих условиях железные дороги способствовали созданию и развитию в стране различных отраслей промышленности, а назначением тарифов, хотя довольно низких, но приспособленных к потребностям страны, достигли такого увеличения движения, которое привело и к значительному возвышению ценности недвижимой собственности и к громадному усилению деятельности торговли и промышленности.

Таким образом, в 1838 году, т. е. через 8 лет по открытии Ливерпуль-Манчестерской дороги, на всем материке Европы устроено было не более 400 верст паровозных железных дорог, т. е. менее половины того, что мы устраивали ежегодно в течение 8 лет наиболее деятельного производства этих работ с 1862 по 1870 год.

Это доказывает, как в это время еще недоверчиво относились в Ев-

роне к предприятиям железных дорог *. Мнение инженеров о железных дорогах, как о больших торговых путях, не высказалось еще определительно, а печатных заявлений от компетентных личностей в то время почти не было, но в моем путешествии в 1837 и 1838 гг. по Европе я имел случай говорить со многими из известнейших того времени инженеров, именно Стифенсоном (Георгом) изобретателем локомотива, его сыном Робертом, с Брюнелем в Англии, с Клапероном, Ламе, Пердоне, Флеша, Талабо, Базеном во Франции, с Францискони в Вене и многими другими. Соображая довольно разнообразные мнения сих господ с собственными наблюдениями, я склонялся к тем заключениям, которые выразил в отчете моего путешествия по Европе. Привожу собственные слова отчета сего (Статья об относительных достоинствах различных систем сообщений [11]).

«Железные дороги представляют преимущество скорости, которое дает им высокое назначение в системе внутренних сообщений. Государство, имеющее полную систему железных дорог, допускающих, например, скорость в 4 раза большую скорости обыкновенной почтовой езды, может быть рассматриваемо в отношении администрации и взаимных отношений как бы сосредоточенным в пространстве в 16 раз меньше. Такое сближение пределов государства представляет слишком большие выгоды, чтобы рано или поздно ими не воспользовались. Но, несмотря на то, нельзя допустить, чтобы повсеместное введение железных дорог могло вытеснить системы водных сообщений. Конечно, преимущество большой скорости весьма важно для путешественников и в административном отношении, но оно не имеет той же степени значения в отношении торговли, и в сем последнем отношении железные дороги не могут выдержать соперничество хорошо устроенных водяных сообщений. До сих пор ни одна из железных дорог Европы, учрежденных для больших скоростей, не составляет собственно товарного пути: по дороге между Ливерпулем и Манчестером перевозится, правда, довольно значительное количество товаров, но известно, что эта перевозка производится скорее в убыток, нежели в пользу компании, которая получает главные выгоды от проезда большого числа путешественников».

Такое мнение, что железные дороги с паровым движителем призваны предпочтительно для быстрого движения пассажиров и составляют слишком дорого стоющее средство сообщений для передвижения малоценной клади, было разделяемо большинством инженеров и публики. Мне казалось, однако, и тогда, что немногие имевшиеся данные относительно товарного движения по железным дорогам не могут еще привесть к основательному заключению по этому вопросу, и что эти данные могут совершенно измениться новыми усовершенствованиями, преимущественно в устройстве паровозов, приспособленных к менее быстрому движению тяжелых поездов. Ввиду необходимых усовершенствований столь нового еще дела невольно составлялось убеждение, что железным дорогам суждено иметь громадное влияние на

* Упрек этот не может относиться к Соединенным Штатам Америки. Там с самого начала принялись за дело железных дорог с большою деятельностью, а погрешили скорее избытком поспешности, которая была причиною и большого несовершенства первых дорог и тех злоупотреблений со стороны предпринимателей, которые повредили кредиту серьезных предприятий. Впрочем эти временные затруднения уступили скоро неодолимой деятельности и предприимчивости американцев, и теперь Соединенные Штаты имеют не менее железных дорог, нежели все государства Европы, взятые вместе. В отчете моего путешествия в Америку, представленном в 1841 году и заключающемся в четырех больших книгах, собраны подробные технические данные относительно всех тогда существовавших дорогах Америки [10] (Прим. в подлиннике).

внутренний быт государств и что это влияние должно быть особенно значительно в применении к обширному государству, какова Россия. Такое убеждение еще более упрочилось во мне два года позже, когда я имел случай видеть изумительное влияние быстрых, срочных сообщений железными дорогами и речными пароходами на благосостояние Америки, но и прежде всего, именно по возвращении в 1838 году из Европы, я заявил в заключение моего отчета, говоря об относительных выгодах железных дорог и водных сообщений для перевозки товаров, что приводимые мною выводы могут измениться дальнейшими усовершенствованиями в новом деле железных дорог, что и в настоящее время мы имеем перед глазами изумительные результаты, а именно:

«Расстояния так сказать исчезают в быстроте паровозов, деятельность движения в некоторых местах увеличилась в 6 и 8 раз. Между Ливерпулем и Манчестером движение почти удесятерилось со времени учреждения железной дороги между сими городами (оно еще более увеличилось между главными городами Бельгии с тех пор, как государство это покрылось сетью железных дорог). Манчестер сделался, так сказать, предместием Ливерпуля, и колоссальная промышленность одного питается обширною торговлею другого.

Расстояние между городами Бельгии до того сблизилось, что из Антверпена едут провести один день в Литтихе и в тот же день возвращаются в Антверпен, а между тем в этой прогулке путешественник проезжает из одного конца государства в другой. В результатах сих нельзя видеть одно увеличение удобств общественной жизни, нельзя полагать, например, чтобы в Англии, где так дорожат временем, чрезвычайное увеличение движения на железных дорогах побуждалось одними причинами удовольствия, напротив того — эта деятельность движения есть плод возрастающих промышленности и торговли, которые, в свою очередь, питаются удобствами взаимных сношений людей и сбережением времени, с другой стороны,— ничто не может так содействовать распространению просвещения, как возможность скорых и дешевых путешествий, приобретаемая усовершенствованными системами сообщений. Известный автор писем о Северной Америке говорит: «Sest par les grandes lignes, que circulera au loin la pensée humaine sous la forme la plus favorable à sa propagation c. à. d. en chair et en os» * [12].

Рассматривание влияния усовершенствованных внутренних сообщений на развитие промышленности, торговли и просвещения зависящим, так сказать, от того сближения различных частей государства, которое возрастает быстрее нежели пропорционально скорости сообщений, приводит естественно к заключению, что это влияние должно быть тем действительнее, чем пределы государства обширнее, но в особенности, как полезно должно быть это влияние в таком государстве, как пространная наша империя, где благотворные действия правительства, проистекающие из одного источника, должны распространяться на отдаленнейшие пределы ее».

Подобные мысли не имеют никакого веса в настоящее время, когда они уже обветшали и в гораздо большем развитии получили санкцию времени и опыта, но я решился привести эти цитации из отчета, писанного в 1838 году, потому что в то время вопрос о будущности железных дорог представлялся еще весьма туманным: многие, как

* Эта фраза Мишель Шевалье подала повод главноуправляющему тогда путями сообщения графу Толю, по внушению ген.-лейт. Девятина, рассматривать железные дороги вредным демократическим орудием и выставить этот аргумент против принятия проекта С. Петербурго-Московской железной дороги [13] (Прим. в подлиннике).

я заметил выше, и между ними весьма компетентные судьи, отвергали будущее значение железных дорог, в особенности в отношении товарного движения, а у нас самые передовые инженеры того времени протестовали против возможностей выгодности железных дорог при тех условиях климата и пространства, в каких находится Россия.

Говоря о постепенном развитии вопроса железных дорог в России, я выпишу, что было последовательно заявляемо, предполагаемо и делаемо по этому вопросу в период времени от 1830 года, когда открыта Ливерпульская дорога, до приступа к большой государственной линии между двумя столицами.

1831 год.

Первое заявление в русской печати о вопросе железных дорог, возбужденном в Англии и сильно занимавшем общественное мнение, было сделано генерал-майором путей сообщения Дестремом. Оно было напечатано в журнале путей сообщения за 1831 год под заглавием «Общие суждения об относительных выгодах каналов и дорог с колеями и приложение выводов к определению удобнейшего для России способа к перевозке тяжестей» [14].

Я привожу текстуально заключения, к коим пришел Дестрем, постановляя сравнение между каналами и железными дорогами в применении к России. Полагаю интересным то воззрение, которое тогда имел на этом предмете человек, пользовавшийся, по справедливости, большим авторитетом в вопросах этого рода *.

Заключения Дестрема состояли в следующем: «Наш климат не дозволяет иметь железные дороги, земля попеременно то мокрая, то мерзлая, то сухая (и при том на глубине до 5 фут) делает укладку рельсов, ежели не совершенно невозможной, то, по крайней мере, чрезвычайно затруднительной и дорого стоющей: каменные стулья, на которых укрепляются рельсы, должны не только противоустоять всякому движению, но и сохранять постоянно совершенную горизонтальность, поэтому пришлось бы под стулья подводить каменные фундаменты [16], что потребовало бы огромных издержек.

Зимою снега, весною разливы рек, осенью грязь будут затруднять, а по временам и вовсе прекращать движение по нашим железным дорогам, кроме того, значительные насыпи, которых потребуют высокие весенние воды, увеличат в большой пропорции расход на сооружение железных дорог. Каждое исправление дороги, иногда самое пустое, потребует много времени, так как населенные пункты отстоят у нас на большие друг от друга расстояния, а порча может случиться между двумя такими пунктами. Можно, конечно, во избежание продолжительных в подобных случаях задержек устроить в некоторых местах вдоль линии кузницы и необходимые мастерские, но этим еще больше увеличится стоимость дороги, а, следовательно, и провозная плата.

---

* Дестрем был один из четырех инженеров, присланных в Россию Наполеоном I по договору с императором Александром I в Тильзите. В 1831 году из числа четырех: Фабр уже не существовал, Базен перешел в корпус военных инженеров по неудовольствию с главноуправляющим путями сообщения графом Толем и страдал хроническим аневризом, который в 1838 году свел его в могилу, а Потье, по званию директора Института, мало занимался делами корпуса путей сообщения, таким образом, оставался на сцене один Дестрем, который был тогда начальником комиссии проектов и смет [15]. Прежде он был профессором рациональной механики в Институте путей сообщения, потом начальником 2-го округа; в этой должности попал под суд и оставался в этом положении до 1828 года, когда с восшествием на престол имп. Николая I, был помилован и назначен начальником комиссии проектов и смет. Дестрем умер лет десять тому назад в чине инженер-генерала и в звании председательствующего в совете путей сообщения [15] (Прим. в подлиннике).

В России, по причине малоразвитой еще заводской и фабричной промышленности и по недостатку опытных в настоящем деле рабочих, устройство железных дорог обойдется дороже, нежели где-либо, несмотря даже на изобилие в нашем отечестве железных руд и на дешевизну поденной платы рабочим [17].

Внешняя торговля наша имеет направление почти исключительно изнутри государства. Получаемые нами из-за границы товары представляют по весу весьма малую часть отпускаемых нами произведений, так что при устройстве сообщения изнутри государства к различным морям, его окружающим, надобно обращать особенное внимание на сокращение издержек потребных на провоз.

Дороговизна устройства железных дорог увеличит провозную плату почти втрое против той, которая существует на наших водяных сообщениях. Перевозка тяжестей зимним путем в России обходится чрезвычайно дешево. От Петербурга до Москвы — на расстоянии почти 700 верст — в продолжение всей зимы она не превосходит рубль ассигнациями за пуд, а иногда понижается до 60 коп. Если же принять еще в соображение, что внешняя торговля наша, а тем более внутренняя, не требует поспешной доставки товаров, то делается очевидным, что для России железные дороги бесполезны. Самое лучшее средство улучшить у нас пути сообщения состоит в устройстве новых и усовершенствовании старых водяных сообщений.

Преимущество постоянного сообщения по железным дорогам перед ограниченным 6 или 7 месяцами движением по каналам не может иметь важного значения для русской торговли, главные предметы которой, земледельческие произведения, получаются один раз в год, перевозятся весною к портовым городам, и затем торговое движение почти прекращается до следующего года.

Приняв в соображение тарифы иностранных железных дорог и сравнивая их с существующей платой за провоз по нашим водяным сообщениям, легко убедиться, что по железной дороге нам придется платить за то же расстояние перевозимого товара втрое более, нежели по существующим водяным сообщениям.

На основании всех сих рассуждений генерал Дестрем приходит к заключению, что «железные дороги в России неприменимы и что забота правительства должна клониться к тому, чтобы, не увлекаясь примерами иностранных государств, ограничиваться устройством каналов».

Не может не казаться странным приговор столь безусловного преимущества каналов для такой именно страны, которая может пользоваться каналами не более половины года, тогда как другие государства, в которых судоходство продолжается в течение почти всего года, не останавливаются в устройстве железных дорог.

Я знал Дестрема хорошо, десятки лет имел с ним дела и отдаю полную справедливость его теоретическим познаниям и способностям, но не могу не сказать, что надобно быть французом и гасконцем, каким был Дестрем в полном смысле слова, чтобы с таким легкомыслием произносить столь решительные приговоры в деле еще весьма новом, а у нас едва известном по весьма небольшому числу отрывочных сведений, какие были заявляемы в журнальных статьях о том, что делалось на Ливерпульской железной дороге.

Впоследствии Дестрем отступился от этих опрометчивых заключений по столь серьезному вопросу и, вероятно, пожалел, что поспешил напечатанием своей статьи, в которой ни одно положение не оправдалось последующими опытами; тем не менее авторитет имени придавал незаслуженное значение этой статье, и в течение некоторого времени

у нас смотрели на дело железных дорог, как на дело, до нас не касающееся.

Предубеждение это сильно вкоренилось, особенно в понятиях влиятельных по управлению путями сообщений людей, которые поэтому тормозили всякое стремление к испытанию железных дорог в нашем отечестве, а между тем, казалось бы, где же и найти им наиболее полное и полезное применение, как не в стране, наиболее страдающей от недостатка сообщений именно по своей обширности и по свойствам сурового климата, прекращающего на половину года водяные сообщения и соделывающего весною, осенью, даже зимою, обыкновенные сухопутные сообщения почти непроходимыми.

В 1835 году.

В начале января вопрос о железных дорогах в России был поднят с появлением в Петербурге австрийского инженера Герстнера. Это личность довольно примечательная, как человек, не лишенный знаний и способностей, но, в особенности, как ловкий шарлатан, не отличающийся и особенною скромностью. Я познакомился с Герстнером у Остроградского, знаменитого русского математика, по довольно оригинальному случаю *.

По званию профессора, я поочередно с другими своими товарищами дежурил за старшего в Институте. В одно из таких дежурств приехал в Институт некто генерал Хвощинский и обратился ко мне с просьбою дать свое мнение по одному весьма важному вопросу, относящемуся к моей специальности. Оказалось, что почтенный генерал изобрел прибор вечного движения. Я старался всячески отклонить мое посредничество в этом деле, говоря, что я преподаю моим ученикам о невозможности вечного движения, доказываю это математическою выкладкою, а потому буду естественно предубежденным судьею изобретения его превосходительства, но как генерал настаивал, то я решился предложить ему, чтобы со мною вместе прибыл и Остроградский. Долго изобретатель колебался, опасаясь, чтобы Остроградский, которого он лично не знает, не воспользовался бы его изобретением. Наконец, когда мы условились о дне и часе, то я отправился к Остроградскому и тут-то встретил Герстнера и московского профессора механики Брашмана. Тот и другой согласились нам сопутствовать. Генерал принял наше общество довольно недоверчиво. После нескольких предварительных объяснений он решился, наконец, ввесть нас в отделенный кабинет, где стояла пресловутая машина в совершенной неподвижности. На вопрос наш, почему машина не в действии, генерал отвечал, что тут недостает одного рычага, но что мы, конечно, легко откроем, чего именно недостает; при этом нас генерал оставил. Мы, разумеется, и не думали входить в разбор нелепого сочетания рычагов, а на меня возложено было передать наше заключение изобретателю. Генерал был вызван и, едва воздерживаясь от смеха, я передал его превосходительству, что мы находим сочетания рычагов чрезвычайно остроумным, но что предубежденные против машин perpetuum mobile, не можем признать вечного движения в этой машине тем более, что она находится в совершенном покое. Такое заклю-

* С Остроградским я был в довольно близких отношениях. Мы сходились в одни часы в Институте путей сообщения для преподавания, он — рациональной механики в классе прапорщиков, а я — прикладной механики в классе подпоручиков. Самые предметы преподавания вынуждали нас к взаимным объяснениям для соглашения наших курсов; сверх того, мы, обыкновенно, позволяли себе провесть несколько времени в разговорах в счет часов, назначенных для лекции (Прим. в подлиннике).

чение было принято весьма неблагосклонно. Нам не предложили даже чашки чаю, и мы отправились проводить остаток вечера у Остроградского. Мне случилось встретить несколько таких чудаков, которые тратили деньги и время на подобные изобретения, а между тем и время и деньги были бы сбережены, ежели б бесплодные труженики имели хотя бы малейшее понятие о началах действия машин.

Остроградский рекомендовал мне Герстнера, как знаменитого строителя железных дорог и автора известного сочинения на немецком языке о механике. Впоследствии оказалось, однако, что знаменитый строитель начал конную железную дорогу между Дунаем и Молдавою, но издержал на полдороге всю назначавшуюся по смете сумму и поэтому был удален разоренною компаниею. Что же касается до сочинения механики, то, по ближайшим сведениям, вышло, что оно написано отцом Герстнера, а ловким сынком искусно пущено в ход в Петербурге поднесением нескольких экземпляров влиятельным людям, чтобы придать весу своей личности и вернее нас эксплоатировать [18]. Мнение о Герстнере, как о большом шарлатане, которое составилось во мне из личных объяснений в Петербурге, подтвердилось впоследствии во время моих путешествий в Англии и Америке. В Англии, при осмотре заводов Геста, управляющий заводами рассказывал мне, что он имел оригинальный заказ рельсов для России. «Это было,— говорил он,— ночью. Меня будят, я в испуге встаю, полагая, что на заводе пожар, оказывается, что это заказчик рельсов, некто г. Герстнер, который по особой экстренности дела не захотел подождать до утра. Недовольный такою бесцеремонностью, я объявил г. Герстнеру, что заказа принять не могу, иначе как на дальний срок — г. Герстнер предлагает мне 30% дороже заводской цены с тем, чтобы заказ для 25 верст железной дороги от Петербурга до Павловска был исполнен в 3 месяца. Я, разумеется, принял это предложение, не понимая, какая могла быть причина такой поспешности, тем более, как я впоследствии узнал, что рельсы, поставленные в срок, пролежали более полугода без употребления». Но в сущности причина весьма простая: Герстнер на основании договора с Царскосельскою компаниею, получал известный процент с затраченного капитала, так что он имел весьма мало побуждений дорожить интересами компании.

В Америке — это было в 1840 г.— я узнал из газет, что некто г. Герстнер прислан русским правительством для заказа паровозов и других принадлежностей большой железной дороги между двумя столицами России, в качестве главного строителя этой громадной линии, предпринимаемой в самых широких размерах. Заявление это подтвердилось на всех заводах, мною осмотренных, на которых Герстнер меня предупредил, и, в ожидании объявленного им заказа машин, набрал множество сведений и чертежей, а мое прибытие в Америку, тоже объявленное в журналах, объяснял тем, что я и товарищ мой присланы сюда, чтобы учиться делу машинистов. Я отправился к Герстнеру в Филадельфию, чтобы потребовать у него отчета в столь наглой лжи, но не мог его видеть по болезни: он действительно был очень болен и в скором времени помер. Впрочем еще при жизни его, посольство наше в Вашингтоне объяснило официальною статьею в газетах настоящее, в отношении русского правительства, положение в Америке мое с товарищем и г. Герстнера. Сведения, собранные г. Герстнером во имя русского правительства, были впоследствии напечатаны секретарем его в весьма неполном и несистематическом издании [18].

Я несколько отвлекся от предмета этими рассказами о моих встречах с Герстнером, но мне хотелось показать, в руки какого рода человека попали бы наши железные дороги, ежели б правительство при-

няло те предложения, которые, как мы сейчас увидим, были сделаны Герстнером.

В записке на высочайшее имя Герстнер изложил в общем виде пользу железных дорог, сознанную всеми государствами Европы, и заявлял несомненную пользу их в применении к России, не опасаясь неодолимых затруднений от влияния сурового климата, и в заключение просил, чтобы ему дана была исключительная привилегия в течение 20 лет строить железные дороги в России.

Эта скромная просьба монополии в течение 20 лет при праве вечного владения железными дорогами в России, т. е. такими путями, которые сам Герстнер рассматривал долженствующими иметь громадное влияние на весь быт государства, доказывает, с какими намерениями явился сюда этот будущий благодетель России и какими дикарями он считал нас, чтобы решиться сделать серьезно подобное предложение.

Главные статьи просимой Герстнером монополии выражены были так:

1. В продолжение 20 лет никто кроме Герстнера не будет иметь права сооружать железные дороги ни для правительства, ни для частных лиц.

2. Железным дорогам, строимым Герстнером, должны быть дарованы те же права и преимущества, какими пользуются сооружения правительственные.

3. В случае отправления правительственных транспортов плата по всем железным дорогам будет уменьшена до половины против обыкновенной провозной цены.

4. Каждая железная дорога между губернскими городами должна иметь возможности перевезть после предварительного за 24 часа объявления, по крайней мере, 5000 человек пехоты, 500 — конницы со всею артиллериею, обозом и лошадьми, потребными для означенного числа войска, но притом со скоростью 200 верст в 24 часа.

5. Железные дороги останутся навсегда собственностью компании строителей, но, по прошествии 20 лет, исключительная привилегия на сооружение железных дорог прекращается.

Примечание: Прекращается она и ранее, ежели Герстнер не построит 100 полных верст в продолжение 4 лет со дня выдачи привилегии, употребляя английские рельсы, и в продолжение 6 лет с русскими рельсами *.

6. Все предварительные работы, как-то нивелировку, съемку и пр. Герстнер принимает на себя и на свой счет, к составлению же большой компании акционеров обязывается приступить он не прежде, как через два (со дня выдачи привилегии) года, ежели, впрочем, практическая возможность строить в России железные дороги будет достаточно доказана. (Как это определительно!)

7. Земли под железные дороги и под заведения, при них нужные, уступаются даром, ежели они принадлежат казенным крестьянам.

8. Предоставляется право строить везде при сооружаемых железных дорогах гостиницы и трактиры, на расстоянии не более одной версты в сторону от дороги, причем, как и в предыдущем пункте, земля, отходящая под эти заведения, отдается бесплатно, ежели она принадлежит казенным крестьянам, и с уплатою 20% сверх оценочной законной суммы, ежели принадлежит частным лицам, будет ли она застроена или нет.—

* Вот в чем обязывался Герстнер, так что за 100 верст железных дорог, построенных в 6 лет, Россия вынуждалась не сметь приступить к какой-либо железной дороге в остальные 14 лет, или в течение 20 лет иметь, может быть, не более 100 верст железных дорог (Прим. в подлиннике).

Государю императору благоугодно было повелеть, чтобы предложение это было рассмотрено в Главном управлении путей сообщений и публичных зданий.

Комиссия, для сего назначенная, состояла под председательством ген-лейт. Потье, из членов: ген.-майора Готмана, полковника Зеге фон Лауренберга и меня (майора Мельникова). Не очень понимаю, на чем основан был такой набор членов, из коих двое — Готман и Лауренберг — вовсе не следили за делом железных дорог.

Комиссия отозвалась весьма скромно о предложении Герстнера, не выставляя, как бы следовало, по мнению моему, тогда же заявленному, все неприличие претензий предлагателя.

Заключение комиссии было представлено при всеподданнейшем докладе главноуправляющего путями сообщений графа Толя, который присовокупил от себя, что, предоставляя Герстнеру пользоваться беспошлинно в течение 50 лет как землями под дорогою, так и самою дорогою, он считает излишним продолжать это преимущество, как того требует г. Герстнер еще на 50 лет, ежели опытом оправдается ожидаемая от дороги польза.

Государь император, соглашаясь вообще с заключениями доклада, присовокупил однако, что для поощрения дела устройства железных дорог в России он готов разрешить Герстнеру беспошлинный ввоз из Англии рельсов на первые 500 верст дороги с тем, чтобы на прочих дорогах употреблены были рельсы русские.

Впрочем, для ближайшего разъяснения всего дела его величеству угодно, чтобы было обсуждено в личном, самого государя, присутствии. К такому обсуждению назначены были по высочайшему повелению председателем собрания — председатель Государственного Совета действ. тайный советник Новосильцев, а членами: главноуправляющий путями сообщения граф Толь, военный министр — граф Чернышев, министр финансов — граф Канкрин, действ. тайный советник Сперанский, министр внутр. дел — Блудов, кн. Петр Михайлович Волконский и ген.-ад. граф Бенкендорф.

Достойно особенного замечания то мнение, которое в этом комитете излагал министр финансов. Граф Канкрин говорил, что предположение покрыть Россию сетью железных дорог есть мысль, не только превышающая всякую возможность, но сооружение одной дороги, например, хотя до Казани, должно считать на несколько веков преждевременным. Такое предприятие, ежели бы оно могло осуществиться, следует рассматривать пагубным для народной промышленности, ибо исключительная привилегия на построение и пользование железными дорогами, какой требовал Герстнер, повредит существующим на сибирских горных заводах чугунным дорогам (это курьезно!), а право ввоза из Англии рельсов, подрывая кредит русских заводов, может служить дурным примером для будущих строителей железных дорог.

Сверх того, недостаточность торгового движения в России должна оставить железные дороги в относительно полном бездействии, а всякая порча дороги грозит опасностью оставить целую местность без продуктов за прекращением подвоза (противоречие!). Притом невозможно допустить употребления на дорогах парового движения, так как это повело бы к окончательному истреблению лесов, а между тем каменного угля в России нет (какое знание дела в главном начальнике горной части!). Рассчитывать же на подвоз оного из Англии невозможно. Далее граф Канкрин обращает внимание на те обстоятельства, что перевозка войска потребует огромного количества вагонов, которые, оставаясь большую часть времени без употребления, представлять будут мертвый капитал; что казна не везде имеет землю для вознаграждения казенных крестьян за отошедшие у них земли под

железные дороги; что с устройством железных дорог останутся без занятий и средств прокормления крестьяне, ныне занимающиеся извозом (тоже возражение не государственного человека, в особенности, не министра финансов, который бы хотя немного следил за тем, что делается в других странах, где под таким предлогом не боятся всякого рода улучшений).

В заключение граф Канкрин сделал дельное замечание, что проект привилегии г. Герстнером составлен слишком предположительно и что прежде разрешения вопроса о выдаче оной нужно бы потребовать пояснения о том, что будет стоить дорога, на какую можно рассчитывать годовую выручку и как действует построенная Герстнером дорога между Молдавою и Дунаем.

Государь император не убедился, повидимому, доводами г. министра финансов и результатом совещания в присутствии е. в. было то, что для ближайшего обсуждения дела и для переговоров с Герстнером назначен комитет из графа Толя, г. Сперанского и гр. Бенкендорфа (замечательно неучастие в таком деле министра финансов). Для удовлетворения же заявленного предположения относительно проверки движения на Линц-Будвейской дороге повелено командировать на место опытного инженера-офицера. Поручение это возложено было на полковника Крафта, который доставил сведения не весьма удовлетворительные в пользу Герстнера, ибо оказалось, что вместо одного миллиона гульденов, исчисленных по смете Герстнера на устройство всей дороги, им издержано было вдвое более в первые два года работ, когда дорога далеко не была кончена [19]. Компания акционеров решалась уже дело бросить и продать все имущество с аукционного торга, но потом предпочла сделать заем и поручить окончание работ другому инженеру. Дорога оказалась построенною весьма неудовлетворительно и не приносящею почти никакого дохода, за отчислением расходов по эксплоатации и по уплате процентов на занятый капитал.

Новая комиссия из трех членов предложила г. Герстнеру дать обстоятельные ответы на следующие предложенные ему вопросы:

1. Что будет стоить дорога из Петербурга до Москвы.
2. Какой может она приносить доход.
3. Откуда могут иметься в виду потребные капиталы.

Вместо категорического ответа на сии вопросы Герстнер заявил, что по его расчетам дорога от Петербурга до Москвы будет стоить около 75 млн. и будет приносить до 15 млн., т. е. до 20% дохода. Не довольствуясь таким голословным заявлением, комитет потребовал положительных расчетов. Герстнер просил отсрочки для собрания необходимых статистических данных; наконец, представил расчет в подтверждение прежде заявленных цифр относительно первоначального расхода и ожидаемых доходов. Расчеты эти были переданы на рассмотрение комиссии проектов и смет Главного управления путей сообщения, находившейся под председательством Дестрема, который еще с 1831 года выражался против введения в России железных дорог.

Привожу те выводы, к коим пришла комиссия, сравнительно с сходственными выводами Герстнера, причем, по объяснению комиссии, она основала свои расчеты на данных, извлеченных из устройства Ливерпульской железной дороги и С. Петербурго-Московского шоссе.

Должны были стоить:

По расчетам Герстнера:		По расчетам комиссии:
Устройство полотна и верхнего строения	40 000 000	86 790 489
Устройство мостов	5 000 000	
5 млн. пудов рельсов с скреплениями	23 000 000	46 319 251
Здания и подвижной состав	7 000 000	7 000 000
Итого	75 000 000	140 109 740

Таким образом комиссия проектов и смет считала в два раза более, нежели Герстнер, за первоначальное устройство. Что же касается до годового дохода в 15 млн., то комиссия признала его правдоподобным, но за отделением расходов на эксплоатацию дороги допускала только 1 млн. чистого дохода, т. е. $^3/_4$% с затраченного капитала.

На запрос комитета по поводу замечаний комиссии Герстнер отвечал пространною мемориею о пользе железных дорог вообще и об исключительной компетентности его для устройства их в России. При этом случае он вошел в подробное изложение своих заслуг, говоря, что был семь лет профессором геодезии в Вене, три года профессором механики в Праге, четыре года директором кадастра, начал работы железной дороги между Молдавою и Дунаем, был приглашаем в. кн. Екатериною Павловною на службу в Россию и пр.— «Как же,— восклицает он после перечисления всех своих достоинств,— могут отказывать мне в просимой привилегии, когда в настоящее время я имею 20 годами больше опыта и творениями своими приобрел европейскую известность». В заключение Герстнер выражает готовность ограничиться дорогою из Петербурга до Царского села, ежели б не решились предоставить ему всей Петербурго-Московской линии, и с тем вместе просил личной аудиенции у государя. Записка эта вместе с заключением комитета представлена при всеподданнейшем докладе графа Толя; государь изволил положить на докладе следующую резолюцию:

«Читал с большим вниманием и убежден, как и прежде был, в пользе сего дела, но не убежден в том, чтобы Герстнер нашел довольно капиталов, чтобы начать столь огромное предприятие; на сей предмет желаю от него объяснений письменных, потом, если нужно будет, призову к себе» [20].

Вместо обстоятельного ответа на вопрос государя Герстнер повторял прежние неопределительные уверения в несомненности своих надежд на приобретение нужного капитала, присовокупляя, что в бытность его в Москве князь Д. В. Голицын и граф С. Г. Строганов, а также граф Бенкендорф и франкфуртский консул Плит заявляли готовность принять участие в устроении Царскосельской железной дороги, как опыта для Московской дороги.

Между тем за болезнью графа Толя делопроизводство по железной дороге было передано д. т. сов. Сперанскому, которому Герстнер заявил в июле 1835 г., что он готов сделать значительные изменения в первоначальном своем предложении, именно:

1. Привилегия может быть выдана не на одно имя, а на имя его вместе с поименованными учредителями общества, которое он составит.

2. Привилегия будет относиться не ко всем железным дорогам России, а только к дороге от Петербурга до Москвы и Нижняго Новгорода, со включением окрестностей обеих столиц, при условии, что в течение трех лет других привилегий на железные дороги в России выдаваться не будет.

3. Имея в виду, что дозволение приобресть все железо для железных дорог из Англии может казаться мерою антинациональною, Герстнер соглашается принять железо от русских заводчиков, если вследствие опубликования за год они примут цену на 15% дороже цены английских рельсов.

По поводу этого нового предположения комитет отвечал Герстнеру с высочайшего соизволения, что «правительство, убежденное еще прежде записки Герстнера в пользе для России железных дорог, всегда готово покровительствовать и содействовать этому делу, а потому, если предъявлена будет от какой-нибудь компании с достаточ-

ным вкладочным капиталом и кредитом просьба о дозволении устроить на известном и определенном расстоянии железную дорогу, оно, рассмотрев эту просьбу установленным порядком, не только готово дать дозволение, но и доставит. с своей стороны, к приведению его в действие все удобства, какие могут быть совместны с общими государственными пользами и законами империи; назначение строителя будет зависеть от выбора и усмотрения компании и, с своей стороны, правительство не намерено стеснять ее в том, разве встретились бы в допущении избранного лица особенные какие-либо препятствия»..

На этом отзыве комитета выражается просвещенный взгляд и с тем вместе недоверие к личности Герстнера со стороны Сперанского, который орудовал тогда этим делом [21].

Получив это решение комитета, Герстнер просил дозволения напечатать на свой счет, для безденежной раздачи в России и заграницей, особое приглашение или программу о составлении частной компании акционеров для устройства железной дороги между С.-Петербургом и Москвою и в программе сей между прочим ходатайствовал:

1. О выдаче российским правительством Герстнеру исключительного права на составление таковой компании с условием, что если по истечении года не будет собран по подписке капитал в 100 млн. и не будет внесено наличными деньгами, по крайней мере, 3 млн. руб., то дальнейшее существование помянутого права прекращается.

2. О сущности тех преимуществ, какие правительство может обещать имеющей составиться на сем основании компании и о том

3. что, когда будет в виду подписка на 50 млн. руб., то подписчикам предоставится выбрать из среды своей комитет, который вместе с ним, Герстнером, войдет в сношение с правительством относительно дальнейших условий.

Комитет находил нужным изменить эту программу в следующем виде:

1. Ежели по истечении годичного срока, предоставленного для учреждения компании, сверх подписки на весь капитал в 100 млн. руб. правительству не будет представлена пятая часть сего капитала, т. е. 20 млн. рублей наличными деньгами, то право на составление компании прекращается и привилегии не выдается.

2. По собрании подпискою 50 млн. рублей к дальнейшим условиям насчет подробностей привилегии приступлено будет в таком только случае, если в числе подписчиков будут люди, известные в коммерческом свете или люди, пользующиеся общественною доверенностью, и

3. до учреждения компании в полном ее составе предоставляется Герстнеру избрать и согласить к приему подписки и денег одного или нескольких из известных здешних, а для заграничных вкладчиков из иностранных банкиров, имена коих, по соглашению с ними, означить в издаваемой программе.

Что же касается до особых преимуществ предприятия, которые могут быть заявлены в программе, то комитет находил возможным допустить, что:

1. Компании присвояется исключительное право устроить железную дорогу от С.-Петербурга до Москвы с продолжением оной, буде компания пожелает, и до Нижнего Новгорода, с тем, чтобы в течение первых 50 лет никто не имел права строить подобную дорогу на помянутом тракте, а по миновании оных устроенная дорога остается собственностью казны (Герстнер просил и продолжения привилегий еще на 50 лет, ежели дорога окажется полезною, но в этом отказано).

2. Устроение дороги пользуется всеми выгодами казенных работ так точно, как бы она была предпринята самим правительством, посему казенные земли, через которые железная дорога пролегает, отдаются

компании как для самой дороги, так и для необходимых строений безденежно; частные же земли, когда владельцы не согласятся по добровольному условию, подводятся под общий закон об отобрании частных недвижимых имуществ на государственную или общественную пользу *.

3. Дозволяется компании беспошлинный пропуск из-заграницы вагонов и машин, нужных для железных дорог, так как устройство оных предполагает особенную степень искусства, приобретаемую только навыком и опытом.

Примечание: Для большего удобства в приобретении рельсов в России те заводчики, с которыми компания войдет по сему предмету в условия, могут быть снабжены нужными изделиями и шаблонами по ее указаниям от казенных заводов, где оные будут выделены в потребном количестве и без всякой платы.

4. Предлагаемое устройство железных дорог в течение 50 лет не подвергается никакого рода коренным налогам или сборам. По минование сего срока установление известной пошлины или продолжение таковой льготы в уважение к пользе предприятия зависит от усмотрения правительства.

5. Так как железная дорога проведется по другому совсем направлению, нежели существующее ныне шоссе, и как всякому предоставлено будет пользоваться тою или другою дорогою, то установление условий для проезда или провоза по железной дороге предоставляется вполне усмотрению самой компании **.

Представляя на высочайшее усмотрение этот проект программы, комитет предполагал объявить Герстнеру:

1. Что правительство не встречает затруднения дозволить ему напечатать и обнародовать на собственный счет проект вызова или программы на составление компании для устройства железной дороги между обеими столицами, но не иначе, как с теми изменениями и ограничениями, которые выше по отдельным статьям оной означены.

---

* В подобном разъяснении этого начала, между прочим, упомянуто было, что при отчуждении частной собственности компании дозволяется, дабы не останавливать работы, приступить к оным, не ожидая окончания оценки, положив однако в надлежащем присутственном месте сумму наличных денег, равную цене, платимой за подобное участие в окрестностях. По окончании же оценки компания должна внести остальные деньги, ежели таковые по оценке потребуются. Для имений удельных допущены те же права, как и для имений частных лиц. На случай, когда железная дорога должна быть направлена через города или места, в коих находятся какие-либо значительные заведения, казенные или частные, правительство, не постановляя общего правила, предоставляет себе давать каждый раз особое разрешение. Компании дозволяется на площади в 100 саж. в обе стороны от железной дороги выводить складочные магазины, жилые дома для состоящих при дороге людей, конюшни, сараи, кузницы, экипажи, мастерские и вообще всякого рода строения, собственно для железной дороги необходимые, но не для другой какой-либо цели — для приобретения земли под строения, и на означенном 100 саж. пространстве действуют те же правила, как и для приобретения земли под дорогу; наконец, всякое отчуждение частной собственности для железных дорог и их принадлежностей будет допускаться на вышеизложенных правилах только во время самой постройки оных в каждом месте; по окончании же постройки земли, в коих компания может встретить дальнейшую надобность, приобретаются не иначе, как по добровольным сделкам. (Прим. в подлиннике).

** Герстнер предлагал постановить условием, чтобы за проезд и провоз ни в каком случае не могло быть взимаемо более средней цены отправлений в последние 4 года, но комитет нашел это стеснительным для компании и совершенно лишним для публики, так как всякому предоставлено будет выбрать или железную дорогу или шоссе (Прим. в подлиннике).

2. Что по уяснении сих изменений и по включении в программу остальных предполагаемых им статей, которые комитет предоставляет себе обсудить, каждую отдельно, он должен вновь представить ее на рассмотрение в том самом виде, в коем она изготовлена будет к печати.

Заключения комитета были высочайше одобрены, за исключением одной статьи, о ввозе английского железа. Государь, «рассматривая вопрос сей решенным еще в то время, когда по первому проекту привилегии Герстнеру дозволен был ввоз железных рельсов на 500 верст дороги, изволил и теперь разрешить оный ввоз на сказанное количество».

Но такое разрешение на устройство Петербурго-Московской железной дороги осталось без последствий; Герстнер не мог им воспользоваться по неимению достаточного кредита, чтобы удовлетворить постановленным условиям для реализации капитала; может быть, и даже весьма вероятно, капитал бы нашелся, ежели б правительство приняло гарантию наименьшего дохода по сметам капитала, но такую гарантию трудно было допустить при неопределенности расчетов предлагателя относительно первоначальной стоимости и вероятного дохода; сверх того, Герстнер и не ходатайствовал о гарантии; очевидно, он сам дела не понимал хорошо, да, притом, он приехал, как видно, не с частным намерением устроить в России большую линию железной дороги, а с целью эксплоатировать нас, получив, ежели б ему удалось, привилегию на устройство в течение известного времени всех железных дорог в пространной России без всяких с его стороны обязательств и гарантий, и затем спекулировать такой небывалою монополиею на рынках Европы. Хотя дерзкая попытка сия не удалась австрийскому авантюристу, благодаря тому, что у нас нашлись люди, хотя мало знакомые с делом железных дорог, но рассудительные и осторожные, как г. Сперанский, тем не менее я счел не лишенным интереса привести это краткое изложение всего дела, как выражение воззрения наших государственных людей того времени на вопрос железных дорог. Любопытно, например, как мало доверяли преимуществу железных дорог пред обыкновенными дорогами, когда считали совершенно бесполезным принятие высшего тарифа в выдаваемой привилегии, несмотря на то, что это условие было предлагаемо самим учредителем.

Мне кажется, что государь, яснее всех его окружающих, сознавал пользу железных дорог в применении их к пространной России: он это постоянно выражал и в последующих суждениях по этому вопросу; но особенно высказал ясный взгляд свой на этот предмет в объяснении со мною в 1842 году, когда поручал устройство на средства казны С.-Петербурго-Московской железной дороги. Мысль свою государь высказал в немногих словах, но так верно, что у меня слова эти до последнего остались в памяти и я их приведу в своем месте.

Сперанский, как человек умный и просвещенный, разделял, повидимому, воззрения государя, но ввиду огромности предприятия и, в особенности, имея дело с таким шарлатаном, как Герстнер, действовал нерешительно и осторожно.

Граф Толь выражался определительнее впоследствии, когда речь шла об устройстве Московской дороги на казенный счет, и тут он высказался враждебным этому делу, которого ясно не обнимал; что же касается до министра финансов — графа Канкрина, то его понимание железных дорог ясно выразилось в том мнении, которое он решился заявить при обсуждении этого дела в присутствии государя и которое мною приведено в главных чертах.

Впрочем, ошибочные идеи, высказанные гр. Канкриным, преобла-

дали и в общественном мнении; я уже говорил о статье генерала Дестрема, напечатанной в 1831 году. Теперь, чтобы дать понятие о том, как четыре года после этой статьи трактовали в публике о применении железных дорог к России, приведу мнение об этом предмете, напечатанное в 1835 году г. Наркизом Атрешковым, действительным членом императорских обществ: вольного экономического, московского и сельского хозяйства. Титла эти должны бы внушить доверие к человеку и, действительно, г. Атрешков пользовался некоторым кредитом, как публицист, в вопросах экономических. Привожу заключения, к каким приходит этот писатель в своей длинной статье об устройстве в России железных дорог, напечатанной по поводу появления в свет статьи Герстнера, о коей упомянуто выше. Г. Атрешков, говоря тоном догматическим о предмете, очевидно, ему весьма мало знакомом, выражается так:

1. Основание и главное свойство железной дороги есть проложение ее по совершенно прямой и горизонтальной линии, посему построение подобного пути между Петербургом и Москвою невозможно по одной огромности расстояния.

2. Устройство вагонов и самой дороги требует постоянной твердости грунта ее и совершенной ровности положения рельсов, до чего никак нельзя достигнуть по нашему климату, в котором весенние снега и частые оттепели размягчают грунт, а крайности перехода от холода к теплу, причиняя расширение и сжатие железа, произведут неровности по концам ничем не связанных между собою рельсов.

3. Зимнее время, прерывая сообщение по железной дороге, дало бы возможность ездить по ней у нас только не более шести месяцев в году.

4. При более благоприятных обстоятельствах для самой поспешной доставки по железной дороге из С.-Петербурга в Москву и обратно потребовалось бы не менее 3-х суток для перевозки пассажиров и около десяти суток для перевозки товаров *.

5. Железные дороги по свойству своему не всегда допускают точное и безостановочное отправление экипажей, даже при малых расстояниях. При значительных же расстояниях это неудобство неизбежно и повлечет за собою беспрерывные задержки и продолжительные остановки, которые сделают всякое употребление железной дороги невозможным. Самая кратковременная задержка в пути одного только поезда должна совершенно расстроить на многие недели очередь отправления поездов. На Манчестерской дороге остановка, равная полутора часам или времени прохождения всего пути, составит разницу 15 или 17 часов для десятого поезда, т. е. товары и пассажиры будут доставлены сутками позже. Ежели при 45-тиверстной длине Ливерпуль-Манчестерской дороги, столь кратковременная остановка задерживает так долго отправление поезда, то на Московской дороге, при 600 верстах, подобная задержка заставит опоздать десятый поезд на 30 или 40 дней (что за нелепость и какое понимание движения по железной дороге!)

---

* Расчет этот основан на предположении, что поезда по железным дорогам ночью ходить не могут, но будут ходить в течение года средним числом не более 16 часов в сутки; что наибольшая скорость поездов не превзойдет для пассажиров 15 верст, а для товаров, перевозимых не паровою машиною, а лошадьми 4-х верст в час; остановки для осмотра машины и снабжения ее углем и водою через каждые 50 верст будут по 20 минут и составят 4 часа,— а для перепряжки лошадей на товарных поездах через каждые 20 верст по 1/4 часа составят 7 1/2 часов. Таким образом поезд будет совершать переезды между столицами, скорый в 44 часа, а товарный в 157 1/2 часов, или, полагая дневного времени по 16 часов в сутки, скорый поезд потребует 3-х суток, а товарный 10 суток (Прим. в подлиннике).

6. Каждая железная дорога, отправляя число экипажей, сообразно протяжению ее и назначению очереди отправления, не может увеличить по желанию или надобности число определенных для нее экипажей, а, следовательно, она не может избавиться от необходимости содержать между теми же пунктами или городами обыкновенную шоссейную дорогу (непонятно!)

7. Железные дороги, не допуская въездов и едва дозволяя проводить небольшое число боковых железных дорог, могут приносить пользу только двум оконечным пунктам или городам, между которыми проведены; шоссейные же дороги облегчают сообщения между всеми вдоль и в стороне лежащими местами; посему железная дорога между Петербургом и Москвою не представляет никаких выгод ни в отношении общей государственной промышленности, ни в отношении помещиков и землевладельцев (логично и ясно!?)

8. Железная дорога тогда только полезна, когда соединяет города, имеющие непосредственное и огромное между собою торговое сношение и когда это сношение направлено на перевозку ценных товаров и, в особенности, на перевозку пассажиров. Движение же между обеими столицами такого рода, что при существующих уже столь удобных водяных и зимних сухопутных сообщениях, оно оставит на время железную дорогу без всякого употребления. Кроме того, дешевизна настоящей перевозки товаров и пассажиров не дозволяет полагать, что даже при возможности устроить С.-Петербурго-Московскую железную дорогу, по ней отправлялось бы самое малое число пассажиров, а еще менее товаров.

9. Цифра расходов, исчисленная Герстнером на постройки дороги и снабжение ее подвижным составом, очевидно, недостаточна. Построение С.-Петербурго-Московской железной дороги с комплектом вагонов, паровозов, лошадей и пр. потребует не менее 144 млн. руб. асс.

10. Ежедневный ремонтный и текущий расход по предполагаемой линии должно считать в 14 550 000 р. асс., а капитал 144 млн. должен принести 10% вкладчикам, т. е. 14 400 000 р. асс., потому имелось бы ежегодно расхода 28 950 000.

Герстнер полагал для покрытия текущих расходов и процентов акционеров, 120 тыс. пассажиров по 50 руб. с каждого, всего 600 000,— 12 млн. пудов товара по 75 коп. с пуда — 9 000 000 итого 15 000 000 р. асс.

Признавая даже годовой доход в 15 млн. верным, Московская дорога приносила бы чистого годового убытка 13 900 000 (какая математика!); но предположения Герстнера касательно движения по железной дороге далеко не точны: число проезжающих и отъезжающих из обеих столиц составляет ежегодно, конечно, более ста тысяч человек; но это нисколько не значит, чтобы все они приезжали из Москвы в Петербург или обратно; напротив того, они выезжают в Петербург через все заставы, т. е. приезжают из всех направлений России и даже те, которые выезжают через Московскую заставу, не едут непременно в Москву или из Москвы; значительная часть из них следует только по Московскому шоссе до поворота к местам следования; притом даже едущие прямо из Москвы в С.-Петербург и обратно — одни, и по устройстве железной дороги, признают более удобным ехать в собственном экипаже или же на долгих по шоссе; другие найдут полагаемую по железной дороге таксу в 50 руб. с человека весьма высокою, имея всегда возможность совершить этот же путь по нынешним ценам при обозе за 10 или 12 руб., а в дилижансе за 20 руб. Приняв сие в соображение, окажется, что число пассажиров собственно между Петербургом и Москвою едва ли простирается ныне от 60 до 70 тысяч и что при самых успешных действиях железной

дороги едва ли осьмая или десятая часть; т. е. около 8 тыс. человек воспользовались бы новым средством сообщений. (Как это оправдывается действительностью, когда по Николаевской дороге перевозят в год более 1½ млн. пассажиров: недочет только в 200 раз!).

11. Что касается до торгового движения между столицами, то можно считать, что ежегодно ввозится и вывозится из Петербурга сухим путем и по каналам до 140 млн. пудов всякой клади, но отправление по железной дороге никогда не будет простираться выше 7 млн. пудов (это только в 10 раз меньше действительной перевозки), так как большая часть перевозимых предметов по роду своему никогда и ни в каком государстве, особенно в России, не могут быть перевозимы посредством железных дорог, не допускающих тяжелых и громоздких товаров; — сверх того, значительная часть этих грузов доставляется из мест, совершенно противуположных линии железной дороги. Итак, доход предполагаемой дороги составит за 8 тыс. пассажиров — 400 000 и за 7 млн. пудов клади — 5 250 000 руб. асс., всего же дохода в год 5 650 000 руб. асс. (около 1/14 части действительного сбора); а как ежегодный непременный расход по содержанию дороги должен простираться до 28 950 000 рублей ассигнациями, то предприятие это должно иметь ежегодного чистого и непременного убытка до 23 300 000 рублей асс.

Присоединяя эти выводы к прежде сделанным касательно неудобств построения железной дороги между С.-Петербургом и Москвою, нельзя не заключить, что положительно устроение железной дороги между С.-Петербургом и Москвою совершенно невозможно, очевидно бесполезно и крайне невыгодно.

Этою сентенциею заключается нелепая статья г. Атрешкова.

Читая подобные несообразности, можно подумать, что такое ошибочное воззрение на железные дороги существовало только в понятиях людей совершенно незнакомых с делом, каковы бывают сочинители журнальных статей; но подобное же мнение разделяли и люди серьезные, даже инженеры путей сообщения, чему служит доказательством приведенная выше статья ген. Дестрема. Конечно, приговоры Дестрема не столь резки и не так нелепы, к тому же статья его явилась четыре года ранее; но годом позже Атрешкова, именно в 1836 году, была напечатана статья, столь же враждебная делу железных дорог, г. Палибиным, инженером, считавшимся тогда одним из лучших в Корпусе путей сообщений. Статья Палибина явилась в печати уже после открытия дороги в Царское село, и вот как выражается автор статьи:

«Первый успех Царскосельской дороги ничего не доказал ни в отношении действия той железной дороги в зимнее время, ни в отношении будущих в России железных дорог; ледяная кора и снежные сугробы, покрывающие зимою рельсы, затрудняют, а по временам и вовсе прекратят движение по железным дорогам. Ледокольный и снегочистительный сошняк, которым снабжалась каждая локомотива останется без всякого действия, встретив твердую массу, которая сильным ударом ручных инструментов, уступает незначительными кусками. Употребление сошника, представляет еще то неудобство, что, катясь и царапая по самым рельсам для очистки с них снега и льда, он может при малейшей неровности рельсов, сбросить и разбить в куски весь поезд.

Ежели подобных препятствий следует ожидать на Царскосельской дороге, лежащей, как известно, в совершенно открытой местности, то что же будет с Московскою дорогою в тех местах Новгородской, Тверской и Московской губерний, где придется проложить ее в ущельях 3 и 4 сажени высоты? Многие жители С.-Петербурга и Москвы слы-

шали, а некоторые и сами видели, как целые обозы бывали зарываемы снегом в одну ночь, так что дилижансы проезжали по возам, не чувствуя их под собою — и это было на Московском шоссе, состоящем, большею частью, из насыпи, имеющей во многих местах около 30 футов вышины.

Пример иностранных государств, строящих железные дороги, на который ссылались поборники будущих русских линий, ничего не доказывает; разность в климатических условиях, а особенно различие характеров нашего народа и западно-европейских народов должно лучше всего доказать невозможность и негодность для России железных дорог» [22].

Возвращаюсь к сообщению о последствиях предположений Герстнера, прерванных мною для приведения мнений, которые в то время преобладали в публике по вопросу о железных дорогах.

Мнения даже самых передовых людей того времени представляются до такой степени несогласными с понятиями, которые составились теперь из опыта 35 лет, и, могу сказать, так нелепыми, что это может служить поучительным примером для тех, даже серьезных и просвещенных людей, которые слишком спешат высказываться решительными приговорами в печати по вопросам, имеющим государственную важность, но еще недостаточно разъясненным опытами.

Я сказал, что Герстнер не воспользовался предоставленными ему правами относительно устройства С.-Петербурго-Московской железной дороги и вместо этого грандиозного предприятия остановился на сооружении дороги в окрестностях Петербурга.

В письме на имя г. министра финансов Герстнер испрашивал 10-летнюю привилегию на сооружение двух железных дорог от Петербурга: одной до Царского села с продолжением до Павловска, а другой — до Петергофа, обязуясь кончить первую в 1836 году, а вторую — в 1837 году, при условии, чтобы ему даровано было право привозить рельсы из Англии, буде русские заводчики потребуют свыше 15% против английских цен. Письмо это было доложено 1 декабря 1835 года председателем Государственного совета гр. Новосильцевым. Государь император повелел сообщить Герстнеру, что «ежели предъявлена будет от какой-либо компании с достаточным вкладочным капиталом и кредитом просьба о дозволении устроить на помянутом пространстве железную дорогу по направлению и линии, которые утверждены будут вследствие особого представления о том, то правительство готово не только дать дозволение, но и доставить с своей стороны к приведению его в действие все удобства, какие могут быть совместным с общими государственными пользами и законами империи».

При этом представлялось Герстнеру для составления компании вкладчиков сделать публичный вызов и заявить в нем преимущества, даруемые правительством. Преимущества эти, прописанные в высочайше утвержденном докладе, были повторены в тех выражениях, в каких они были сообщены Герстнеру при окончательном высочайшем разрешении по поводу Московской железной дороги.

Весьма вероятно, что Герстнер не воспользовался бы и этим новым разрешением, по недостатку доверия к его личности, для образования нужного хотя незначительного капитала, ежели бы не пришел к нему на помощь граф А. А. Бобринский, который, как мы сейчас увидим, с большим самоотвержением, решился, при помощи нескольких лиц, взять на свой страх образование капитала и этим оказал большую услугу делу железных дорог в России. Но как дальнейшее производство этого дела совершилось уже в 1836 году, то в заключение 1835 года я упомянул еще об одном ничтожном предложении по вопросу железных дорог, которое было сделано в исходе 1835 года, именно:

В ноябре 1835 года передан по высочайшему повелению на рассмотрение Главного управления путей сообщения проект иностранца де-Риделя, который замечателен только своею несообразностью. Проектер предлагал устройство железной дороги от С. Петербурга до Одессы на протяжении 1806 верст; весь расход исчислялся в 6 млн. руб.; считая каждую версту в 2057 руб. асс., а со включением всех принадлежностей и подвижного состава в 11 960 руб. асс., при чем предполагалось иметь 60 локомотивов и на ремонт их расходовать ежегодно 36 000 руб. асс. Доход же дороги исчислен в 40 млн. руб. Все эти цифры доказывали, что г. де-Ридель не имел ни малейшего понятия о железных дорогах, и поэтому гр. Толь испрашивал высочайшее повеление оставить его предложение без всяких последствий. В подтверждение же несообразности расчетов предлагателя, гр. Толь приводил сведение о стоимости различных железных дорог в параллель с расценкою де-Риделя в 11 960 руб. ассигн., именно:

Ливерпульской дороги стоившей	460 000	руб.	асс.	с версты
Лондон-Бермингамской	350 000	»	»	»
Стоктон-Дарлингтонской	133 000	»	»	»
Сент-Этьен-Лионской	163 000	»	»	»
Гавр-Парижской	125 000	»	»	»

Сверх того, на Ливерпульской дороге из 30 локомотивов только 10 могли быть в действии, прочие находились постоянно в починке, стоившей в год 325 тыс. руб. асс. Из этого гр. Толь заключал, что содержание в действии 60 локомотивов на проектируемой дороге должно бы стоить до 1 950 000 руб. асс. вместо исчисленных де-Риделем 36 000 руб. асс.

Этим нелепым предложением заканчивалась деятельность 1835 года по делу железных дорог.

В том же 1835 году издано мною, как я упомянул выше, первое на русском языке сочинение о железных дорогах, но в этой небольшой книге я ограничился изложением способа устройства и теории железных дорог, не касаясь пользы их в сравнении с другими путями сообщений, так как в этом последнем отношении вопрос был уже разбираем г. Дестремом.

1836 год.

На основании высочайшего разрешения, упомянутого выше и объявленного в декабре 1835 года гр. Новосильцевым, Герстнер представил на рассмотрение Комитета под председательством гр. Новосильцева из членов: гр. Толя, гр. Бенкендорфа и д. т. с. Сперанского, проект дороги от С. Петербурга через Царское село до Павловска и при оном объявление, подписанное гр. А. А. Бобринским, Бенедиктом Крамером, Иваном Плитом и самим Герстнером об обязательстве их собрать нужный для устройства дороги капитал в 3 млн. руб. асс. Представление это сопровождалось подробною пояснительною запискою, в которой опять повторялось общее воззрение на железные дороги и объяснялось, что настоящее представление ограничивается одною дорогою до Павловска, ибо по недостатку топографических карт в России всякая линия вынуждает к подробным изысканиям, требующим много времени.

В той же записке заявляемо было: 1) начертание линии, 2) исчисление стоимости устройства в 3 000 000 руб. асс.*, 3) время окончания дороги, назначавшееся к 1 октября того же 1836 года, при тех, впрочем,

* (См. прим. на сл. стр.).

условиях, ежели ему, Герстнеру, можно будет отправиться для заказов в Англию не позже исхода февраля, ежели к работам будет приступлено 1 мая,— ежели все поставки и работы от правления будут исполнены своевременно и, наконец, ежели лето не будет дождливое (недоставало только прибавить, ежели Герстнер не ошибся в расчетах),—4) скорость езды расчитывалась в 40 минут переезда машиною и один час лошадьми, причем конный движитель полагалось употреблять всякой раз, когда соберется менее 50 пассажиров (странное сочетание движителей). Кладь предполагалось отправлять с пассажирами. 5) Плата назначалась за проезд от 80 коп. до 2½ рублей с человека, смотря по классу. 6) Доход дороги рассчитывался в 863 619 руб. с 300 000 пассажиров по средней цене 8 руб. 88 коп. в оба конца; 30 000 арендных за гостиницу в Царском, предположенную для помещения 1000 человек и 56 381 за провоз клади; за отчислением же 42% на содержание дороги и 5% в пользу директоров, а также за содержание гостиницы, чистый доход определялся в 388 693, или 13% с капитала. В заключение своей записки Герстнер выговорил в свою пользу 17½% со всего затраченного капитала, считая в том числе 4% за предварительные работы и за поездки за границу, а также за напечатание объявлений и записки его; 10% за производство работ и 3½% особого вознаграждения (мы видели выше, как, расчитывая по сему условию: тем большее вознаграждение, чем более будет издержано денег,— Герстнер распоряжался заказами за границею).

Объявление, подписанное гр. Бобринским, Плитом, Крамером и Герстнером относительно обеспечения дела капиталом, было написано в таком смысле, что: «по прочтении высочайшего повеления, Герстнеру объявленного, и по обсуждении его записки, нижеподписавшиеся лица убедились в пользе Царскосельской железной дороги как для жителей столицы, так и для самого дела, еще совсем нового у нас — введения в России железных дорог — и в том еще, что дорога может быть открыта в октябре того же года, ежели не будет замедления, т. е. в сборе нужного капитала; сии, нижеподписавшиеся лица, сим заявляют, что акции на сумму 3 млн. руб. асс. взяты ими и еще некоторыми лицами; они подписываются, что пятая часть всего капитала имеется наличными деньгами и что они просят, чтобы такое их объ-

---

* Эта сумма составлялась из следующих статей:

Приготовительные работы	60 000 руб.
Земляные работы	534 000 »
Деревянные мосты в числе 23 и мост с каменными устоями через Обводный канал	134 000
Деревянные перекладины и фашины	172 000
Каменная подстилка	102 000 (вероятно мостовая, заменяющая балласт)
Железные шины	369 000
Чугунные подушки	106 000
Языки, средние штуки для разъездов	7 000 (вероятно стрелки и крестовины)
Провоз всех железных вещей	74 742
Укладка пути	98 000
Переводы у пересечения с другими дорогами и поворотные круги	7 000
Деревянные на каждых 3 верстах казармы для рабочих и дома в СПБ, в Царском селе для контор и пр.	168 000
Подвижной состав, рассчитывая на 1000 человек пассажиров	230 000
Кузницы для починок	30 000
Разные расходы по управлению, также покупка земель и другие предметы по назначению правления	875 182
Итого	3 000 000

(Прим. в подлиннике).

явление было признано достаточным для выдачи компании привилегии и чтобы им было дозволено напечатать немедленно в издаваемых в С.Петербурге газетах особое извещение о поставке железа для дороги».

Комитет под председательством гр. Новосильцева, рассмотрев в подробности все представленные ему сведения, бумаги и планы предполагаемой линии и принимая в соображение, что главное встречавшееся до того в выдаче привилегии препятствие устранялось объявлением гг. Бобринского, Плита, Крамера и Герстнера о подписке всего капитала, что соображение о том, дает ли железная дорога какой-нибудь доход, скорее дело вкладчиков, нежели правительства, что избранное Герстнером и на плане указанное направление дороги вполне удобно, что все статьи просимой привилегии были уже в свое время пересмотрены и высочайше утверждены, что к напечатанию вызова заводчиков и записки о пользе железной дороги в Царское село с продолжением до Павловска препятствий никаких нет,— Комитет нашел, что в обыкновенном порядке вопрос о привилегии подлежал бы рассмотрению в Государственном совете, но что, по краткости времени, предназначенного компаниею для окончания дороги и как при том все статьи привилегии были уже утверждены, привилегия могла бы быть выдана без всякой дальнейшей остановки непосредственно по высочайшем утверждении журнала, посему Комитет представляет на высочайшее государя императора следующее заключение:

1) Лицам, подписавшим поданное председательствовавшему в Комитете объявление, дозволить на предложенном ими основании учредить компанию для устройства железной дороги из С. Петербурга в Царское село с продолжением до Павловска, по направлении и линии, в том плане назначенном.

2) Предоставить главноуправляющему путями сообщений и публичными зданиями выдать компании на основании разрешения и положений Комитета, удостоверенных в журналах оного высочайшего утверждения, десятилетнюю на сие предприятие привилегию.

3) Разрешить Герстнеру немедленно напечатать объявление заводчикам и его записку о пользе железной дороги в Царское село, выпустив, впрочем, в последней рассуждения о несовершенстве наших карт и помещенные в конце опровержения разных сочинений против введения в России железных дорог * [23].

На докладе Комитета написано собственною рукою государя:

«Совершенно согласен, но направление дороги следует изменить, ибо надобно бы было: 1) устроить новую заставу, что вовсе неудобно и 2) что ее направление лишило бы артиллерию единственного места, где опыты производимы быть могут. Сверх того, надобно узнать согласен ли Михаил Павлович дозволить провести дорогу через его сад? Я назначил на плане карандашем другое направление, которое первые две невыгоды устраняет».

Учредители на сообщенную им графом Толем высочайшую волю, касательно изменения направления дороги заявили, что показанное его величеством направление, устраняя действительно неудобство постройки новой заставы и необходимость избрать другое место для артиллерийских опытов, с другой стороны, порождает значительные и неотвратимые препятствия к успешному ходу дела компании.

Данное его величеством направление ставит компанию в необходимость начать дорогу или от Обухова моста или же от Триумфальных ворот за Лиговкою; первое неудобно в отношении общественной без-

* Опровержения эти относились, преимущественно, к сочинениям Дестрема и Атрешкова, о коих упоминается выше (Прим. в подлиннике).

опасности, так как поездам приходилось бы проезжать по Обуховскому проспекту, всегда очень оживленному двигающимися по нем обозами и толпящимся народом, начать же дорогу за Триумфальными воротами, значит ставить публику в необходимость тратить на проезд по городу до станции почти столько же времени и денег, сколько требуется на проезд от С. Петербурга до Царского села, так как Триумфальные ворота отстоят от Обухова моста на 3 версты. По существующему нерасположению и недоверию публики к железным дорогам вообще, необходимо обставить первый опыт всевозможными удобствами, а потому компания предложила возвести на свой счет все строения, потребные для заставы, в том месте, где линия пересечет Обводный канал или Лиговку. Отбирать же виды у проезжающих по железной дороге, можно бы не у самой заставы, а в конторе или на дворе компании, которая обязывается со своей стороны никого не выпускать из вагонов на расстоянии между заставой и конторою. Относительно же артиллерийского поля, которое пересекалось железною дорогою, компания предлагала осушить на свой счет другое близь лежащее болотистое поле.

Государь император изъявил согласие удовлетворить ходатайству учредителей, но при этом постановил условия:

1) Чтобы учредители обязались построить в свое время и на свой счет мост для железной дороги через второй, предполагавшийся тогда, Обводный канал.

2) Чтобы на паровых экипажах были колокольчики или другие предвещательные знаки во избежание больших опасностей, могущих произойти в тех местах, где железная дорога проходить будет по аллеям Павловского парка [24] и

3) Чтобы пассажиры не были выпускаемы из вагонов между заставой и конторою компании, где должны быть свидетельствуемы их виды.

С этою резолюциею государя компании объявлено было и согласие вел. кн. Михаила Павловича провесть железную дорогу чрез его парк в Павловске и построить при ней некоторые заведения для пристанища и удовольствия публики с тем условием, чтобы земля, отходящая под последние, не считалась собственностью компании.

Вслед за сим учредители по инсинуациям, вероятно, Герстнера, приняли предлогом возрастающие, якобы, в Англии цены на рельсы (мы видели выше, как эти цены установлял г. Герстнер) и обязательство устроить мост через второй предполагавшийся канал, обратились к главноуправлявшему путями сообщений с просьбою об исходатайствовании высочайшего разрешения дополнить положение компании вставкою в соответственном месте следующих слов:

«Если же капитала в 3 млн. руб. не будет достаточно, чтобы совершенно кончить предприятие и пустить его в ход, то оный может быть увеличен выдачею новых акций, смотря по надобности, на сумму до 500 000 рублей».

По ходатайству сему последовало также высочайшее согласие и 21 марта 1836 года повелено объявить положение, «об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от С.-Петербурга до Царского села с продолжением до Павловска».

Во исполнение повеления сего объявлен 15 апреля 1836 года указ Правительствующего сената такого содержания:

«По указу его императорского величества Правительствующий сенат слушал предложение г. министра юстиции г. т. с. и кавалера Дмитрия Васильевича Дашкова, что г. главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий сообщил ему, г. министру, что при всеподданнейшем докладе его 15 минувшего марта он имел счастье по-

вергнуть на высочайшее благоусмотрение государя императора проект положения об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от С. Петербурга до Царского села с продолжением до Павловска. Статс-секретарь Танеев отношением от 21 того же месяца уведомил его, что его императорское величество изволил изъявить высочайшее соизволение на приведение упомянутого положения в исполнение, но с тем, чтобы право пользоваться обществу пространством в 100 сажень вдоль по дороге для разных устройств не распространять на всю длину артиллерийского поля. В то же время его величество высочайше повелеть соизволил: обязать учредителей дороги особою подпискою иметь на паровых экипажах колокольчики или другие предвещательные знаки и не допускать приезжающих в С. Петербург по железной дороге выходить из экипажей на расстоянии между заставою сего города, в которую они выедут, и конторою, где будут осматриваться виды их, а также уведомить о сем С. Петербургского военного генерал-губернатора для непременного с его стороны наблюдения сих возлагаемых на учредителей обязанностей. О таковом высочайшем повелении, он, г. министр юстиции, предлагая Правительствующему сенату для зависящих от него распоряжений, приложил и помянутое положение. Приказали: о сем высочайшем его императорского величества повелении, с приложением печатных экземпляров положения об учреждении общества акционеров для сооружения железной дороги от С. Петербурга до Царского села с продолжением до Павловска, для сведения должного, до кого касаться может, и исполнения послать указы к г. главноуправляющему путями сообщений и публичными зданиями, С. петербургскому военному генерал-губернатору, в здешнее губернское правление, ко всем гг. министрам, московскому военному генерал-губернатору, военным губернаторам, управляющим и гражданскою частью, генерал-губернаторам и градоначальникам, в губернские и областные правления, правительства, войсковые канцелярии и присутственные места, в святейший же Правительствующий синод, ьо все департаменты присутствующего Сената и общее оных собрания сообщить сведения и припечатать в Сенатских ведомостях. Вследствие сего означенного положения прилагается при сем один экземпляр».

Самый устав общества утвержден позднее и разослан для всеобщего ведения при указе Сената от 12 августа 1837 года.

При сем прилагаю в копиях положение и устав Общества Царскосельской железной дороги (Приложение № 1)[25]; они не лишены интереса, как исторические данные для сравнения с позднейшими уставами железных дорог, выработанными подобными же документами заграничных железных дорог.

Я счел не излишним изложить с некоторою подробностью из имевшихся у меня под рукою данных, предшествовавших разрешению первой у нас небольшой железной дороги. Вероятно и это дело не состоялось бы, или по крайней мере оттянулось бы на долго, ежели б не было настоятельного желания государя иметь опыт, который бы оправдал приведение в исполнение любимой его мысли соединить железною дорогою обе столицы, и ежели б при том граф Бобринский (в обществе двух товарищей) не решился оставить за собою всех акций железной дороги. Интересно притом читать в указе Правительствующего сената высочайшее повеление о вагонах с колокольчиками и о проверке видов проезжающих по дороге. Да и сам Герстнер не вполне, повидимому, разумел дело эксплоатации железных дорог, когда предлагал по одному пути отправлять поезда попеременно лошадьми или паровозами, смотря по тому, сколько соберется пассажиров.

К работам железной дороги приступлено было тотчас по получении концессии или, как тогда называли, привилегии, но вместо того, чтобы кончить дорогу, как обещал Герстнер, к 1 октября того же года, сооружение ее продолжалось в течение всего 1837 года и только в апреле 1838 года открыто движение по дороге еще не совершенно конченной. Равным образом не оправдалось заявление Герстнера в отношении стоимости дороги: вместо исчисленного по смете капитала в 3 млн. рубл. ассигнациями, увеличенного потом до 3½ мил.[26], дорога обошлась 1 528 000 рублей серебром, что составляет 61 137 рубл. сер. на версту, так что компания вынуждена была обратиться к займам, большею частью у правительства, а частью у частных лиц и у Петербургского городского общества. Расход 61 137 руб. сер. с версты нельзя не признать довольно большим, ежели принять в соображение, что местность, которою проходит дорога, совершенно ровная, что все мосты — в числе 43 деревянные, из них только в двух мостах каменные устои, что баласта под верхнее строение вовсе не положено, а он заменен мостовою (система, которой я нигде не встречал); наконец, что как дорога начинается в Петербурге, то подвозка заграничных потребностей дороги должна была бы обходиться дешево.

Такая затрата с версты, равняющаяся ценности дороги, устроенной казною в 1867 году между Москвой и Курском при весьма затруднительной местности, при капитальном характере всех сооружений каменных и железных, при цене на все и, в особенности, на рабочих более, нежели удвоившейся с 1836 года, может быть объясняема только неопытностью строителя и несовместностью его интересов с интересами компании,— ибо мы видели, что он получал тем больше вознаграждения, чем более затратит денег.

Царскосельская дорога имеет особенность, которая навсегда исключает ее из общей сети русских железных дорог: она построена в 6 фут. широты расстоянии между рельсами, тогда как для всех прочих дорог нашей сети принималась до сих пор широта в 5 фут. Но я не знаю, на чем основался Герстнер, чтобы принять размер 6 фут., когда во всей Европе и Америке держались еще меньшего размера именно 4 фут. 8 дюйм.; точно также не знаю, для чего в последнее время, т. е. в 1870 году, стали уменьшать широту некоторых из наших дорог до 3½ фут.

1837 и 1838 годы

В течение 1837 и 1838 годов вопрос о железных дорогах в России оставался без дальнейшего преследования, по крайней мере, не было принимаемо никаких положительных мер для водворения у нас этих усовершенствованных путей сообщения. Повидимому, выжидали результатов небольшой дороги от Петербурга до Царского села, которая должна была несколько ознакомить публику и инженеров с железными дорогами, известными у нас только понаслышке, по газетным статьям и по немногим специальным о сем предмете сочинениям на иностранных языках. Сверх того Царскосельской дороге предстояло разъяснить непосредственным опытом, в какой мере действительны те опасения, которые, как мы видели, выражались в печатных заявлениях относительно затруднений, каких надобно ожидать в сооружении и относительно безвыгодности в эксплоатации по причине глубоких снегов и суровости климата. Зима 1838 года должна была дать некоторые указания для разрешения этих опасений.

Впрочем, с июня 1837 года по сентябрь 1838 года я провел заграницею и хотя путешествие это не относится непосредственно к делу железных дорог, тем не менее я пройду беглым образом те места, которые посетил, и предметы, которыми занимался в течение этого

путешествия, продолжавшегося 1 год 3 месяца и познакомившего меня и с железными дорогами и с наиболее компетентными судьями этого дела, на которое обращено было напряженное внимание правительств, инженеров и капиталистов всех государств Европы.

Прежде, нежели говорить о моем путешествии, я приведу единственные два предположения об устройстве железных дорог, которые были рассматриваемы правительством в моем отсутствии, из них одно было сделано отставным ст. сов. Абазою, а другое — статс-секр. Муравьевым.

Проект ст. сов. Абазы под заглавием: Об учреждении общества на акциях для сооружения железной дороги от С. Петербурга через Вышний Волочек и Тверь до Москвы, был представлен на высочайшее имя в марте 1838 года. Государь приказал рассмотреть его в Комитете из главноуправляющего путями сообщений (гр. Толя), министра финансов (гр. Канкрина), министра внутренних дел (статс-секретаря Блудова) и генерал-адьютанта гр. Бенкендорфа, причем требовал заключения Комитета сколь можно неотлагательно. Замечательно, как во всех случаях, когда поднимался вопрос о железных дорогах, государь нетерпеливо требовал разъяснений и как всегда его нетерпеливое желание приступить к этому делу в больших размерах встречало холодное отрицание со стороны его министров.

Главные черты проекта Абазы состояли в следующем*...

Проект тайного советника Муравьева, о котором упомянуто выше, подан на высочайшее имя в том же 1838 году. В проекте сем об устройстве в России железных дорог, предполагалось начать с устройства дороги от С. Петербурга до Москвы, а от нее провесть впоследствии линию до Полангена, до Ковно, до Варшавы и Калиша, также до Одессы, до Моздока и до Казани.

Составитель проекта излагал, между прочим, в пространной записке мысли свои о пользе железной дороги между двумя столицами и о необходимости устроить ее от правительства, а не средствами частных лиц, т. е. компаниями... **.

Государь не удовольствовался этими рассуждениями и, как он выразился, считая вопрос заслуживающим более подробного обсуждения, приказал гр. Толю внесть в Комитет гг. министров как записку т. сов. Муравьева, так и собственное его по этому предмету мнение.

Передавая, во исполнение высочайшей воли, все дело в Комитет министров, гр. Толь дополнил свое представление мнением: «что существующие у нас водные сообщения будут всегда соперничать с железными дорогами и притом так, что последним нечего или почти нечего будет возить (как это оправдывается опытом построенных дорог, которые в сети до 10 тыс. верст не одолевают удовлетворять всем требованиям торговли!); что уверения г. Муравьева не изменят того факта, что по нашим каналам доставка товара будет всегда дешевле перевозки по каким бы ни было железным дорогам; что скорой и срочной доставки нам не нужно (примечательное исключение России

---

* Далее следует изложение проекта А. В. Абазы, мнений об этом проекте гр. Толя и гр. Канкрина и заключения по проекту вышеуказанного Комитета в целом. Все перечисленное напечатано в XXVI томе журнала «Красный архив» (№ 3 за 1936 г., стр. 108—122) (Прим. редакции).

** Далее следует изложение проекта Н. Н. Муравьева и мнения Толя об этом проекте. Толь заключает свой доклад рассуждением об отсутствии надобности в данной железной дороге, так как Петербург соединен с Волжским бассейном (откуда по мнению Муравьева пойдут товары на железную дорогу), достаточно удобными водными путями, которые Главное управление путями сообщения имеет в виду улучшить.

Записки Муравьева и доклад Толя напечатаны в 76 томе журнала «Красный архив» стр. 122—126 (Прим. редакции).

из общих условий деятельности человечества!), а следовательно нет надобности в столь поспешном устройстве железных дорог» (кажется нельзя нас упрекнуть в избытке поспешности на этом поприще!).

Комитет гг. министров нашел, что предположение устроить железную дорогу из Петербурга в Москву не заключает в себе ничего нового. Мысль эта представлялась многим и обращала на себя внимание правительства, в настоящем же проекте г. Муравьева не предлагается к приведению сей мысли в исполнение других способов, кроме употребления на то до 300 млн. руб. из источников ассигнационного банка. Все прочие объяснения г. Муравьева суть общие рассуждения о предметах более или менее посторонних, не имеющих никакого отношения к способам исполнения его проекта. При столь неопределенных предложениях нет и существенного повода входить в подробное рассмотрение оных.

Относительно общего вопроса о постройке в России железных дорог Комитет министров находил, что прежде, нежели можно будет решиться на что-либо положительное по этому предмету, необходимо иметь в виду все относящиеся к оному данные в торговом и гражданском отношениях, взвесить внимательно пожертвования в настоящем и выгоды в будущем и войти в ближайшее соображение способов исполнения. Отсрочка двух или трех лет в подобном деле менее вредна, нежели излишняя поспешность: к тому же вопрос о железных дорогах с каждым днем все более и более уясняется; наблюдения за ходом сего дела в чужих краях определят истинную меру достоинства для России железных дорог, наилучшее их применение к потребностям разных мест и удобнейшее исполнение в техническом отношении.

В заключение Комитет министров предложил предположения т. сов. Муравьева оставить без дальнейшего внимания.

На такое положение Комитета государь положил резолюцию такого содержания:

«Не лишне будет, однако, поручить гр. Толю ныне же заняться всеми нужными соображениями для устройства железной дороги от Рыбинска к Петербургу, ибо выгоды сей дороги кажется были бы неоспоримы».

Полагать надобно, что мысль Рыбинской дороги принадлежит самому государю, ибо в делах не видно, чтобы в то время, по крайней мере, была бы кем-либо предлагаема сия дорога.

Доклад главноуправляющего путями сообщения во исполнение приведенной выше высочайшей резолюции последовал уже в 1839 году и потому, чтобы не выходить из пределов рассматриваемого периода, я приведу в своем месте о заключении гр. Толя по сему вопросу. Теперь же сообщу некоторые сведения о путешествии моем заграницу, совершенному именно в том периоде 1837—1838 года[27]. Впрочем, в приведенных выше предложениях заключаются все те немногие проекты, какие были заявлены разными личностями до 1840 года, чтобы поднять у нас дело железных дорог и которые, несмотря на явное желание самого государя положить начало этому делу, были почти единогласно отвергаемы всеми государственными людьми того времени. Это противодействие введению у нас железных дорог еще разительнее выказывалось в 1841 году, когда государь подверг вновь обсуждению вопрос железной дороги между Петербургом и Москвою и когда он против единогласного мнения всех своих министров решился повелеть, чтобы дорога эта была и осуществилась бы средствами правительства.

Надобно сознаться, впрочем, что все приведенные выше предположения, какие были до сих пор заявляемы, представлялись столь по-

верхностно, и выражали такое незнание дела в самих предлагателях, что ни одно из них не могло быть принято к исполнению.

Удивлялись, почему государь, желавший железные дороги между двух столиц по предвидению будущей пользы этого сообщения, не решался разъяснить этот вопрос для себя и его министров, приказав еще в 1834 году, когда явился Герстнер с своим предложением, сделать на казенный счет подробные изыскания и на них уже основать подробные проекты и смету Московской железной дороги. Это потребовало бы расхода 100 или 150 тысяч рублей и предупредило бы многие бесплодные прения и потерю в них драгоценного времени.

1839—1840 годы.

Мы видели выше, что, рассмотрев журнал Комитета гг. министров, состоявшийся по поводу предположения т. сов. Муравьева об устройстве железных дорог в России, государь положил на журнале резолюцию, которою возлагал на главноуправляющего путями сообщения и публичных зданий составление нужных соображений для устройства железной дороги от Рыбинска к Петербургу, ибо, как выразился его величество, выгоды сей дороги, кажется, были бы неоспоримы.

Заключение гр. Толя, выраженное в всеподданнейшем докладе ... апреля 1839 года, состояло в том, «что построение железной дороги из Петербурга в Рыбинск, кроме огромных убытков, ничего принести не может». Такое заключение, совершенно противуречащее ожиданиям, заявленным в самой резолюции государя, гр. Толь основывал на следующих соображениях.

Устройство железной дороги от Рыбинска до С. Петербурга (при расстоянии 600 верст) обошлось бы, по меньшей мере, в 150 млн. руб., годовой расход на ее содержание составил бы до 28 665 083 руб. (по особому расчету). Предположив, что все товары, доставляемые в С. Петербург из низовых губерний, пойдут не по водяным сообщениям, а по железной дороге, по ней будут перевозиться 26 701 000 пудов (из них 24 млн. пудов клади, идущей к Петербургу, и 3 млн. пудов обратно, по трем судоходным системам). Для покрытия годового расхода дороги на каждый пуд клади, перевозимой лошадьми по всему протяжению дороги, причтется 1 руб. 16 коп.; если же вместо конной тяги допустить употребление паровой силы, то от увеличения расхода на содержание дороги каждый пуд клади обошелся бы до 2 руб. с копейками. Теперь же перевозка стоит:

По Вышневолоцкой системе от	37 до 47	коп.	с	пуда
» Мариинской » »	29 — 60	»		»
» Тихвинской » »	38 — 92	»		»

Из годовых отчетов видно, что менее всего доставлялось клади по Тихвинской системе*, хотя по ней суда идут почти вдвое скорее, чем по двум другим. Это, видно, доказывает, что в нашей внутренней торговле обращают особенное внимание не на быстроту, а на дешевизну доставки. Поэтому на вопрос: много ли пойдет клади по железной дороге, которая должна будет для покрытия своих издержек взимать от 1 руб. 16 коп. до 2 руб. с пуда, легко отвечать,— ничего, или почти ничего (коротко и ясно!).

---

* В 1838 году отправлено было клади по системам:

Вышневолоцкой .	9 425 002	на	20 252 570 рублей
Мариинской . . .	11 390 875	»	30 976 030 »
Тихвинской . . .	3 128 350	»	13 820 312 »

Пассажиры, а отнюдь не более или менее значительное количество клади, составляют главный доход железных дорог. По линии между Лионом и Сент-Этьеном, например, перевозится ежегодно до 30 млн. пудов каменного угля, а компания, несмотря на это, почти обанкротилась и получает не более $^1/_2$% дивиденда с затраченного капитала. По дороге между Ливерпулем и Манчестером перевезено в 1836 году 9 493 259 пуд. клади и 415 747 пассажиров; валовой доход был в 105 465 ф. стер. Означенное число пассажиров с чемоданами и экипажами составляет вес 149 884 тонов, ежели бы вместо них дорога перевезла ровный по весу груз, то доход в 105 468 ф. стер. уменьшился бы до 51 995 (как будто условия и расход перевозки пассажиров и людей одинаков при равенстве веса!) и акционерам, вместо полученных им $9^3/_5$, досталось бы всего $2^4/_5$%.

Надеяться на большое число пассажиров по Рыбинско-Петербургской дороге нельзя, а как, кроме того, товары по ней тоже повезутся, так из чего же она будет существовать?

Граф Толь заключает свой доклад приговором, что улучшения путей сообщения в России должны состоять в устройстве новых и усовершенствовании старых каналов. «Эти сообщения,— говорит он,— не разольют подобно железным дорогам, демократических идей и наклонностей в государстве (извращенная идея Мишеля Шевалье!) [28]. При гидрографическом положении империи водяные сообщения будут споспешествовать развитию промышленности и распространению материального в народе благосостояния несравненно более, нежели какие-либо железные дороги».

Эти анафоризмы во всех отношениях достойного уважения гр. Толя, внушаемые ему, как я сказал выше *, г. Девятиным и подкрепляемые расчетами г. Дестрема, не производили ожидаемого впечатления на государя, который вернее этих господ предчувствовал будущность железных дорог. Резолюциею на докладе главноуправлявшего путями сообщений его величество не соизволил окончательно разрешить вопрос о железных дорогах, соглашаясь, однако, что где представляется возможность к удобному водяному сообщению, там оное должно предпочитать сообщению железною дорогою, с тем вместе, имея в виду развитие устройства сих дорог в Америке, повелено послать для осмотра их двух надежных офицеров.

Этим мудрым решением государь облегчил себе сознательное решение вопроса желаемой им железной дороги между двух столиц, ибо Соединенные штаты Америки имеют столько сходства с Европейскою Россиею по большому пространству, малому сравнительно населению, обилию судоходных рек, отсутствию, или, по крайней мере, большому недостатку искусственных сообщений и, наконец, по климату, что верные данные относительно железных дорог в Америке могли служить положительным основанием для разъяснения всех тех опасений, которыми останавливали государя в его благом желании положить начало железным дорогам в России.

После приведенного сейчас доклада гр. Толя вопрос о железных дорогах не был возбуждаем до исхода 1840 года, когда поступило предложение лейпцихских банкиров Люфура и Гаркорта, но как суждения по этому предложению последовали уже в 1841 году, то я о них упомяну в своем месте, а теперь посвящу несколько страниц путешествию в Америку, которого результаты имеют непосредственную связь с делом С. Петербурго-Московской железной дороги [29].

---

* Так в подлиннике. Раньше об этом в сохранившемся до нас тексте подобных упоминаний не было.

1841 год.

После путешествия в Соединенные штаты Америки, где я провел около года в изучении страны во всех отношениях с тою энергиею и деятельностью, к какой может быть способен молодой человек любознательный, полный здоровья, но в особенности преисполненный желанья быть полезным своему отечеству, я возвратился в сентябре 1840 года с глубоким убеждением в истине, которую и прежде смутно сознавал, что железные дороги необходимы для России, что они, можно сказать, выдуманы для нее и для Америки более, нежели для какой-либо страны Европы, что климат России и ее пространства, которыми постоянно вооружались для отвержения железных дорог, соделывают их особенно драгоценными для нашего отечества, как средство сократить расстояния и иметь непрерывное сообщение во все времена года и зимою, когда водяные пути покрыты льдом, и весною, и осенью, когда грунтовые дороги непроходимы. Сколько раз в продолжительных беседах с приятелями моими из просвещенных деятелей Америки они говорили мне, как только приедете домой, приступайте к делу устройства речных пароходов и железных дорог, не теряйте времени,— оно дороже денег (Time is money), не останавливайтесь перед денежными затратами для подобных предприятий. В стране, обильной дарами природы, но лишенной удобных сообщений, денег своих не нужно, нужен кредит, а им пользуется вполне самостоятельное правительство ваше; деньги притекут отвсюду, когда они назначаются для дел обеспечивающих выгодный процент. Пусть начало делу положит само правительство, да, пожалуй, пусть оно и продолжает строить главные артерии общей сети, а второстепенные линии предоставит частной предприимчивости, давши гарантию свою в определенном размере. Нет никакого сомнения, что в пространной стране, лишенной сообщений, как Россия, железные дороги призваны не возвысить только ценности, как в государствах Европы, а создать их; ибо естественные богатства ваши остаются непроизводительными и бесценными от неимения для них надлежащего сбыта. В такой стране нельзя опасаться, чтобы железные дороги не выплатили того процента, какой потребует затраченный капитал и какой гарантирует правительство, а ежели б и потребовалась в первые годы некоторая приплата, то она в те же годы с избытком искупится и увеличением ценностей и косвенными доходами, и сокращением правительственных расходов. Хотя не полная, но разумно составленная и также исполненная сеть железных дорог произведет уже такое изменение, что через несколько лет вы не узнаете вашего отечества: страна не только разбогатеет, но и умственный уровень всего народа значительно подымется. Посмотрите Америку, что из нее вышло в течение 10 лет с тех пор, как она начала строить железные дороги; подумайте, в каких обстоятельствах она приступила к этим предприятиям. Денег не было и кредит потрясен был злоупотреблением его, притом — малое народонаселение на пространстве, требовавшем огромных линий сообщения, так что с увеличением требования на рабочую силу цена на нее возвысилась вдвое и втрое и против того, что платится в Европе, но все эти затруднения должны были уступить энергической настойчивости янки, который понял, что дабы овладеть страною обширною и богатою дарами природы, необходимо сократить пространство учреждением быстрых, а с тем вместе недорогих средств перевозки. Теперь, когда первые затруднительные шаги сделаны, дело пойдет и уже идет с прогрессивной деятельностью.

Вы вспомните наш разговор, ежели будете живы через 25 лет, когда Америка будет считать свои железные дороги десятками тысяч верст

(в настоящую минуту, т. е. через 30 лет, Соединенные штаты имеют до 50 тыс. верст железных дорог, несмотря на большую остановку в этом деле от продолжительной междуусобной войны). Такие предсказания могли тогда казаться преувеличением, свойственным несколько хвастливой и тщеславной натуре американцев, но тем не менее факты были поразительные и нельзя было, наблюдая их, не признать, что быстрому распространению внутренних сообщений железными дорогами и речными пароходами принадлежит большая доля изумительного развития материального благосостояния Соединенных штатов Америки.

В то время, когда идеи эти получали столько торжественное оправдание на опыте и потому становились не исключительною принадлежностью передовых людей, а достоянием всех едва грамотных американцев, у нас люди высокопоставленные и призванные для произнесения приговоров по всем государственным вопросам, с уверенностью заявляли, что железные дороги в России неприменимы (Дестрем), что мысль устройства сети железных дорог в России не только превышает всякую возможность, но сооружения одной дороги (например,— до Казани) — на несколько веков преждевременно (гр. Канкрин); что скорой и срочной доставки товаров нам не нужно, что по дорогам железным, какова дорога из Петербурга до Рыбинска, решительно ничего не повезут (гр. Толь),— я уже не говорю о всех нелепостях, которые читались в статьях публицистов, например,— Атрешкова, который объявлял во всеуслышание, что устроение железной дороги между С. Петербургом и Москвою совершенно невозможно, очевидно бесполезно и крайне невыгодно.

Такие приговоры, вычитанные мною в делах Главного управления путей сообщений и публичных зданий и состоявшиеся большей частью в то время, когда я был заграницею, не могли быть весьма поощрительны для человека, пропитавшегося в свободной Америке совершенно противоположными идеями и горящего нетерпением видать безотлагательное применение их к своему отечеству. Я понимал, что для достижения этой цели надобно действовать с осторожным хладнокровием, и, в этих видах, принялся усердно за написание отчета своего путешествия в Америку, но, к сожалению, увлекся любимым предметом и сгоряча написал 6 толстых книг о речных пароходах и железных дорогам Северной Америки. Отчет этот, разумеется, никто не читал, и он до сих пор покоится в девственном состоянии на полках библиотеки Института путей сообщений. Между тем, расчитывать на личное мое действие на влиятельных людей мне было невозможно. Гр. Толя никто из нас почти никогда не видал, до него доступ был возможен только через Девятина, который тогда орудовал всеми делами Корпуса и упорно выражался против железных дорог. До других министров доступ был еще невозможнее. Печатание статей служащим людям не допускалось иначе, как при строгой цензуре их начальства. Оставалась одна надежда на самого государя, который, как казалось, имел расположение в пользу железных дорог, или, по крайней мере, желал осуществления дороги между двух столиц, но тут, разумеется, можно было действовать только через посредствующее лицо.

Мне казалось всего вернее обратиться к шталмейстеру двора великой княжны Ольги Николаевны графу Алексею Алексеевичу Бобринскому, который так хорошо выказал себя в деле Царскосельской железной дороги и который по происхождению своему имел свободный доступ к государю. С графом мне легко было познакомиться через Кремера, моего приятеля и большого поклонника железных дорог (он состоял старшим секретарем нашего посольства в Вашингтоне и тогда

находился в Петербурге), с гр. Бобринским он был весьма коротко знаком, ибо они, как кажется, воспитывались в одном пансионе в Петербурге.

С первого же посещения гр. Бобринского я сошелся с ним, как нельзя лучше. Да это и не могло быть иначе: граф — из тех личностей, которые вам нравятся при первой встрече и которые только выигрывают в ближайшем знакомстве. Впоследствии мы так подружились, что я могу совершенно сознательно сказать, что это человек редкого благородства, теплый патриот, любитель прогресса в отношении материального развития и потому большой энтузиаст американцев, но, к сожалению, по натуре своей и по недостатку положительной науки легко увлекающийся. Таким увлечениям он заплатил порядочную дань в администрации своих больших имений, где развел до крайних пределов и в самом усовершенствованном виде сахарное производство. Говоря о гр. Бобринском, не могу не упомянуть и о супруге его — урожденной гр. Самойловой, женщине истинно привлекательной по ее характеру, правилам, образованности и тону, чрезвычайно приветливому, но с достоинством большой барыни. Из числа трех сыновей, тогда еще мальчиков, средний — Владимир Алексеевич, заступил мое место в управлении министерством путей сообщений. Я до того полюбил это прекрасное семейство, что в 1841-м году, недовольный отношениями моего начальника гр. Клейнмихеля, подавал в отставку, чтобы принять на себя управление имениями гр. Бобринского, а гр. Бобринская так желала этого, что ездила к гр. Клейнмихель просить ее употребить свое влияние на мужа, чтобы он не удерживал меня, но это ходатайство осталось безуспешным, что может быть вышло и к лучшему.

В частых посещениях гр. Бобринского я высказывал ему подробно о том, чего был свидетелем в Америке и что могло бы иметь непосредственное применение к России. Слова мои попадали на хорошую почву и вскоре при содействии умного и красноречивого Кремера достиг того, что гр. Бобринский взял на себя говорить решительно государю об устройстве железной дороги между двух столиц, но, чтобы слова его не остались бесплодными, признано было за лучшее вызвать прежде предложение на это предприятие со стороны известных банкиров.

Не теряя времени, граф написал лейпцигским банкирам Дюфур и Гаркорт, с которыми он был, кажется, в сношениях по собственным делам и которые были учредителями Лейпцихской железной дороги, доведенной до конца с успехом. Банкиры решились приехать в Петербург (не помню один или оба) и сделали на французском языке предложение, в котором они весьма дельно излагают пользу соединения двух столиц железною дорогою, исчисляют дела, ими совершенные по разным промышленным предприятиям, между прочим и устройство железной дороги между Лейпцигом и Дрезденом (при чем реализован капитал в 6 млн. талеров) и в заключение просят о даровании им привилегии на устройство С. Петербургско-Московской железной дороги, обязываясь при этом:

Образовать компанию, которой передать при первом взносе по акциям все дарованные им права и возложенные на них обязанности.

Из среды компании, состоящей из иностранных, преимущественно немецких капиталистов и имеющей пребывание в Лейпциге, образуется Правление директоров, пребывающее в Петербурге.

Правительственная комиссия будет наблюдать за действием главного директора, причем правительство может быть ближайшим участником дела, оставляя за собою часть акций.

Правительство гарантирует 4% наименьшего дохода с капитала, по-

требного для устройства дороги. При этом предполагалось, чтобы акции, выходящие ежегодно по тиражу, получали при оплате их от 1% до 2% премии, постепенно возрастающей, так, что ежели, например, премия была бы принята в 1%, то через пять лет 100-рублевая акция получала бы по тиражу 105 руб., через 10 лет 110 руб., через 15 лет 115 рублей * и т. п. Этим способом, требовавшим, конечно, увеличения капитала, предполагалось предупредить спекуляции акциями на бирже и привлечь владетелей к сохранению их (в виду ценности их, возрастающей со временем).

В записке, при которой предложение банкиров было поднесено государю, говорится между прочим, что Дюфур и Гаркорт считаются первыми банкирами обширного торгового города Лейпцига, что они учредили Дрезденскую железную дорогу (известную отличным своим устройством так, что многие путешественники утверждают, что в сем отношении она превосходит даже английские железные дороги), что главное преимущество, которого просят банкиры, состоит в поручательстве правительства за 4-процентный доход на акции, каковое поручательство не поведет ни к какой приплате из казны, ежели доход дороги будет более 4%, а между тем будет исполнено без пожертвования со стороны государства важное и полезное дело и соорудится незабвенный памятник настоящему царствованию.

Далее в записке объясняется, что правительство может убедиться в возможности получить не менее 4% дохода посредством особенной комиссии, которой поручить определение выгод, могущих последовать в денежном отношении от помянутого предприятия, что для составления такого определения необходимо будет принять в соображение не одни технические данные, но и торговые и промышленные виды и по сему полезно было бы составить комиссию не из одних лиц, находящихся в государственной службе, но присоединить к ним и людей, занимающихся торговлею и промышленностью в С. Петербурге, Москве и Рыбинске.

К записке приложены были следующие соображения о пользе устройства Московской железной дороги.

Нет сомнения, что Россия более нуждается в улучшенных способах сообщения, нежели другие европейские державы по нижеследующим уважениям: она разделена в торговом, промышленном и хлебопашественном отношениях на три главные полосы: северные губернии занимаются преимущественно промышленностью, средние — хлебопашеством, южные — скотоводством. но эти три важные отрасли народного богатства разбросаны на большом пространстве и лишены той связи, которая существует в других государствах. Так, например, промышленные крестьяне Ярославской, Владимирской, Костромской и Московской губерний, отправляясь в Южную Россию, остаются в дороге до 40 дней, т. е. вдвое более времени, потребного для англича-

* Гарантия правительства и система погашений предлагались в трояком виде, именно: 1) гарантия 4½% и поглощение 1%, с возрастающей ежегодно премией в 1%, так что погашение совершится в 47 лет и ценность 100 рублевой акции возрастет в последний год до 147 рублей, 2) гарантия также 4½%, а погашение 1½%, из коих 1% на премию, так что погашение совершится в 37 лет и 100 рублевая акция возрастет в последний год до 137 рублей, наконец, 3) гарантия только 4% и погашение из 2%, а премия 2% первые 16 лет, 1½% в следующие 12 лет, 1% в последние 9 лет, при этом расчете погашение совершится и дорога делается собственностью правительства в 36 лет и 1 месяц. Банкиры Дюфур и комп. предлагали эту последнюю комбинацию, как наиболее выгодную для правительства, ибо гарантия назначена не выше банкового процента, следовательно она не уронит значения билетов банка, а, сверх того, постоянно уменьшающаяся премия будет соответствовать вероятному возвышению дивиденда на акции от доходности дороги, которая должна постепенно увеличиваться со временем (прим. в подлиннике).

нина, чтобы переехать из Англии в Америку. Что же касается до хлебородных губерний, то продукты их плывут с низовых пристаней до С. Петербурга нередко более года, а за каждый пуд платится до 80 коп. асс., тогда как пуд английского земляного угля (которого надобно купить, привести к порту, отправить в Кронштадт и там перегрузить в мелкие суда) стоит в С. Петербурге 22 коп. асс., а потому: низовые пристани в отношении ко времени находятся от С. Петербурга далее, нежели Европа от Индии, в отношении же к цене за провоз вчетверо далее, нежели С. Петербург от Англии. Наконец, скот гоняется из Южной России в С. Петербург около 100 дней, мясо продается на месте около 150 коп. за пуд, а здесь оно стоит более 8 руб., следовательно, впятеро дороже в сравнении с южной Россиею.

Записка эта положила начало делу об устройстве С. Петербургско-Московской железной дороги, ибо на ней резолюциею 7 марта 1841 года положенной, повелено учредить комитет для предварительного составления и рассмотрения проекта железной дороги от С. Петербурга до Москвы в отношении техническом и расчетов коммерческих, в которые должны входить все предметы торговли, перевозимые из одной столицы в другую и обратно, начиная с предметов продовольствия.

Комитету повелено состоять под председательством ген.-ад. гр. Бенкендорфа, из членов: свиты е. в. ген.-майора Чевкина, Корпуса инженеров путей сообщения полковника Крафта и Мельникова и шталмейстера гр. Бобринского. В Комитет должны быть приглашаемы депутаты со стороны петербургского и московского купечества, а для предупреждения всяких толков и суждений Комитету приказано действовать, сколько можно, негласно. Вслед за тем, именно 27 марта, повелено ст. сов. Абазе быть тоже членом Комитета.

Назначением Комитета, имеющего представить свою работу непосредственно государю, вполне достигалась цель моих желаний: мне предстояло вполне высказаться в деле, которое я так близко принимал к сердцу; при том Комитет составлен был из людей сочувственных железным дорогам. Этот состав служил уже ручательством, что государь — с нами, а при такой помощи можно было с уверенностью встретить оппозицию, какой следовало ожидать от гг. министров, в особенности от самых влиятельных из них; именно: министров путей сообщений, финансов и внутренних дел.

В первом собрании Комитета председатель гр. Бенкендорф разделил работу между членами таким образом, что главный труд, то-есть составление всего предположения, проекта и смет на устройство и эксплоатацию поручено было г. Чевкину с Крафтом и мною. Соображения коммерческие возложены на г. Абазу вместе с купцом Буториным, а предварительные сношения с банкирами предоставлены были гр. Бобринскому.

Естественно, что возложенное на нас трех дело предстояло исполнить Крафту и мне, а г. Чевкин — не специалист (в чем он впрочем не сознается), мог участвовать разве в подписании и представлении нашей работы.

Мы с Крафтом разделились так, что он принял на себя расчеты собственно по устройству полотна и мостов, а я прочие расчеты и расходы по эксплоатации.

За дело принялся я с большим жаром, имея множество данных и весьма свежих, собранных в недавнем путешествии по Америке и Европе. Я не мог составить смету по эксплоатации, прежде нежели работою Крафта и Абазы не были определены необходимые для этой сметы элементы — как-то: протяжение дороги, продольные склоны, количество товаров и пассажиров, расстояние перевозки и пр. Ожидать выводов занятий этих господ было невозможно, а потому я ре-

шился составить свои расчеты в виде формул, отдельных для каждой статьи расхода, так, чтобы можно было получить численные выводы, простым представлением недостававших чисел вместо букв. Таким образом, составилось как бы руководство, которое может быть применяемо к расчетам расходов эксплоатации всякой железной дороги, проектируемой в известных условиях; разумеется, что ежели б хотели воспользоваться этим руководством в настоящее время, то необходимо было бы исправить некоторые коэффициенты формул по данным из эксплоатации новейших железных дорог.

После недель четырех усидчивого труда я мог представить в Комитет толстую книгу совершенно конченных расчетов. Г. Чевкин не согласился, как другие члены, принять мои выводы безусловно, но пожелал предварительно их поверить и затем скрепить своею подписью. Я упоминаю об этом обстоятельстве потому, что оно вынудило меня к труду едва не большему, во всяком случае более скучному, нежели самое состояние расчетов. Дело в том, что г. Чевкин, не будучи достаточно знаком с анализом, чтобы разобрать несложные, впрочем, вычисления формул, не хотел в этом сознаться, а требовал моих личных объяснений под предлогом, что выходят расчеты не совсем верными. Строгий исполнитель служебных обязанностей, я подчинялся этому капризу и всякий день ездил на Петровский остров, где г. Чевкин нанимал дачу, и там, после обеда, мы садились за работу и до ночи, без передышки, я вынужден был оспаривать возражения генерала, долгое время не замечая, что эти возражения делались с целью получить объяснение, не сознавая * недостаток знакомства с предметом. Такое испытание продолжалось в течение, сколько помню, недель двух; скучные сеансы до того длились, что мне случалось иногда приходить в город пешком, не находя извозчика за поздним часом. Я решительно исхудал в эти две недели. Способность к усидчивой работе и терпение г. Чевкина изумительны. Я много раз их испытывал лет пятнадцать после, когда по званию главного инспектора железных дорог должен был докладывать ему, как главному управляющему путями сообщений и публичными зданиями, все проекты, какие были представляемы по железным дорогам. При докладах сих я, между прочим, имел постоянно случай наблюдать в нем черту, странную в умном человеке, это именно какое-то самообольщение, что ему всякий предмет столько же, даже более известен, нежели специалисту. Так мне случилось выслушивать от него длинные наставления о том, как должно устраивать мосты разных систем, какие лучшие локомотивы, как составляются расторы и т. п. Это-то самообольщение и к тому недоверчивость к другим были причиною крупных промахов во время управления г. Чевкина Корпусом путей сообщений, промахов, из коих некоторые дорого обошлись России. Впрочем, за исключением такого избытка самоуверенности в своих средствах, а с тем вместе недоверия к знанию и способностям других, недостатков, весьма, впрочем, важных в главном распорядителе большим специальным делом, г. Чевкин, которого я давно и близко знаю,— благородный, умный и просвещенный человек. Его служебная карьера была бы гораздо полезнее, ежели бы, не проходя через министерство путей сообщений, он прямо поступил на теперешний свой пост — критика чужих дел.

Едва я успел дойти до конца моих занятий с К. В. Чевкиным и передать порученную мне работу в Комитет, как вынужден был прервать мое участие в деле Комитета Московской железной дороги и отправиться на Волгу, но как дело велось другими членами не с осо-

* Так в подлиннике.

бенною быстротою, то я успел в 2½ месяца моего отсутствия из Петербурга исполнить возложенное на меня довольно серьезное и многосложное поручение и возвратиться к занятиям Комитета прежде, нежели работа его была обсуждена гг. министрами.

Предмет моей временной командировки был высказан в отношении гр. Толя от 3 мая 1841 года к председателю нашего Комитета гр. Бенкендорфу, в следующих выражениях: «по высочайшему его императорского величества повелению предназначено приобресть у английского инженера Ферберна железный пароход для высочайшего плавания по Волге. Необходимые для сего исследования на месте поручены подполковнику Мельникову, на которого возложены и некоторые еще поручения относительно волжского судоходства. По сближению уже времени отправиться для исполнения сего поручения гр. Толь просит уведомить, не может ли Комитет Московской железной дороги ограничиться занятиями одного полковника Крафта, пока Мельников возвратится из своей командировки».

Но я увольнения от Комитета не получал, а продолжал заниматься с г. Чевкиным при рассмотрении работы Крафта и через полтора почти месяца после получения отношения г. Толя Чевкин просил г. Бенкендорфа (от 16 июня) дозволить мне остаться в Петербурге хотя еще две недели.

Г. Девятин, заступивший место гр. Толя, отвечал ген. Бенкендорфу, что он может согласиться оставить Мельникова в Петербурге никак не далее, как до 30 июня, иначе будет упущено время для исполнения весьма важного для государственной промышленности дела, возлагаемого на него по высочайшей воле государя императора.

Примечательно, что еще 3 мая гр. Толь писал о том, что мне поручены исследования относительно волжского судоходства, между тем как предписание о сем поручении получено было мною только 13 июня. Мне кажется, что это поручение было только предлогом, чтобы оторвать меня от занятий по Комитету, ибо гр. К. Ф. Толь, в особенности, г. Девятин весьма хорошо знали мои убеждения в пользу железных дорог для России,— я их высказывал, впрочем, и в отчете по моему путешествию в Америку, до них доходило, вероятно, сведение и об участии моем в самом образовании Комитета, и потому они могли ожидать, что я буду высказываться весьма энергически в пользу Московской железной дороги и что мои доводы, подкрепляемые массою данных, собранных со всех существовавших тогда железных дорог, будут иметь вес в мнении прочих членов Комитета. Между тем, ни гр. К. Ф. Толь, ни товарищи его не могли желать успешного исхода вопросу, которым занимался наш Комитет, ибо они уже неоднократно высказывались против железных дорог вообще; а в настоящем случае гр. К. Ф. Толю было, конечно, неприятно, что помимо его расследуется большой важности государственный вопрос, принадлежащий по существу своему управлению корпуса путей сообщений. Если мои догадки не ошибочны, то, во всяком случае, ошиблись в расчетах мои начальники, ибо, кончив порученные мне Комитетом соображения еще до моего отъезда, я успел совершить и новое возложенное на меня поручение в кратчайший срок, нежели можно было полагать, и возвратился к занятиям Комитета прежде, нежели поднялась полемика между Комитетом и гг. министрами [30].

Продолжение занятий по железной дороге

В сентябре месяце, когда я возвратился в Петербург, совершив длинное путешествие по Волге, Комиссия только-что покончила свои соображения об устройстве С. Петербурго-Московской железной до-

роти и всеподданнейший доклад Комиссии подписан 15 сентября 1841 года, моей подписи разумеется тут не было, но на докладе было отмечено, что один из деятельнейших сотрудников наших инженер полковник Мельников находится ныне в отсутствии по делам службы. Доклада этого я до настоящего времени не видал. Вот в коротких словах краткая его сущность *.

По прочтении доклада государь воздержался от окончательной резолюции, а приказал: «предварительно послать его, со всеми приложениями, к министру внутренних дел (гр. А. Г. Строганову) и товарищу главноуправляющего путями сообщений (А. П. Девятину, за отсутствием гр. Толя заступавшему его место) с тем, чтобы тот и другой доставили свое заключение не позже как через месяц, т. е. 15 октября, и чтобы ежели бы встретились предметы, требующие по существенности своей ближайшего разъяснения, то чтобы предварительно войти в объяснения с лицами, составлявшими соображения, ибо, с получением заключений обоих министров, государю угодно чтобы дело это было обсуждено в личном его присутствии».

В течение этого месяца последовали перемены по министерству внутренних дел: управляющего министерством гр. Строганова заменил в звании министра гофмейстер Л. А. Перовский, тем не менее гр. Строганов представил свое пространное мнение в опровержение заключений Комиссии о пользе Московской железной дороги. Независимо от официального отношения от 11 октября, при коем мнение это было препровождено председателю Комиссии гр. Бенкендорфу, гр. Строганов обратился к нему с частным на французском языке письмом, в котором он, между прочим, выражает желание, чтобы мнение это сохранилось в архивах, расчитывая по итальянской пословице, что «le temps est un brave homme» **. Я полагаю, что живущий теперь в Одессе на покое гр. Строганов желал бы, чтобы не находилось в архивах этого мнения, полного ошибочных рассуждений и неверных заключений, так торжественно впоследствии опровергнутых и Комиссией и фактами опыта.

По Главному управлению путей сообщений учрежден был Особый комитет для рассмотрения доклада Комиссии. Комитет состоял под правительством ген.-лейт. Дестрема из членов ведомства путей сообщений и министерства внутренних дел. Председатель, не соглашаясь с заключениями Комитета, подал особое мнение, а гр. Толь, препровождая в подлиннике и мнение председателя и заключение Комитета, приложил особенное свое мнение, причем уведомил гр. Бенкендорфа от 14 октября, что он испросил высочайшее соизволение на представление своего мнения не к 15, как было повелено, а к исходу октября.

Новый министр внутренних дел препроводил к гр. Бенкендорфу свое мнение 2 ноября. Все эти мнения переданы были по высочайшему повелению на рассмотрение и заключение нашей Комиссии, председательствуемой графом Бенкендорфом.

Мы принялись за эту работу весьма деятельно, как только собраны были все мнения. Я занимался вместе с Бобринским, Абаза писал тоже свои соображения и все это посылалось для соединения в одно целое к Чевкину, который охотно принял на себя обязанности главного редактора. Результатом этой разношерстной работы была записка листах на 25, в которой опровергались все без исключения возражения, какие были деланы гр. Толем, гр. Строгановым, Перовским и Комитетом путей сообщения на доклад Комиссии. Против мнения Де-

* Далее следует изложение доклада комиссии. Доклад этот напечатан полностью в LXXVI т. журн. «Красный архив», стр. 127 и сл.

** «Время лучший лекарь».

стрема не было повода возражать, ибо он во всех заключениях в пользу Московской железной дороги шел еще гораздо далее Комиссии. Достойно примечания это изменение своего мнения против ошибочных взглядов, какое Дестрем печатал прежде и о коих я говорил выше. Как умный и просвещенный человек, он лучше понял самое дело из сведений, произведенных мною из Америки и при том угадывал, в какую сторону клонятся высочайшие симпатии.

Все соображения, заключающиеся в различных мнениях и на которые Комиссии предстояло отвечать, сводятся к следующим главнейшим заявлениям:

1) Что допущенное Комиссиею количество перевозок слишком велико.

2) Что провозные цены приняты недостаточными.

3) Что первоначальный расход на устройство и обзаведение дороги также недостаточен.

4) Что Комиссиею мало исчислено ежегодного расхода на содержание пути и движение.

5) Что поэтому чистая прибыль преувеличена.

6) Что, кроме безвыгодности своей, Московская дорога и бесполезна и преждевременна.

В этом же порядке составлены и ответы Комиссии[31]. Я не стану их проводить,— это заняло бы много времени да и мало интересно. Впрочем отвечать на все возражения было легче, ибо они были несерьезны, а многие (как например, возражения Комитета путей сообщений) не были вероятно выражением убеждения, а скорее желания подделаться под мнения гр. Толя, которого враждебное настроение к этому делу отчасти объясняется тем, что дело это, подлежащее по существу рассмотрению управления путей сообщений, производилось помимо оного. Впрочем, гр. Толь вполне доверялся взглядам товарища своего, генерала Девятина, а сей последний, хотя довольно образованный и способный человек, но имел совершенно превратные понятия о железных дорогах: предавшись бюрократии, он вовсе и давно уже не занимался инженерным делом, так что от технической стороны дела отстал, хотя учился хорошо и был, ежели не ошибаюсь, первым своего выпуска. Самое пространное мнение написано гр. Строгановым, я не привожу из него выписок, но как оно весьма интересно по странному, но довольно общему в то время взгляду на железные дороги, то я достал копию этого документа — она находится в приложениях к запискам моим[32]. Разбирая труд Комиссии, гр. Строганов предложил себе разрешить следующие вопросы:

1) Какую пользу, в торговом и других отношениях, можно ожидать от устроения Московской железной дороги?

2) Какие удобства и неудобства представляются по местным обстоятельствам устройству и употреблением железной дороги?

3) Какого можно ожидать от нее дохода?

4) Какие особенности представляются в настоящем проекте?

Рассмотрение первых двух вопросов, занявшее большую половину пространного трактата, привело гр. Строганова к заключению, «что без привычки к железным дорогам не следует бросаться в предприятие огромное и опасное, для которого мы еще не довольно созрели и которое, по этой самой причине, в настоящем порядке вещей должно почитаться в исполнении невозможным».

По 3-му вопросу гр. Строганов расчитывает, что Московская дорога может дать 3½, но вероятно даст не больше 2% с затраченного капитала.

По 4-му вопросу гр. Строганов заявляет, что соображения Комиссии лишены оснований, что их можно рассматривать только предвари-

тельными и что «ежели все изложенные им соображения о бесполезности, невозможности и негодности сего предприятия и не могут убедить в сих мыслях, то тем не менее окончательное решение сего важного вопроса требует разъяснения столь многочисленных, сложных и новых предметов, что до приведения их в положительную известность предосторожность не позволяет решиться на такое предприятие, в котором дело идет о сотнях миллионов рублей». Резюмируя под конец все свои рассуждения, гр. Строганов заключает:

1) Что «не подлежит сомнению, что устройство Московской дороги было бы сравнительно с требуемыми на сие суммами совершенно бесполезно».

2) Что ежели дорога сия была и полезна, то устроение оной, в особенности же, эксплоатация и учреждение полицейского надзора, по большему пространству, по безлюдности страны, в особенности же, вследствие неискусства нашего и нравственных элементов народа,— предприятие сие при настоящем порядке вещей просто невозможно, наконец,

3) Что по малодоходности Московской дороги она должна быть признана невыгодной.

Мемория кончается следующим отеческим наставлением правительству: «участие, требуемое от правительства, налагает на него обязанность поступить в сем случае с большею еще осмотрительностью. Наделять устроением роскоши две столицы, без того уже притягивающие к себе все материальные и нравственные силы государства, ко вреду сего последнего, не значит ли это заставлять платить за удовлетворение нескольких частных удобств бедных жителей бедных уездов, не имеющих вовсе никаких сообщений».

Мне говорили, что редактором этого странного мнения был молодой тогда чиновник министерства внутренних дел, только что вышедший из Московского университета г. Милютин, тот самый Николай Алексеевич Милютин, который высказал впоследствии большие государственные способности, а в настоящую минуту в звании члена Государственного Совета доживает свой век в полуразрушенном от паралича состоянии.

Мнение нового министра внутренних дел г. Перовского имеет преимущество краткости, но, с тем вместе, не отличается верностью воззрений и определительностью заключений. Повторяя те же главные выводы, к коим пришел гр. Строганов, о бесполезности, о невыгодности Московской дороги и затруднительности в исполнении, г. Перовский присовокупляет: «нельзя оставить без внимания еще одно важное обстоятельство: первым следствием этой новой и при том самой тесной связи средоточия России через С.-Петербург с иностранными землями было бы слишком сильное влияние духа иноземного на коренные наши губернии. Обстоятельство это ни в каком случае не может быть выгодно для России».

После этого прибавления, сделанного скорее в духе Китайской стены, нежели в том духе, которым проникнуты деяния великого преобразователя России, г. министр внутренних дел заключает следующими словами:

«Как бы то ни было, а вопрос о железной дороге разрешается, кажется, следующим: если, несмотря на мнения многих, предприятие признано будет до того полезным и необходимым, что правительство решится понести и самый убыток, взять на себя и выплатить в случае неудачи весь долг (какая сбивчивость понятий), то предложение банкиров должно быть принято и дорога устроена; ежели же предположено будет решиться на дело это только в надежде, что оно должно окупиться и дать доход на покрытие беспримерных по огром-

ности своей издержек, то следует от него отказаться, потому что ожидаемый доход слишком сомнителен». Поучительное заключение министра, в особенности министра внутренних дел, которого спрашивают мнение по важному вопросу, относящемуся к внутренней жизни государства, и который, отделяя себя от правительства, говорит: ежели признают, что дело хорошее, то пусть себе на здоровье делают.

Комитет Главного управления путей сообщений, которому товарищ главноуправляющего (за отсутствием гр. Толя) поручил рассмотреть соображения нашей комиссии, составлен был из председателя генерал-лейтенанта Дестрема и членов: генерал-майора Рокосовского, полковника Головинского, майора Кербедза и от министерства внутренних дел — ст. сов. Преверзева. Комитету предоставлено было приглашать для объяснений и представителей купечества петербургского и рыбинского (приглашены были раз Харчиков, Немилов, Тюменев, Полежаев и Кириллов). В этом составе Комитета Рокосовский представлял идеи Главного управления, Головинский — специальность по водяным сообщениям, а Кербедз (мой спутник в путешествии по Европе) — специальность по железным дорогам и, сверх того, п о с л у ш н о е математическое орудие для расчетов в желаемую сторону. Вот главные выводы, к коим пришел Комитет (за исключением председателя, подавшего особенное мнение) после самого мелочного разбора всех положений Комиссии (привожу эти выводы параллельно с результатами расчетов Комиссии):

По расчетам Комиссии:		По положению Комитета путей сообщений:
Первоначальное устройство и обзаведение будет стоить	43 млн. р. с.	37 474 755 р. с.
Ежегодный расход на содержание дороги и движение по оной	3 150 000 р. с.	2 172 702 р. с.
Ожидаемый доход	5 730 000 р. с.	2 962 000* р. с.
Частная прибыль	2 580 000 р. с.	789 298 р. с.
Составляет % с первоначального капитала	6%	2,11%

Примечательно, что Комитет путей сообщений, уменьшив расход первоначального устройства, который в действительности был значительно превзойден против расчетов Комиссии, нашел возможным еще уменьшить валовой сбор, который оказывается слишком в три раза более, нежели на сколько рассчитывала Комиссия. Специалисты (составлявшие Комитет) не отличались своим знанием или, лучше сказать, через край хватили в желании угодить высшему начальству. Все они уже покойны, за исключением Кербедза, который рассматривается авторитетом в вопросах железных дорог и, думаю, теперь сожалеет, что тогда слишком поддался угодливостью. Состоя в Совете главного общества, которому подарена дорогая Николаевская дорога, Кербедз, конечно, не без некоторого упрека совести подписывает ежегодно отчет деятельности этой дороги, собирающей до 18 млн. руб. вместо насчитанных им менее 3 млн.

Председатель Комитета выказал гораздо более независимости характера, подав особенное мнение, в котором, как я заметил выше, он идет далее предположений Комиссии в смысле пользы и выгодности Московской дороги По подробным расчетам и соображениям, изложенным в мнении г. Дестрема, исчислено:

---

* Сноска в подлиннике содержит в себе раскрытие дохода по статьям и по расчетам Комиссии и по положению Комитета путей сообщения. См. эти расчеты в LXVI томе жур. «Красный архив», стр. 14.

Первоначальная стоимость дороги в . . .	40 571 722 р. с.	
Ежегодный расход на содержание и движение дороги	2 890 426 р. с.	
Ежегодный доход:		
1) От пассажиров I разр. в числе . . .	50 по 18 р. с. 900 000 тыс.	6 922 000 руб. сер.
» II » » . . .	200 по 12 р. с. 2 400 000 тыс.	
» III » » . . .	150 по 4 р. с. 600 000 тыс.	
2) От скота в числе 50 тыс. гол.	5 р. с. 150 000 тыс.	
3) От товаров в числе	14 800 000 пуд. 2 872 000 тыс.	

Затем остается чистой прибыли 4 315 000, или около 10% с первоначального капитала.

Мне остается упомянуть об особом мнении гр. Толя, при коем препровождены им к гр. Бенкендорфу заключения Комитета путей сообщения и особое мнение ген.-лейт. Дестрема.

Мнение гр. Толя, написанное, вероятно, Девятиным, основываясь на данных и технических данных, которые, я полагаю, были подбираемы Кербедзом под вперед заданный вывод, ошибочно в своих основаниях, поэтому оно не верно в своих заключениях и, сверх того, по существу своему вовсе не свойственно министру, к тому же незнакомому с специальностью инженерного дела.

Вместо воззрения на предмет с государственной точки зрения, гр. Толя заставляют входить в подробности расчетов и посвящать несколько листов техническим вопросам, как, например, определению настоящей величины коэффициента сцепления колес локомотива с рельсами и т. п. Такое мнение, несовместное с положением и достоинством почтенного и заслуженного графа, легко было опровергнуть.

В мнении сем заключаются следующие возражения против заключения Комитета и Комиссии по тем вопросам, по коим Комитет сохранил положение Комиссии:

1) Что Комитет допустил недостаточную длину дороги; ее следует считать в 625 верст, вместо 618 верст (действительно только 604 версты).

2) Что цена на единицу земляных работ недостаточна.

3) Что мало положено на отчуждение земель.

4) Что сцепление колес с рельсами следует считать не в $^1/_7$, как принято Комиссиею, а не более $^1/_{12}$, так что груз, который может вести паровоз, должно принять* не более 3 058 пудов (как это близко к истине, когда в настоящее время перевозятся одною машиною до 18 т. пудов чистого груза).

5) Что цены перевозки клади приняты химерические: вместо 56 и 42** коп. асс. с пуда за все расстояние; ближе принять цены американские 2 р. 30 к. асс. При таких ценах нельзя ожидать, чтобы какая-либо доставка клади перешла с водяных сообщений на железную дорогу; нельзя даже предполагать, чтобы по сей дороге повезли и ту кладь, которая ныне провозится по шоссе между Петербургом и Москвою. (Как это далеко от того, что оказалось на деле:

---

* Так в подлиннике.

** В бытность мою министром, я сделал распоряжение, чтобы некоторые предметы, как-то: каменный уголь, туки и т. п., возились по 10 коп. сер., т. е. 35 коп. асс. с пуда за все расстояние 600 верст (прим. в подлиннике).

московское шоссе заростает травою, и я, будучи министром, сделал распоряжение чтобы его ремонтировали щебнем от постепенного уреза широты полотна). В заключение гр. Толь говорит, что он убежден, что содержание дороги потребует несравненно более сумм, нежели сколько их поступит в приход, о чем и просит довесть до высочайшего государя сведения. В немногих возражениях против г. Дестрема гр. Толь говорит, между прочим, что ген.-лейт. Дестрем, хотя не изъясняет, что цены за поставку тяжестей, предположенные Комиссиею для Московской железной дороги, суть цены невероятные, но уже предполагает возвысить сии цены для перевозки по упомянутой дороге шоссейной клади, как будто есть возможность, не открывая способов к злоупотреблениям, сортировать кладь по железной дороге иначе, как постановив в тарифе за доставку две цены, а именно: одну для крытых, а другую для открытых вагонов и предоставив хозяевам клади избирать вагоны для ее перевозки по их собственному усмотрению (это рассуждение доказывает, как советники гр. Толя мало имели сведений о железных дорогах).

Коллективная работа Комиссии нашей для написания объяснений на все эти мнения шла довольно медленно, отчасти потому, что г. Чевкин не оставлял ни одной статьи без перемен, часто не весьма удачных, но, в особенности, вследствие необходимости собрать много справок. Доклад Комиссии был подписан только 24 декабря 1841-го года и в тот же вечер, т. е. накануне рождества, представлен был его величеству.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Паровой двигатель на английских железных дорогах стал употребляться значительно ранее, чем это указано у Мельникова. В 1814 году на железной дороге Киллингвортских угольных копей первый паровоз Дж. Стефенсона «Блюхер» начал свои рейсы по перевозке угля на пристань. В 1815 г. Стефенсон построил второй паровоз, а на следующий год — третий под названием «Киллингворт». Этот паровоз возил груз в 50 т. В начале 20-х годов паровая тяга начала вводиться и на соседних горнозаводских рельсовых дорогах, наиболее значительной из которых была Хеттонская (13 км).

В 1825 г. было открыто движение на Стоктон-Дарлингтонской железной дороге (протяжением в 43,5 км основного пути). Эта дорога предназначалась уже не только для перевозки товаров, но и пассажиров, как это было утверждено парламентом в 1823 г. 27 сентября 1825 г. из Дарлингтона в Стоктон прибыл первый поезд из 21 пассажирского и 12 товарных вагонов. Общий вес состава с грузом достигал 90 т, скорость движения равнялась 24 км в час.

[2] Конкурс паровозов, о котором говорит Мельников, состоялся 6 октября 1829 г. в Рейнхилле. В состязании участвовали паровозы: 1) «Ракета» (а не «Стрела», как ошибочно указывает Мельников), построенный Стефенсоном на его паровозостроительном заводе, основанном им в 1823 г. в Ньюкестле 2) «Настойчивость» — паровоз Берстолла из Эдинбурга, 3) «Несравненный» — паровоз Хакворта и 4) «Новинка» — шведа Эриксона. Состязание выиграл паровоз Стефенсона. (В. С. Виргинский «Техника жел. дор. транспорта». М., 1938. стр. 93—95).

[3] Отсюда следует, что Мельников писал свои записки в 1871 году. Последнее подтверждается еще рядом подобных же указаний в дальнейшем тексте.

[4] Мельников здесь не принимает в расчет открытой в 1838 г. б. Царскосельской ж. д., как пути местного значения, а начинает с Петербурго-Московской, к проектированию которой было приступлено в 1841 г.

[5] Здесь Мельников почему-то не учитывает того, что за 15 лет со времени начала строительства б. Николаевской жел. дор., т. е. с 1841 по 1856 г. были открыты, кроме б. Царскосельской, Варшаво-Венская (1848) и Петербурго-Гатчинская (1853 г.), начата Петербурго-Варшавская.

[6] С 1860 по 1870 г. открыто 8 860,62 км железнодорожных путей, за время же с 1838 г. по 1859 г.— только 1253,99 км.

[7] Комитет, учрежденный в 1852 г., являлся междуведомственной организацией и носил следующее название: «Комитет высочайше учрежденный для

рассмотрения предположений о сооружении железных дорог». Указанный Комитет заменил собою созданный в 1842 г. «Комитет для сооружения С.-Петербурго-Московской железной дороги».

[8] Периодизация, принятая Мельниковым в своих записках, увязана с личным участием Мельникова в истории развития железнодорожного дела в России.

[9] Руководителем строительства железной дороги между Линцем и Будвейсом был Франц Антон фон Герстнер — впоследствии строитель б. Царскосельской дороги.

[10] Отчет П. П. Мельникова о его командировке в Америку находится в библиотеке Института Путей сообщения в Ленинграде.

[11] Отчета П. П. Мельникова о его командировке в Европу в архиве ведомства Путей сообщения не найдено.

[12] «Благодаря большим дорогам человеческая мысль будет двигаться в даль в форме, наиболее благоприятной для ее распространения, т. е. во плоти и крови».

[13] Мельников ошибочно указывает, что упомянутая фраза М. Шевалье была использована Толем, как аргумент против принятия проекта С.-Петербурго-Московской железной дороги. Он ее использовал при отводе предложения Николая I соорудить дорогу между Рыбинском и Петербургом и сделано это было в следующих словах: «..Отсюда истекает заключение, что главные выгоды и цель железных дорог — есть перевозка пассажиров, коих значительного числа никак нельзя ожидать между Рыбинском и С.-Петербургом. Тут рабочий народ отправляется по Тихвинской системе в так называемых народных лодках, участвуя в гребле и в тяге судна и, следовательно, почти без всякой платы. Один из новейших писателей Мишель Шевалье, наблюдая в Европе и Северо-Американских Штатах влияние железных дорог на благосостояние и просвещение государств, замечает, что перевоз пассажиров по означенным дорогам есть самое демократическое учреждение, какое только можно придумать для преобразования государств. Признаюсь вашему императорскому величеству, что это замечание сего писателя мне кажется совершенно справедливым, впрочем в этой части я могу и ошибаться». (Канцелярия Комитета и Строительной комиссии С.-Пбурго-Московской ж. д., 1842 г., св. № 174, арх. № 9/99, лл. 131—145). См. об этом же ниже в записках Мельникова, стр. 164.

[14] Еще раньше чем в 21 книжке «Журнала путей сообщения» за 1831 г. появилась статья М. Г. Дестрема «Общие суждения об относительных выгодах каналов и дорог с колеями...»; на эту же тему тем же автором в Институте путей сообщения была прочитана публичная лекция. Как лекция, так и статья были направлены против появившейся в 1830 г. в промышленной газете «Северный муравей» (№№ 1 и 30) статьи профессора физики СПБ-го университета Н. П. Щеглова «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами».

Но указанная статья Дестрема и даже Щеглова были все же не первыми заявлениями в русской печати по вопросу о железных дорогах. В 1805 г. вышло составленное Л. Вакселем «Описание чугунной дороги, учрежденной в графстве Суррей в Англии».

[15] М. Г. Дестрем был назначен начальником комиссии проектов и смет при главном управлении путей сообщения и публичных зданий в момент образования ее и умер в 1855 г., будучи в звании директора департамента проектов и смет и председателя совета вышеуказанного ведомства.

[16] «Стульями» назывались отесанные квадратные камни, которые клались на Ливерпуль-Манчестерской линии под рельсы там, где был достаточно крепкий грунт. В местах же с более слабым земляным полотном рельсы укладывались на поперечные шпалы. К «стульям» рельсы прикреплялись особыми «подушками», применявшимися также и при укладке на шпалы. (см. в книге В. С. Вергинского «История техники жел. дор. транспорта», М., 1938, стр. 90).

[17] В этом Дестрем оказался прав. Русские рельсы при постройке Петербурго-Московской железной дороги обходились на 15% дороже покупавшихся у Геста в Англии. Также и стоимость погонной версты Петербурго-Московской ж. д. обошлась значительно дороже, чем это было при строительстве железных дорог заграницей, а именно 132 515 руб. 91 коп. («Постройка и эксплоатация Николаевской ж. д. 1842—1851—1901 гг. Краткий исторический очерк, стр. 38), в то время, как, например, постройка Гавр-Парижской дороги обошлась с версты в 125.000 руб. ассигнациями или около 35.000 руб. серебром. (Мельников, нижеприводимые записки, стр. 155).

Однако, нужно оговориться, что стоимость версты железной дороги зависит от местных условий, так напр. стоимость версты Ливерпуль-Манчестерской жел. дороги, проложенной частично по бездонному болоту и частично в выемках, достигавших 24 метра глубины, обошлась почти столько же, как и на Петербургско-Московской.

[18] После смерти Герстнера его сочинения: 1) «Berichte aus den Vereinigten Staaten von Nordamerika über Eisenbahnen Dampfschitfahr etc.— 1839». 2) «Beschrei-

bung einer Reise durch die Vereinigten Staaten von Nordamerika in den J. 1939 und 1840», были изданы его женой в Лейпциге в 1842 г.

[19] Изложение данной Н. О. Крафту инструкции для обследования открытой в Австрии дороги между Будвейсом и Линцем помещено в «Красном архиве», т. 76, в публикации «Первые железные дороги в России». Отчета Н. О. Крафта в архивах ведомства путей сообщения не найдено.

[20] Герстнер так и не получил аудиенции у Николая I. Все дальнейшие дела с ним, по поручению Николая, вел. М. М. Сперанский, состоявший председателем специально созданного для этого комитета, в который вошли Новосильцев и Толь и в качестве секретаря — М. А. Корф.

[21] Сперанский весьма внимательно относился к порученному ему делу, о чем может свидетельствовать специальный архивный материал, названный «О бумагах, после покойного графа Сперанского найденных о железных дорогах» — фонд Канцелярии Комитета и Строительной комиссии СПБурго-Московской железной дороги, 1839, д. № 6.

М. М. Сперанский был сторонником предоставления дела железных дорог частной инициативе.

[22] Статья инженера Палибина по своему стилю и содержанию чрезвычайно близка к анонимной записке, поданной на имя Николая I в 1838—39 г., где также указывается на климатические трудности при построении у нас железных дорог и на особенность характера русского человека, которая еще никак не увязывается с темпами железных дорог и их назначением. (Записка «Несколько слов о железных дорогах в России». Собственная е. и. в. канцелярия, д. № 624 1/1 лл. 1—15).

[23] Строительство Петергофской дороги было предоставлено не Герстнеру, а барону Штиглицу. Стройка ее началась в 1856 г., а открыта она была уже 21 июля 1857 г. Любопытна одна резолюция Николая I по поводу проектирования Герстнером, Петергофской дороги.— «...кроме (того), г. Герстнер публиковал в газетах об устройстве им железной дороги через Петергоф в Ораниенбаум, о чем тамошние помещики ничего не знают, и вряд ли дадим (Николай причисляет и себя к «тамошним помещикам») свое согласие, ежели вздумает проводить через сады Петергофские». (Журнал Комитета министров от 11 авг. 1836 г.).

Сочинение, о котором упоминается в тексте, было издано Герстнером в 1836 г. под названием «О выгодах построения железной дороги из Санкпетербурга в Царское село и Павловск высочайше привилегированною его императорским величеством компаниею. Сочинение Ф. А. фон Герстнера. СПб. Напечатано при имп. Академии Наук. В этом сочинении, в главе «Взгляд на будущее» Герстнер пишет: «Конечно, было бы желательно, чтобы и в других краях империи построены были в 1836 и 1837 годах некоторые небольшие дороги, дабы потом с полной уверенностью можно было приступить к исполнению великого проекта дороги из Петербурга в Москву». (стр. 65).

[24] По некоторым данным выясняется, что вместо колокола на первых паровозах применялся особой конструкции орган, игравший в момент движения поезда по населенным местам и паркам.

[25] Никаких приложений к запискам Мельникова не обнаружено. См. «Положение» общества, напечатанное в поданном Герстнером сочинении: «О выгодах построения железной дороги из СПБ в Царское село и Павловск», стр. 69—72.

[26] Акционерному обществу б. Царскосельской ж. д. в октябре 1837 г. была выдана по решению правительства ссуда в размере 1½ миллионов руб. асс. с правом погашения в течение 37 лет. (См. журнал Комитета министров, октябрь 1837 г.).

[27] В подлиннике сразу же после фразы: «Теперь сообщу некоторые сведения о путешествии моем заграницу...» идет фраза: «Впрочем, в приведенных выше предложениях заключаются все те немногие проекты...» Никаких сведений о путешествии его за границу ни в ссылках, ни в дальнейшем тексте нет.

[28] Прим. 12 и 13.

[29] Указанных Мельниковым несколько страниц, посвященных его поездке в Америку, в тексте записок нет. Повидимому, они должны были бы быть в отсутствующих приложениях.

[30] Следующая глава «Поездка на Волгу» напечатана отдельно, см. «Красный архив», 89—90, стр. 309—335.

[31] Текст заключения Комитета при Главном управлении путей сообщения на представленный Комиссией проект по устройству железной дороги между Петербургом и Москвою приведен в публикации «Первые железные дороги в России» — «Красный архив», т. 76, стр. 145—147.

[32] Приложений нет. Записка Строганова находится в архивном фонде мин. вн. дел (Канцелярия министра, 1841 г., № 218 «Б»).

Содержание

Стр.

Верному соратнику Ленина и Сталина — Вячеславу Михайловичу Молотову . . . 5

Верному соратнику Ленина и Сталина, главе Советского правительства — Вячеславу Михайловичу Молотову 6

Вячеслав Михайлович Молотов (краткая биография) 8

Гражданская война в Финляндии. Вводная статья С. Маркова 15

Восстание русских солдат во Франции в 1917 г. Вводная статья майора Г. Захарова 52

Вооруженная борьба новороссийских рабочих в декабре 1905 г. Вводная статья И. Мартынова 72

Крестьянское движение в Западном Закавказьи в 1902—1905 г. Вводная статья Проф. К. Сивкова 90

Начало железнодорожного строительства в России. (Из записок П. П. Мельникова). Вводная статья М. Крутикова 127

Опечатки в № 1(98) «Красного архива»

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
26	29 сверху	Донсовропа	Донсовпрофа
75	4 снизу	Приказом директивной	Приказом-директивой
94 и 96	1 сверху	г. Ужа	г. Уфа.
202	8 »	1853 г.	1858 г.
219	14 снизу	а и И. Н. Ульянов	а И. Н. Ульянов
278	2 сверху	23 января	21 января

Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина

Редакционная коллегия

Сдано в набор 13/III 1940 г. Подписано к печати 25/IV 1940 г. Формат 70 × 107 1/16. Объем 11 1/4 п. л. = 13,49 уч.-изд. л. Соцэкгиз № 14. Заказ типографии № 360. Уполномоч. Главлита РСФСР № А—27539 Тираж 4 075

Технич. оформление И. Широкова

1-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., д. 10.

40